

ISSN 2078-7081

Научно-методический
и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 1 2017

УЧРЕДИТЕЛИ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
Самарский государственный социально-педагогический университет

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин
кандидат исторических наук, доцент

Международная редакционная коллегия

А. С. Берберян, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения)
В. Н. Гончаров, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия)
И. Г. Дорошина, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
Е. Кашпарова, PhD. (социология – Прага, Чехия)
Д. Танцошова, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия)
Н. Ц. Христова, PhD., профессор (история – София, Болгария)
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия)

Международный редакционный совет

Н. Арабаджийски, PhD., профессор (экономика – София, Болгария)
А. Ю. Большакова, доктор филологических наук (Москва, Россия)
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия)
Л. Е. Гринин, доктор философских наук, академик РАН (Волгоград, Россия)
В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия)
В. М. Минияров, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия)
М. П. Мохначева, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия)
М. Сапик, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия)
Е. Н. Сердобинцева, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия)
Л. Цибак, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия)

Рецензируемый научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует статьи по философии, культурологии, филологии, психологии, педагогике, социологии, праву, истории, экономике и другим социально-гуманитарным дисциплинам, а также методические разработки учебных и воспитательных занятий.

Журнал индексируется в наукометрических базах:

- Электронная научная библиотека (Россия)
- Directory of open access journals (Швеция)
- Open Academic Journal Index (Россия)
- Research Bible (Китай)
- Scientific Indexing Services (США)
- Global Impact Factor (Австралия)
- Cite Factor (Канада)
- International Society for Research Activity (ISRA) Journal Impact Factor (JIF) (Индия)
- General Impact Factor (Индия)
- Infobase Index (Индия)
- Scientific Journal Impact Factor (Индия)
- Universal Impact Factor
- CrossRef (США)

Импакт-фактор

- РИНЦ – 0,279
- Global Impact Factor – 1,687
- Scientific Indexing Services – 1,5
- Research Bible – 0,781

ISSN 2078-7081

© ООО Научно-издательский центр
«Социосфера», 2017.

© Самарский государственный
социально-педагогический университет, 2017.

ISSN 2078-7081

Scientifically-methodical
and theoretical journal

SOCIOSPHERE

№ 1 2017

THE FOUNDERS
The science publishing centre «Sociosphere»
Samara State Social and Pedagogical University

The chief editor – Boris Doroshin
candidate of historical sciences, associate professor

International editorial board

A. S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia)
V. N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia)
I. G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
E. Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic)
J. Tancoshova, Ph.D., professor (Economics – Bratislava, Slovakia)
N. Ts. Khristova, Ph.D., professor (History – Sofia, Bulgaria)
N. A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia)

International editorial council

N. Arabadzhiiski, Ph.D., professor (Economics – Sofia, Bulgaria)
A. Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)
S. N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia)
L. E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia)
V. V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia)
V. M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia)
M. P. Mokhnacheva, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia)
M. Sapik, Ph.D., assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic)
E. N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)
L. Cibak, Ph.D., MBA (Economics – Bratislava, Slovakia)

Peer-reviewed scientific and methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes articles on philosophy, philology, psychology, pedagogy, sociology, law, history, economics and other social and human sciences, and also methodological manuals of training and educational activities.

The journal is indexed by:

- Electronic Research Library (Russia)
- Directory of Open Access Journals (Sweden)
- Open Academic Journal Index (Russia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Global Impact Factor (Australia)
- Cite Factor (Canada)
- International Society for Research Activity (ISRA) Journal Impact Factor (JIF) (India)
- General Impact Factor (India)
- Infobase Index (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)
- Universal Impact Factor
- CrossRef (USA)

Impact factor of the journal

- Russian Science Index – 0,279
- Global Impact Factor – 1,687
- Scientific Index in Services – 1,5
- Research Bible – 0,781

ISSN 2078-7081

© The science publishing centre «Sociosphere»,
2017.
© Samara State Social and Pedagogical University,
2017.

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора.....	9
----------------------------	---

ИСТОРИЯ

Джакишев А. У. Миграционные процессы в Кыргызстане в Новое и Новейшее время.....	13
Саидбобоев З. А. Российские историко-географические и картографические источники о Средней Азии (первая половина XIX века)	24

ЭКОНОМИКА

Галактионова Н. В. Онлайн магазин: бухгалтерский и налоговый учет.....	30
Казанская И. В., Ямщиков С. В. А. В. Аникин как историк экономики и экономических учений.....	35

ФИЛОСОФИЯ

Бутенко Н. А. О социальной природе познания.....	40
Куликова И. М. Мифологическая модель мира в наследии Владимира Шесталова.....	45

ФИЛОЛОГИЯ

Афинская З. Н. Регионализм: когнитивно-дискурсивные особенности термина	52
Егiazарян Г. В. Проблема национальной идентичности в романе Джоди Пиколт «Уроки милосердия»	62
Рустамий С. А. «BALAAG'AT» как лингвостилистическая дисциплина	67

Сайдазимова У. Т.

Поэтика корейской прозы в XVII–XVIII веков и особенности
ее жанровых форм 73

Dzyubenko A. I., Tamrazova L. D.

Immobility as one of key images in fiction by S. Townsend..... 80

Yuldoshev U. R.

The usage of stylistic devices: metaphor, metonymy, hyperbole in Uzbek
and English humorous texts 84

ПЕДАГОГИКА

Рузиева Д. И.

Профессионализм преподавателя в условиях переподготовки
и повышения квалификации педагогических кадров 93

Baeva D. C.

A study on the effectiveness of educational interactive multimedia
integration in the process of foreign language teaching..... 97

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Boychenko K.

Implementation of interactive environment for recovery and rehabilitation..... 104

ПСИХОЛОГИЯ

Щербатых Ю. В.

Проверка валидности проективного теста на агрессию
(на примере теста «Рисунок несуществующего животного») 111

Правила для авторов..... 117

План международных конференций, проводимых вузами
России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии,
Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2017 году 118

Информация о научных журналах..... 120

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 121

CONTENTS

From the editor-in-chief.....	9
-------------------------------	---

HISTORY

Dzhakishev A. U. Migration processes in Kyrgyzstan in modern and contemporary times	13
Saidboboev Z. A. Russian historical-geographic and cartographic sources about Central Asia (first half of XIX century)	24

ECONOMICS

Galaktionova N. V. Online store: accounting and tax accounting	30
Kazanskaya I. V., Yamshchikov S. V. A. V. Anikin as a historian of economics and economic doctrines	35

PHILOSOPHY

Butenko N. A. About the social nature of knowledge	40
Kulikova I. M. The mythological model of the world of Vladimir Shestalov	45

PHILOLOGY

Afinskaya Z. N. Regionalism: a cognitive-discursive peculiarities of the term	52
Yeghiazaryan G. V. The problem of national identity in storyteller by Jodi Picoult	62
Rustamiy S. A. «BALAAG'AT» as a lingvostilistik science	67

Saydazimova U. T.

The poetic's of Korean prose in XVII–XVIII centuries and future
of its genre's form 73

Dzyubenko A. I., Tamrazova L. D.

Immobility as one of key images in fiction by S. Townsend..... 80

Yuldoshev U. R.

The usage of stylistic devices: metaphor, metonymy, hyperbole
in Uzbek and English humorous texts..... 84

PEDAGOGICS**Ruzieva D. I.**

Professionalism of the teacher in the conditions of retraining
and improving the qualification of pedagogical staff 93

Baeva D. C.

A study on the effectiveness of educational interactive multimedia
integration in the process of foreign language teaching 97

ART STUDIES**Boychenko K.**

Implementation of interactive environment for recovery and rehabilitation..... 104

PSYCHOLOGY**Shcherbatykh Y.V.**

Check the validity of the projective test of aggression
(for example, the test "drawing a nonexistent animal") 111

Rules for authors 117

Plan of international conferences held by the universities of Russia,
Armenia, Azerbaijan, Bulgaria, Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan
and the Czech Republic on the basis of Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ» in 2017 118

Information about scientific journals 120

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 121

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Информационная эпоха, в которую нам довелось жить, несоизмеримо усилила относительно всех предшествующих стадий исторического развития человечества значение такого необходимого и всеобщего условия жизнедеятельности человека и одного из фундаментальных оснований социального бытия, каковым является коммуникация.

Свершившаяся в середине XX столетия электронно-коммуникационная революция дала мощнейший импульс постоянному и неуклонному количественному и качественному росту, уплотнению, интенсификации и глобализации коммуникаций. Эти процессы повлекли за собой развернувшееся столь же быстрыми темпами формирование и развитие теории коммуникации – междисциплинарного направления исследований, вызванного к жизни потребностью в адекватном анализе, аргументированной оценке и концептуальном совершенствовании деятельности специалистов, занятых в сфере массовых коммуникаций.

Общества, ступившие на путь формирования постиндустриальной рыночной экономики и демократической политической системы на рубеже наступившего тысячелетия, наиболее остро испытали необходимость в коммуникативных знаниях, умениях и навыках, поскольку в

новых условиях особенно явственно напомнила о себе непреложная истина, что залогом успеха всякой профессиональной и общественной деятельности является способность к установлению и поддержанию гармоничных отношений и конструктивного взаимодействия с людьми. Здесь переживается настоящий «коммуникативный бум», когда проблемы коммуникации оказались в центре внимания представителей самого широкого спектра дисциплин, а само это понятие стало одной из основополагающих категорий социально-гуманитарного знания.

В числе многообразных видов коммуникации наиболее значимой с точки зрения тенденций, возобладавших и нарастающих в современном обществе, является массовая аудиовизуальная коммуникация. Одним из её наиболее широко распространённых средств остаётся телевидение, немеркнущая заслуга которого состоит в ревитализации естественного устного, сопровождаемого зрительным рядом, инфокоммуникационного воздействия на аудиторию, свойственного дописьменным культурам. Интеграция телевидения с интернетом, появление его новых, гибридных форм – интернет-телевидения, «умного телевидения» (smart TV), способствовали расширению возможностей зрительского выбора, развитию обратной связи между реципиентами и

коммуникаторами в сети телевидения, превращая её посредством интерактивных технологий в полноценную систему интенсивных двухсторонних коммуникаций. Выход на массовый рынок услуг спутникового и кабельного телевидения, цифрового вещания, обеспечив потребителю качественный доступ к обширнейшему спектру телевизионных каналов и других информационных ресурсов множества стран мира, явился существеннейшей вехой на пути глобализации.

Однако самым мощным инструментом включения в систему массовых коммуникаций на сегодняшний день являются бывшие ещё недавно лишь персональным средством обработки и анализа данных компьютеры. Главной причиной тому явилась их соединение электронными сетями, а в особенности – наиболее развитой и влиятельной из них – сетью интернет. Именно развитием компьютерно-сетевых коммуникаций на текущем этапе всемирно-исторического процесса начинает всё больше определяться качество цивилизации. Распространение с лёгкостью преодолевающей как природные, так и социально определённые границы сети интернет открыло новую эру в развитии сферы коммуникаций. Набирающая силу «четвертая волна», увеличивая интенсивность коммуникаций, в то же время обуславливает сокращение тех из них, что относятся к межличностным, направляя их в виртуальное русло. Всё большая доля жителей Земли оказывается

интегрированной в новую инфокоммуникационную реальность, обеспечивающую стремительно расширяющийся доступ к самым различным сведениям и знаниям, а также возможность в реальном времени приобщаться к множеству происходящих во всех сферах общественной жизни событий и процессов, не только воспринимая таковые, но и принимая в них опосредованное участие. Симбиоз персональных компьютеров с телекоммуникационными сетями, в определённом смысле уплотняя пространство и время, делая в известной мере призрачными рубежи и преграды, наделяет жителей различных стран и регионов планеты чувством взаимосопричастности и сотворчества в некоем передовом общечеловеческом сообществе.

Неуклонный прогресс технологий в сфере коммуникаций существенно уменьшил стоимость накопления, обработки и передачи информации в общемировом масштабе, что весьма благоприятно сказалось на показателях экономического роста. Инновации в этой области детерминируют перестройку трудовых отношений, превращая в удел минувшего одни профессии и специальности, взамен которым при их посредстве возникают новые. Устойчивый характер обрели произошедшие в конце XX в. Изменения на глобальном рынке медиапродукции, в реализации которой наиболее весомую роль играют различные каналы и средства электронной коммуникации. Всё более

уверенно заявляют о себе в качестве не только производителей, но и экспортеров аудиовизуального и программного контента Мексика, Бразилия, Индия, Египет, давая тем самым основания сторонникам концепции глобального плюрализма коммуникаций утверждать о закате культурно-информационной гегемонии Запада. Интернет и другие электронные сети, предоставляя целый спектр возможностей прямого ответа потребителю, всё шире и многообразнее используются для развёртывания наиболее современных форм маркетинговых коммуникаций. Нуждаясь для успешного воздействия на потребителя в креативности, существенном объёме и частоте представления товара, а также его новизне и оригинальности, подобные коммуникации аккумулируют при своей подготовке и осуществлении значительные творческие и материальные инвестиции.

Уже в последние десятилетия индустриальной эпохи благодаря распространению телеграфа, телефонной связи, радио и телевидения со всей очевидностью проявилась прямая и пропорциональная зависимость между эффективностью коллективных действий, а как следствие – уровнем развития гражданского общества, и степенью плотности и открытости коммуникаций. В условиях же общества информационного протекает коренное изменение всего содержания и характера политической коммуникации, формирование компьютеро-опосредованной стержневой компоненты её структуры.

В условиях, когда инфокоммуникационные технологии образуют субстрат общественных отношений, и политическая сфера может служить наиболее ярким примером тому, сколь фундаментально стало их значение в этом качестве, возникли и получили определённое распространение отражающие эту новую реальность термины: электронное правительство, электронная (а также – цифровая или дигитальная, коммуникационная) демократия, кибердемократия, киберполитика и т. п. В то же время к числу дискуссионных продолжают относиться вопросы о характере влияния телекоммуникационной среды на институты и процессы современной демократии; о направленности и глубине изменений, обусловленных прогрессом инфокоммуникационных технологий и вероятности формирования в ходе этих изменений принципиально новой общественно-политической системы.

Кардинально меняя складывавшийся долгое время комплекс представлений, установок, стереотипов, форм поведения и взаимодействия политических институтов с гражданами, инфокоммуникационные технологии определяют тренд на формирование новых моделей политической коммуникации, ориентированных на подлинно демократический равноправный диалог между субъектами управленческих полномочий и населением. Именно в его рамках может быть организован полноценный обмен достоверными и всеобъемлющими сведениями о политических явлениях и процес-

сах, соответствующий фундаментальным правам и свободам человека, основополагающим цивилизационно-культурным ценностям данного общества.

Одним из следствий интенсивного развития информационных и транспортных коммуникаций в глобализирующемся мире является увеличение и качественное усложнение взаимодействий между различными странами как на межгосударственном, так и на частном уровнях. Колоссальное развитие получил международный туризм, практика самостоятельного или организованного заинтересованными в этом социальными институтами выезда граждан за рубеж для обучения, стажировок, повышения квалификации и долговременной работы, участие в деятельности международных учреждений и предприятий различного профиля, выставок, симпозиумов, конференций форумов. При этом для налаживания и поддержания основанных на взаимопонимании интеракций между представителями разных стран наряду со знанием соответствующих языков оказывается всё более востребованной компетентность в области межкультурных коммуникаций – дисциплины, объединяющей знания о нормах и ценностях, наиболее важных составляющих культуры, истории и психологии то-

го или иного народа, а также самого процесса общения.

Межкультурная коммуникация как относительно новая и перспективная отрасль знаний в настоящее время развивается на перекрестье целого спектра гуманитарных наук – коммуникативистики, этнопсихологии, культурологии, социологии, лингвистики и др. Подготовленность к эффективной межкультурной коммуникации является на сегодняшний день необходимой для полноценной деятельности специалистов в самых различных областях, позволяющей им устанавливать паритетное взаимовыгодное сотрудничество и находить конструктивные решения в сложных обстоятельствах. Такая подготовленность заключается прежде всего в овладении межкультурной компетенцией, понимаемой в самом общем виде как способность успешно взаимодействовать с представителями другой культурной общности, действуя при недостаточном знании основных элементов их культуры компенсаторные стратегии и формируя таким образом новую коммуникативную общность, характеризующуюся открытостью к восприятию различий, настроен на кооперацию, творческий подход, сбалансированность и симметричность в процессе коммуникации.

Б. А. Дорошин

УДК: 947.1: 351.74 (575.2) (04)

DOI: 10.24044/sph.2017.1.1

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КЫРГЫЗСТАНЕ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

А. У. Джакишев

*Доктор исторических наук, профессор
Кыргызско-Российский
Славянский университет
г. Бишкек, Кыргызстан*

MIGRATION PROCESSES IN KYRGYZSTAN IN MODERN AND CONTEMPORARY TIMES

A. U. Dzhakishev

*Doctor of Historical Sciences, professor
Kyrgyz-Russian Slavic University
Bishkek, Kyrgyzstan*

Abstract. In modern and contemporary times Kyrgyzstan has become a place of intense migration. Intensive migration processes originate from the second half of the 19th century. In the first decades of the 20th century, the Soviet leadership is widely practiced deportation and reference population. In the 50s, due to the industrial development of Kyrgyzstan, external labor migration prevails. In the 70 years of increasing internal migration from the countryside to the city. The collapse of the Soviet Union triggered an unprecedented wave of migration, dramatically changing social and ethnic composition of the population. External and internal migration create social instability, led to an increase in crime.

Keywords: migration of population; deportation; crime; the Soviet Union; Kyrgyzstan.

За последние 150 лет своей истории Кыргызстан представляет собой территорию, куда активно мигрировали различные этносы. Ведение кыргызами в XIX столетии кочевого образа жизни и хозяйствования, не предусматривающее возделывание земельных угодий, создавало видимость наличия больших массивов свободной, никем не занятой земли. Поэтому с присоединением Кыргызстана к царской России, начиная

с 1868 г. по 1883 гг. на север и с 1893 гг. на юг Кыргызстана, идет процесс переселения казаков и крестьян. Так, за 15 лет, с 1868 по 1883 гг., в Семиреченской области возникло 36 поселений, в которых расселилось 2500 семейств, прибывших из Воронежской губернии и Украины [14].

Миграция народов в Кыргызстан шла не только из Российской империи, но и из Цинского Китая. После

подавления Тайпинского восстания в Китае в ноябре 1877 г. в г. Пржевальске появилась первая группа дунган в количестве 1166 чел., спасающихся от карательной армии генерала Цзао Цзунтана. К концу 80-х гг. 19 в. в Кыргызстане и Казахстане уже проживало более десяти тысяч дунган [11].

В 1891–1892 гг., вследствие неурожая и голода на значительной части европейской территории России, в Туркестанский край прибыло около 12 тыс. самовольных переселенцев, образовавших 23 поселка. В Семиречье таких переселенцев прибыло 1769 семей. Опасаясь возможных осложнений из-за нехватки пригодных для освоения земель, царское правительство в 1890 г. наложило запрет на переселение. Однако вопреки официальному запрету самовольное переселение продолжалось.

В связи с революцией 1905 г. царское правительство, стремясь погасить волнения в России, вновь открыло Туркестан для переселения. В край хлынула очередная волна переселенцев. В 1906 г. в Средней Азии насчитывалось 77174 переселенца, в том числе в Семиреченской области – 39751, в Сыр-Дарьинской – 27221 и т. д. Основная часть переселенцев поселилась в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях – главным образом, в кочевых и полукочевых районах, населенных казахами и кыргызами. Колониальная администрация проводила политику, направленную на экспроприацию кыргызских земель,

начав с изъятий так называемых «свободных» земель, т. е. пастбищ. В начале XX в., царское правительство приступило уже к массовому изъятию земель у коренного населения Туркестана в пользу переселенцев. Реквизиционная политика по изъятию и отчуждению земель у коренного населения в пользу переселенцев вызвала социальный взрыв. Тяжелое положение коренного населения стало главной причиной восстания 1916 г., которое было подавлено. В результате, кыргызы потеряли 30 % своего населения, 60–70 % скота, 130 тыс. кыргызов бежали в Восточный Туркестан (Западный Китай). После свержения царизма, весной 1917 г. на родину возвратилось около 64 тыс. беженцев, 38 тыс. все еще оставались за пределами Кыргызстана. Реэмиграция кыргызов на родину, начавшаяся после Октябрьской революции 1917 г., продолжалась до 60-х гг. XX в. [14].

В советский период миграционные процессы продолжились. В ходе коллективизации 1929–1932 гг. весь кулацко-байский элемент был выслан за пределы Киргизской АССР, а на их место, прибывало раскулаченное население из других регионов СССР. Так, выселенцы из Республики немцев Поволжья, Саратовской, Ленинградской областей и Северного Кавказа были размещены в Ворошиловском районе Киргизской АССР. В Кантском районе расселились выселенцы из Узбекистана, Северного Кавказа и Поволжья, Территория Чуйского райо-

на стала местом проживания граждан Польши и бывших жителей г. Ленинграда, высланных в административном порядке в 1935–1937 гг. Для высленцев из Ленинградской, Саратовской областей, Республики немцев Поволжья и Северного Кавказа в 1932 г. в Кызыл-Аскерском районе был организован совхоз «Джаны-Джер», а в Кагановичском районе – совхозы «Джаны-Пахта» и «Нижне-Чуйский» [1].

Помимо «организованных» переселенцев, начиная с ноября 1929 г. на север Киргизии из разных мест СССР стали прибывать так называемые «нежелательные» переселенцы – в общей массе «само раскулаченные» крестьяне (т. е. сами распродавшие свое имущество), бежавшие из родных мест от ужасов коллективизации. За счет «нежелательных» переселенцев в апреле 1930 г. число безработных в г. Фрунзе достигло 4579 чел. [16].

В начале 1931 г. Средазбюро ЦК ВКП (б) постановило завершить этап «сплошной коллективизации» в Туркестане. В соответствии с этой директивой было принято решение выселить из Средней Азии на Украину и Северный Кавказ шесть тысяч бай-манапских и кулацких хозяйств, в том числе из Кыргызстана – 700 хозяйств [17]. Кампания по раскулачиванию хозяйств приняла более широкий размах. Только из сел Фрунзенской области за пределы Киргизии было выслано более тысячи кулацких и бай-манапских семей, вместо запланированных 700 со всей Киргизии [1]. По данным

историка Р. Конквеста раскулачивание в Средней Азии коснулось около полумиллиона человек. В Кыргызстане сопротивление раскулачиванию и коллективизации приняло, в основном, форму массового уничтожения скота, а также миграции за границу, причем часть приграничного населения ушла в Китай, уведя с собой 30 тыс. овец и 15 тыс. голов коров и лошадей [12].

В январе 1933 г. насильственная коллективизация и как следствие – разразившийся в Казахстане голод, погнавшие казахов в приграничные районы Киргизии, несмотря на усилия заградительных отрядов ГПУ не допустить миграцию. Ежедневно от голода и болезней умирало от пяти и более беженцев [18]. По неполным данным в Кыргызстан перекочевало более 12 тысяч казахских семей [6].

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Кыргызстан принял население из прифронтовых регионов СССР. Часть граждан была эвакуирована вместе с демонтированными предприятиями, другие прибывали поодиночке или семьями. К 1 декабря 1942 г. количество «неорганизованных» эвакуированных достигло 138 тыс. чел. Для организации учета и приема эвакуированных граждан, СНК Киргизской ССР принял меры по обеспечению их жильем, работой, медицинским обслуживанием, одеждой, обувью и питанием на первое время. В 1943 г. в соответствии с решением СНК СССР из Западных областей Украины и Беларуси в Кыргызстан, в

г. Токмак, было переселено 21500 польских граждан, ранее содержавшихся в тюрьмах, лагерях и спецпоселениях [11].

Агрессия фашистской Германии предоставило сталинскому режиму удобный случай обвинить народы Кавказа в предательстве и в государственной измене. 31 января 1944 г. ГКО СССР принял постановление о выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. В середине марта 1944 г. к месту назначения прибыли первые эшелоны с переселенцами. В Киргизию прибыло 28 эшелонов (75342 чел.) [19]. 24 августа 1944 г. принимается постановление о размещении в Киргизской ССР турок-месхетинцев, курдов и хемшил, выселенных из Грузии в количестве 5984 чел. Спецпоселенцев немецкой национальности насчитывалось 10959 чел., из них 9854 местных немцев, на которых был также распространен режим спецпоселения [8]. По данным отдела спецпоселений НКВД СССР на 1 октября 1944 г. в Кыргызстан было переселено 120.858 чел. Позже, в марте 1945 г. сюда переселили 10.700 балкарцев [11]. Наряду с репрессированными народами: чеченцами, ингушами, балкарцами и т.д., «ошибочно» были переселены кумыки, аварцы, езиды, лакцы, агулы [8]. Первые месяцы пребывания в Кыргызстане спецпоселенцев были одними из самых тяжелых, так как не сразу удалось их наладить быт. Всего с момента их прибытия и по 1 августа 1944 г. от болезней умерло

5128 чел. [19]. Всего за годы войны Кыргызстан принял в целом более 300 тыс. новых жителей [11].

7 июля 1945 г. вышел Указ ПВС СССР об амнистии заключенных в честь победы над гитлеровской Германией. В связи с массовым освобождением заключенных, было ликвидировано четыре исправительно-трудовых колонии НКВД Киргизской ССР. Концентрация больших масс перемещенных лиц в республике, особенно в г. Фрунзе и Фрунзенской области, а также амнистия заключенных дали первую в послевоенный период ощутимую волну уголовной преступности, в частности бандитизма.

В связи с непрекращающимся ростом преступлений, учащения случаев побегов спец. поселенцев были приняты особые меры. 5 января 1949 года, в соответствии с приказом МВД СССР, был создан оперативно-розыскной отряд при МВД Киргизской ССР численностью в 100 сотрудников. За 11 месяцев 1949 года работниками МВД было ликвидировано 12 банд, оперативно-розыскными заставами задержано 844 чел., бежавших из мест лишения свободы, 325 чел., покинувших места обязательного поселения, задержано преступников и лиц без документов 348 чел., 73 дезертира Советской Армии и 190 репатриантов [2].

Кыргызстан также стал местом отбытия наказания для военнослужащих, осужденных за совершение воинских преступлений. Так, в составе спец. поселенцев числилось 663 чел., служивших в РОА (Рус-

ской освободительной армии), 1766 – в немецких частях, 306 – в национальном легионе, 160 – служившие в карательных органах и отрядах, а в поселке Майли-Суу Джалал-Абадской области на спец. поселении находились три тысячи бывших военнослужащих армии генерала Власова, так называемые «власовцы» [3].

После смерти И. В. Сталина (март 1953 г.) и наступившим новым этапом в советской истории миграционные процессы в стране приобретают иной характер. Если ранее переселенческая политика носила принудительный характер, то теперь миграционные процессы стали показателем первых ростков свободы, начала крушения тоталитарного режима. В 50-е годы прекратил свое существование ГУЛАГ, из лагерей были освобождены сотни тысяч заключенных, реабилитированы и возвратились на родину репрессированные народы Кавказа, был отменен запрет на передвижение для колхозников. Десятки тысяч граждан добровольно ехали осваивать целинные земли Казахстана, строить гидроэлектростанции и ирригационные сооружения в Средней Азии, разрабатывать новые месторождения энергоресурсов в Сибири. Миграция в пределах СССР становилась делом естественным.

Амнистия для уголовных преступников, инициированная Л. Берией и объявленная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. существенно ухудшила криминогенную

ситуацию в СССР. По этой амнистии из 2 млн. 526 тыс. заключенных было освобождено 1 млн. 181 тыс. чел. [13]. Были освобождены и особо опасные рецидивисты. Преследуя свои личные интересы, Л. П. Берия ставил цель с помощью выпущенных на свободу преступников дестабилизировать общество, создать в стране атмосферу страха. К ноябрю 1953 г. в Кыргызстан прибыло девять тысяч амнистированных, что привело к осложнению оперативной обстановки в республике, особенно в столице. Фрунзенская милиция была не в состоянии самостоятельно справиться со сложившейся ситуацией. Подразделения органов милиции были переведены на казарменное положение [20]. 3 июля 1953 г. в соответствии с указанием МВД СССР в г. Фрунзе было введено патрулирование силами войск МВД и милиции.

В 1955 г. в республику, преимущественно во Фрунзенскую область и в г. Фрунзе, из других регионов СССР прибыло около 15 тыс. чел., в основном, амнистированных, которых необходимо было расселить и трудоустроить. Эта категория граждан чаще всего допускала разного рода правонарушения. Показательно, что среди лиц, привлеченных в 1955 г. к уголовной ответственности, 422 чел. (47 %) не работали, 224 чел. (25,5 %) были ранее судимы [21]. Активность преступных проявлений порой достигала такого уровня, что дезорганизовала повседневную жизнь столицы республики. Рабочие предприятий, особенно

женщины, отказывались выходить на работу во вторую смену. В 1956 г. в столице имел место ряд дерзких групповых хулиганских проявлений и других фактов насилия над горожанами. Случаи хулиганства в 1956 г., по сравнению с 1955 г., по республике возросли в два раза, а по г. Фрунзе – почти в три раза [22].

После XX съезда КПСС (1956 г.), осудивший культ личности Сталина, депортированные народы были реабилитированы. После этого решения был ослаблен режим содержания спец. поселений, что дало рост правонарушений среди бывших спец. поселенцев. За 7 мес. 1956г. за различные нарушения было арестовано 118 спец. поселенцев, а к уголовной ответственности привлечено 232 чел. [23]. Большой общественный резонанс получило вооруженное ограбление банка в Покровском районе Фрунзенской области, совершенное бывшими спец. поселенцами. Спустя полтора месяца эта банда численностью более 20 чел. была задержана. Было установлено, что ими в течение 1954–1956 гг. было совершено семь ограблений касс МТС и районных отделении Госбанка в трех областях Казахской ССР [9].

После выхода 24 ноября 1956 г. постановления правительства СССР о восстановлении автономий пяти депортированных народов, чеченцам, ингушам, карачаевцам и балкарцам, им было разрешено вернуться на родину. Из Кыргызстана выехало 35790 бывших спецпосе-

ленцев. По переписи 1959 г. в Кыргызстане осталось 25208 чеченцев, 1721 ингуш, 2234 балкарца, 4783 карачаевца и курда, свыше 10 тыс. турок-месхетинцев и азербайджанцев [10].

В 50-е годы за счет внешнего притока населения в республику рост городского населения значительно опережал сельское. С 1950 г. по 1960 г. все население республики выросло на 415 тыс. чел., городское на 247 тыс., сельское всего на 168 тыс. чел. Показателен характер правонарушений этого периода, с которыми приходилось сталкиваться сотрудникам милиции. В ходе проведенных в 1957 г. выборочных проверок было выявлено более семи тысяч случаев проживания граждан без паспортов и прописки [24]. Только за 1-е полугодие 1959 г. органами милиции было оштрафовано 3,5 тыс. чел., из них почти половина за нарушение паспортного режима [25]. Концентрация криминального элемента отмечалась главным образом в местах самовольных стихийных застроек в г. Фрунзе и Чуйской области. Здесь, в основном, оседали граждане, прибывшие в республику в годы войны и послевоенные годы. Вынужденная оторванность мигрантов от традиционных историко-культурных корней, социально-бытовая неустроенность, отсутствие условий для культурного развития молодежи, воспроизводила в этих районах криминогенную среду. Не случайно на этот регион и приходилась половина всех совершаемых в республике преступлений. Так, в

1953 г. во Фрунзенской области и в столице было совершено 52 % всех преступлений в республике, в 1954 г. – 49,7 %, в 1955 г. – 59,6 %, в 1956 г. – 63 % [26].

На рубеже 50-х и 60-х годов, в связи с развернувшимся строительством Нарынского каскада ГЭС и промышленных предприятий, приездом в Кыргызстан трудовых ресурсов из других регионов СССР, работы у милиции прибавилось, поэтому были разработаны и осуществлены мероприятия по укреплению правопорядка на новостройках. Эти меры были своевременны, так как в течение 2 пол. 1959 г. и начала 1960 г. на основании Указа ПВС СССР от 14 августа 1959 г. в республику прибыло около 4 тыс. человек, освобожденных из мест заключения, и большое число лиц, досрочно освобожденных судами. Некоторая их часть, главным образом, рецидивисты, вновь встали на преступный путь [4].

На рубеже 50-х и 60-х гг. Кыргызстан принял около 30 тыс. переселенцев из Синьцзяня (КНР) преимущественно уйгуров, бежавших от последствий проводимой руководителем КНР Мао Цзе Дуном политики «большого скачка». Постоянная миграция в республику больших групп населения осложняла работу органов управления и правопорядка по налаживанию должного учета и контроля. Так, проведенная статуправлением республики и органами милиции проверка состояния учета населения в городах и поселках показала, что паспортный

режим находится в неудовлетворительном положении, о чем было отмечено в письме ЦСУ СССР [5].

Таким образом, превращение Кыргызстана в зону принудительного удержания депортированных народов, в место высылки уголовного элемента, в прибежище масс населения из-за рубежа, без учета экономических, культурных и социальных последствий для республики и ее граждан, негативно сказалось на состоянии оперативной обстановки в республике. В результате вышеназванных обстоятельств, органы управления и правопорядка республики утратили контроль за нарастающими в обществе негативными процессами. Закономерным итогом сложившейся ситуации стали массовые беспорядки 17 мая 1967 г. в столице республики – г. Фрунзе. Зачинщиками и активными участниками беспорядков стали лица без определенного места жительства, пьяницы, наркоманы, хулиганы, бывшие спец поселенцы и ранее судимые.

В конце 60-х гг. удалось несколько приостановить рост преступности. Вместе с тем, по уровню преступности из расчета на 10 тыс. населения Кыргызстан занимал одно из первых мест среди республик Средней Азии. Продолжала оставаться высокой миграция населения в республику, причем г. Фрунзе по темпам роста населения занимал первое место в СССР. По данным МВД республики, среди мигрантов определенный процент составляли

деклассированные элементы и ранее судимые [10].

В 70-е гг. начался отток русскоязычного населения из Кыргызстана. Удельный вес русскоязычного населения, достигнув своего пика в 1959 г., в последующие десятилетия стал снижаться. Параллельно с этим процессом, из-за увеличения рождаемости коренного населения республики, стала набирать темп внутренняя трудовая миграция сельской молодежи в города. Республиканские власти пытались организовать работу филиалов столичных предприятий в сельской глубинке, чтобы приостановить миграцию, но эти усилия были недостаточными. Отсутствие у мигрантов из села необходимой рабочей квалификации, необеспеченность жильем делало их адаптацию в городах затруднительной. В результате сельская молодежь, недовольная своим социальным и бытовым положением, приняла участие в самовольных захватах пахотных земель вокруг городов Ош и Фрунзе в 1990 г. Земельный вопрос спровоцировал масштабный кровавый конфликт между кыргызским и узбекским населением в Ошской области республики в июне 1990г. Вспыхнувшая в этом же году гражданская война в Таджикистане сдвинула массы населения с обжитых мест во всем среднеазиатском регионе.

Распад СССР и «парад суверенитетов» (1991 г.) на всем постсоветском пространстве вызвал беспрецедентное перемещение огромных масс людей. Вследствие экономического

кризиса, безработицы, проявлений бытового национализма и других причин, в 1993г. Кыргызстан покинуло 110 тыс. чел. К 1 января 1995 г. выехало около 300 тыс. чел., резко изменив социальный и национальный состав населения республики [7]. Таким образом, вся предшествующая переселенческая политика закладывала условия для возникновения разного рода конфликтов.

С начала 90-х гг. Кыргызстан стал местом миграции из соседних стран: Таджикистана, Узбекистана и Китая. Так, Баткенская область заселяется гражданами Таджикистана. Определенная часть граждан Узбекистана мигрируют в Кыргызстан в силу либеральных законов, позволяющих вести свой бизнес с большей выгодой, чем у себя на родине. Тем временем, кыргызы Юга в поисках лучшей доли устремляются на север страны – в г. Бишкек и Чуйскую область.

В результате Кыргызстан, отдав в другие страны наиболее квалифицированную и образованную часть своего населения, принимает мигрантов с низким уровнем образования и культуры, зачастую лиц с криминальным багажом.

Стихийная миграция, как социальное явление, несет с собой клубок проблем: рост преступности и инфекционные болезни, ложится непосильным бременем на социальную сферу принимающего государства. Очевидно, пока государство не возьмет демографические и миграционные процессы под свой неусыпный контроль, то проблемы

бедности, неразвитости, преступности и постоянной угрозы возникновения социальных потрясений, будут висеть дамокловым мечом над обществом.

Библиографический список

1. Архив МВД КР. 0.1 Д. 5. Л. 5. Политико-экономический обзор Киргизской ССР на 1.01.1946 г. Л. 40.
2. Архив МВД КР. 0.1с. Д. 18. Л. 1. Приказ МВД Киргизской ССР № 002 от 5 января 1949 г. «Об организации оперативно-розыскного отряда 3 категории при МВД Киргизской ССР».
3. Архив МВД КР. 0.1. Д. 22. Л.15, 20. Доклад о работе МВД Киргизской ССР на 1.06.1950 г.
4. Архив МВД КР. Ф.1. 0.1. Д.90. Л.4. Приказ МВД Киргизской ССР «О неудовлетворительной организации оперработы в органах милиции МВД Киргизской ССР» № 001 от 15.02.1961 г.
5. Архив МВД КР.Ф.1. 0.1с. Д.107. Л.293. Приказ МВД Кирг. ССР № 150 от 27 марта 1962 г. «О результатах проверки состояния паспортного режима».
6. Болжурова И. «Великий перелом» в Киргизии // Вечерний Фрунзе. – 1989. – 14 янв. – С. 6.
7. Вишневский. В. Беженцы и вынужденные переселенцы // Республика. – 1995. – 19 сент. – С. 3.
8. Джакишев А. Вопрос – Ответ // Вестник времени. – 1990. – № 11. – С. 29, 30.
9. Джакишев А. Из истории милиции Кыргызстана. 50-е гг. / ред. Дж. Джунушалиев. – Бишкек : Илим, 1998. – С. 56.
10. Джакишев А. Миграция и правопорядок в Кыргызстане // АКИ-пресс. – 1998. – № 6. – 4 апр. – С. 30.
11. История кыргызов и Кыргызстана / ответ. ред. Т. Койчуев. – Бишкек : Илим, 1995. – С. 26, 131–133, 233, 234.
12. Конквест Р. Жатва скорби // Родина. – 1989 г. – сентябрь. – С. 47–48.
13. Лунеев В. Преступная мифология // Известия. – 1991. – 15 апреля – С. 4.
14. Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии / под ред. А. Х. Хасанова. – Фрунзе : Илим, 1967. – С. 105–107, 113, 238, 242, 243.
15. ЦГА ПД КР. Ф.10. 0.1. Д.293. Л.90. Спец донесение Киргизского отдела ОПТУ секретарю Киргизского ОК ВКП (б) Кулькову от 30.01.1930 г.
16. ЦГА ПД КР. Ф.10. 0.1. Д.292. Л.52. Спецсводка № 7 Киргизского отдела ОПТУ «О настроениях безработных, состоящих на учете на Бирже труда» от 26.04.1930 г.
17. ЦГА ПД КР. Ф.10. 0.1. Д.363. Л.72, 74, 76–78. Письмо Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) для Киробкома ВКП (б) от 21.07.1931 г.
18. ЦГА ПД КР. Ф.10. 0.1. Д.520. Л.1–3. Докладная записка начальнику ОД-ТОО ГПУ от 25.01.1933 г.
19. ЦГА ПД КР. Ф.56. 0.4. Д.471. Л.237–238. Докладная записка «О состоянии хозяйственно-трудовом и культурно-бытовом устройстве спец поселенцев с Северного Кавказа, расселенных на территории Кирг. ССР» от 11.09.1944 г.
20. ЦГА ПД КР. Ф.56. 0.4. Д.1029. Л.68. Протокол заседания ЦК КП Киргизии от 27.09.1955 г.
21. ЦГА ПД КР. Ф. 1082. 0.3. Д.27. Л. 154. Протокол собрания партийной организации МВД Кирг. ССР от 7. 02. 1958 г.
22. ЦГА ПД КР. Ф.1082. 0.3. Д.13. Л.18, 20, 24. Протокол собрания партийной организации МВД Кирг. ССР от 18.01.1957 г.
23. ЦГА ПД КР. Ф.406. 0.1. Д.677. Л.214, 216, 217, 228, 230. Стенограмма заседания бюро Фрунзенского ОК КП Киргизии № 30/44 «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпереселенцев» от 14.08.1956 г.
24. ЦГА ПД КР. Ф.406, Оп. 1. Д. 669. Л. 33. Протокол заседания бюро Фрунзенского ОК КП Киргизии от 18.01.1956 г.

25. ЦГА ПД КР. Ф. 56. 0.4. Л. 15, 5. Стенограмма 7 Пленума ЦК КП Киргизии от 15.12.1959 г.
26. ЦГА ПД КР. Ф. 1082. 0.3. Д. 29. Л. 256. Протокол собрания парторганизации МВД Кирг. ССР от 27.02.1958 г.

Bibliograficheskij spisok

1. Arhiv MVD KR. 0.1 D. 5. L. 5. Politiko-jekonomicheskij obzor Kirgizskoj SSR na 1.01.1946 g. L. 40.
2. Arhiv MVD KR. 0.1s. D. 18. L. 1. Prikaz MVD Kirgizskoj SSR № 002 ot 5 janvarja 1949 g. «Ob organizacii operativno-rozysknogo otrjada 3 kategorii pri MVD Kirgizskoj SSR».
3. Arhiv MVD KR. 0.1. D. 22. L.15, 20. Doklad o rabote MVD Kirgizskoj SSR na 1.06.1950 g.
4. Arhiv MVD KR. F.1. 0.1. D.90. L.4. Prikaz MVD Kirgizskoj SSR «O neudovletvoritel'noj organizacii operraboty v organah milicii MVD Kirgizskoj SSR» № 001 ot 15.02.1961 g.
5. Arhiv MVD KR.F.1. 0.1S. D.107. L.293. Prikaz MVD Kirg. SSR № 150 ot 27 marta 19b2 g. «O rezul'tatah proverki sostojanija pasportnogo rezhima».
6. Bolzhurova I. «Velikij perelom» v Kirgizii // Vechernij Frunze. – 1989. – 14 janv. – S. 6.
7. Vishnevskij. V. Bezhency i vynuždennye pereselency // Respublika. – 1995. – 19 sent. – S. 3.
8. Dzhakishev A. Vopros – Otvet // Vestnik vremeni. – 1990. – № 11. – S. 29, 30.
9. Dzhakishev A. Iz istorii milicii Kyrgyzstana. 50-e gg. / red. Dzh. Dzhunushaliev. – Bishkek : Ilim, 1998. – S. 56.
10. Dzhakishev A. Migracija i pravoporjadok v Kyrgyzstane // AKI-press. – 1998. – № 6. – 4 apr. – S. 30.
11. Istorija kyrgyzov i Kyrgyzstana / otvet. red. T. Kojchuev. – Bishkek : Ilim, 1995. – S. 26, 131–133, 233, 234.
12. Konkvest R. Zhatva skorbi // Rodina. – 1989 g. – sentjabr'. – S. 47–48.
13. Luneev V. Prestupnaja mifologija // Izvestija. – 1991. – 15 aprelja – S. 4.
14. Usenbaev K. Vosstanie 1916 goda v Kirgizii / pod red. A. H. Hasanova. – Frunze : Ilim, 1967. – S. 105–107,113, 238, 242, 243.
15. CGA PD KR. F.10. 0.1. D.293. L.90. Spec donesenie Kirgizskogo otdela OP-TU sekretarju Kirgizskogo OK VKP (b) Kul'kovu ot 30.01.1930 g.
16. CGA PD KR. F.10. 0.1. D.292. L.52. Specsvodka № 7 Kirgizskogo otdela OP-TU «O nastroenijah bezrabotnyh, sostojashhih na uchte na Birzhe truda» ot 26.04.1930 g.
17. CGA PD KR. F.10. 0.1. D.363. L.72, 74, 76-78. Pis'mo Sredneaziatskogo bjuro CK VKP(b) dlja Kirobkoma VKP (b) ot 21.07.1931 g.
18. CGA PD KR. F.10. 0.1. D.520. L.1-3. Dokladnaja zapiska nachal'niku ODTTO GPU ot 25.01.1933 g.
19. CGA PD KR. F.56. 0.4. D.471. L.237-238. Dokladnaja zapiska «O sostojanii hozjajstvenno-trudovom i kul'turno-bytovom ustrojstve spec poselencev s Severnogo Kavkaza, rasselennyh na territorii Kirg. SSR» ot 11.09.1944 g.
20. CGA PD KR. F.56. 0.4. D.1029. L.68. Protokol zasedanija CK KP Kirgizii ot 27.09.1955 g.
21. CGA PD KR. F. 1082. 0.3. D.27. L. 154. Protokol sobranija partijnoj organizacii MVD Kirg. SSR ot 7. 02. 1958 g.
22. CGA PD KR. F.1082. 0.3. D.13. L.18, 20, 24. Protokol sobranija partijnoj organizacii MVD Kirg. SSR ot 18.01.1957 g.
23. CGA PD KR. F.406. 0.1. D.677. L.214, 216, 217, 228, 230. Stenogramma zasedanija bjuro Frunzenskogo OK KP Kirgizii № 30/44 «O merah po usileniju massovo-politicheskoy raboty sredi specpereselencev» ot 14.08.1956 g.
24. CGA PD KR. F.406, Op. 1. D. 669. L. 33. Protokol zasedanija bjuro Frunzenskogo OK KP Kirgizii ot 18.01.1956 g.

25. CGA PD KR. F. 56. 0.4. L. 15, 5. Stenogramma 7 Plenuma CK KP Kirgizii ot 15.12.1959 g.
26. CGA PD KR. F. 1082. 0.3. D. 29. L. 256. Protokol sobranija partorganizacii MVD Kirg. SSR ot 27.02.1958 g.

© *Джакишев А. У.*, 2017.

УДК 912. 4 (4) (1-925.2)
DOI: 10.24044/sph.2017.1.2

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О СРЕДНЕЙ АЗИИ (первая половина XIX века)

З. А. Саидбобоев

*Кандидат исторических наук, доцент
директор
Координационно-методический центр
по вопросам новейшей истории
Узбекистана при Министерстве высшего
и среднего специального образования
Республики Узбекистан Ташкент,
Узбекистан*

RUSSIAN HISTORICAL-GEOGRAPHIC AND CARTOGRAPHIC SOURCES ABOUT CENTRAL ASIA (first half of XIX century)

Z. A. Saidboboev

*Candidate of historical Sciences
assistant professor, chief manager
The Coordination and methodology center
on the Uzbekistan's contemporary history
issues under the Ministry of higher
and secondary specialized education
of the Republic of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. Relations between Russia and Central Asia have evolved since ancient times. From the Xth century began to form trade route through the Ustyurt plateau, where along this road built forts and caravanserais to establish mutually beneficial trade relations between the two regions. The article is devoted to the problems of Russian historical-geographic and cartographic sources about Central Asia on the first half of XIX century. On the base of some historical-geographic and cartographic source are analyzed the main directions on this period. Also are shown the scientific works on this theme, reasons of the beginning the new scientific research in this region.

Keywords: Russia; Central Asia; the first half of XIX century; historical-geographic; cartographic sources.

Отношения между Россией и Средней Азией развивались еще с давних времен. С X века начала формироваться торговый путь через плато Устюрт, где вдоль этой доро-

ги строились крепости и караван-сарай для налаживания взаимовыгодных торговых отношений двух регион. Монеты, найденные в России и стран региона Балтийского

моря стали веским доказательством активных торговых связей. Сторонники торгово-экономического развития России заинтересованные в дальнейшем развитии взаимовыгодных отношений проявляли интерес накопить больше информации о регионе Средняя Азия.

В ходе многочисленных экспедиций организованных русскими купцами, послами, путешественниками и исследователями были собраны дополнительные сведения об этом крае. Многие сведения представляли собой данные исторического, географического, статистического и экономического характера. Среди собранных фактов и информации особое место занимали статьи, различного рода отчеты, а также графические карты.

В конце XVIII века, в частности, в 1799 году была создана Депо Карт. Цель этого архива и органа по издательству карт и съемок заключалась в том, чтобы печатать и хранить военно-топографические карты России и территории, граничащих с государствами Средней Азии. В 1812 г. Депо Карт был переименован в Военно-топографическое Депо. В то время была расширена сфера деятельности этого органа. Депо находился в подчинении Военного министерства.

Корпус военных Топографов был основан в 1822 году. В военном академии подготовили специалистов по топографии, картографии и геодезии для того чтобы будущие специалисты овладевали методы профессиональных картографов и

выполняли картографические и исследовательские работы на высоком уровне.

В XIX веке по мере развития экономических отношений в Российской империи появилась необходимость в новых рынках сбыта и сырьевых базах, особенно сельскохозяйственного сырья. Текстильной промышленности России нужен был хлопок Средней Азии и поэтому увеличилось значение этого региона как рынка сбыта. Русское правительство проявило интерес установить взаимовыгодные контакты с государствами Средней Азии, и искал способы укрепления торговых и дипломатических отношений.

Для эффективного решения военно-политических и экономических задач требовалось поиск, сбор, обработки данных о крае научно-исследовательского характера. В ускорении этого процесса особое внимание было уделено топографо-геодезическим и картографическим работам.

В Среднюю Азию были отправлены специалисты-картографы, которые должны были выполнять первоочередные и необходимые меры для реализации задач поставленных правительством империи. В первую очередь специалисты должны были создавать географические карты, содержащие полную информацию о регионе.

Первичная информация о юго-западной и центральной части Средней Азии относятся капитану Н. Н. Муравьеву. В 1819 году было принято решение снарядить экспе-

дицию из Красноводска в Хиву. Н. Н. Муравьев знавший местные языки получив поручения как глава экспедиции от генерала А. П. Ермолова. Основными задачами его миссии было налаживание торговых отношений с туркменами, и “открыть новые торговые пути в Хиву, Бухару и Южную Индию” [4, с. 89].

Другой целью этой экспедиции состояла в поиске удобных укреплений и крепостей для размещения российских войск, которые позволили бы использовать в качестве пункта обороны от туркменских войск и склада для хранения продовольствия. Кроме того, они были предназначены для систематических торговых сношений России с племенами туркменов и Хивинским ханством [1, с. 69].

С целью получить сведения Н. Муравьев начал свое путешествие по направлению к Каспийскому морю и посетил его юго-восточные берега. Затем он направился в Хиву, оседлав два верблюда. В 1822 году он опубликовал результаты своих исследований, где были представлены полная информация о природе Средней Азии. Н. Муравьев подробно описывает Хивинское ханство и подчеркивает, что в городе функционирует система канализации построенные местными строителями. Также, он описывает природные ресурсы и полезные ископаемые этой страны. Им были перечислены такие природные ресурсы как свинец, серебро, золото и сера [6, с. 76].

Путешествие Н. Муравьева не было столь масштабным, однако же они имели большую ценность для русской науки и представляли интерес государственной политики России. Он восстанавливал забытые занесенные песками времен дороги русских по направлению к туркменским степям после неудачной военной экспедиции Бековича-Черкасского. Н. Муравьев был первым, кто представил полную географическую карту, информацию о странах туркмен, кочевков и расселения этого кочевого народа. “Главным итогом его путешествия стало создание карты, иллюстрирующую туркменскую пустыню и территорию Хивинского ханства” [5, с. 81].

На карте был указан маршрут через Среднюю Азию (территория от Красноводска до Хивы и от Хивы до берега Каспийского моря), масштабирование составляет 1 дюйм и 5 немецких миль. Надо отметить, что на карте указаны 10 признаков (сухое озеро, повозок, кольца, деревни, сухой водопроводных труб и т. д.); В Хивинском ханстве было показано в виде диаграммы (водопровод, сарай, дороги и прочие места для проживания). Однако, там были некоторые ошибки в измерении направления, так как они были определены в соответствии со скоростью верблюжьего каравана (4 версты в час). Общая длина была завышена. Несмотря на трудности Н. Муравьев сумел создать карту. Ценные сведения в составленном карте широко использованы в даль-

нейших научно-исследовательских работ.

В 1821 году Н. Муравьев совершил еще одно путешествие в Среднюю Азию. На этот раз он начал свой путь из Красноводска до Балканского залива, в результате чего создал полную карту региона. Это место было отмечено на карте Балхан Туркменского залива. Залив измерен в масштабе 1 дюйм и 4 версты. Как и в предыдущих картах Н. Муравьева в этом исследовании не было использован градусник. Данные приведенные на карте содействовал исправить прежние ошибки совершенных при создании старых карт о Каспийском бассейне [7, с. 44].

С 1820 до 1821 г. группа парламентариев во главе с русским послом А. Негри были отправлены с миссией в Бухару. Среди участников этой миссии упоминается имена главных сотрудников, таких как Г. К. Мейендорф, В. Д. Волховский К. А. Тимофеев, историк – Х. Пандер и путешественник – Э. А. Эверсман.

Экспедиция взяла путь в Оренбурге и, пройдя через Сырдарью, достигла Бухару и обратно возвращался по тому же маршруту, что составляла 3000 верст [2, с. 66].

По итогам этой экспедиции была создана специальная маршрутная карта и в нем были запечатлены 5 астрономических точек (включая, в том числе, и координаты города Бухары). В 1826 году карта со всеми подробными описаниями К. Мейендорфа была издана в Париже. На карте со всей точностью указывали

реку Зарафшан. В нем также в совершенстве указан маршрут Бухара-Оренбург и Бухара-Орск. Были удалены все неверные данные и сведения о “Кызилдарьи” (“Кисель”) приведенных в старых картах. На карте были включены и отмечены низкогорья территории Кызылкум (Кулджуктог, Уртатог, Арслонтог, Безводные Черный). Однако, в карте Мейендорфа горы Султанувайс объединены с Букантов и Томдитов Кызылкуме в одно целое и названы под именем “Кукертли”.

Книга К. Мейендорфа [8] ценится его современниками тем, что предоставляет богатую информацию о Бухарском ханстве, о географии, население, хозяйстве и государственном управлении соседних стран и территорий, таких как Кокандское ханство, Балх и Бадахшан. Он стал первым, кто проинформировал и ознакомил научные круги Европы достоверными сведениями об упомянутых территориях.

Наиболее значительным с точки зрения картографии является экспедиция полковника Ф. Ф. Берга в Устюртское плато совершенные им в 1825–1826 годы. В составе экспедиции, исследовавшая область между Аральским и Каспийским морями за исключением Устюрта, участвовали Э. Эверсман, В. Д. Волховский, капитан П. Ф. Анжу и Л. А. Загоскин. Экспедиция впервые провела в Средней Азии барометрическое нивелирование вдоль 45-параллели и определила высокий уровень воды Аральского моря по сравнению с Каспийским. На карте

также была зафиксирована западные берега Аральского моря.

30 мая 1826 года Ф. Бергом был презентован и представлен отчет об итогах проведения военной разведки в виде доклада в Министерство на французском языке [3, с. 23]. Исходя из этого доклада и в результате топографических работ и путешествий, проведенных в 1819–1826 гг. стало известно, что территория между Оренбургом и Хивы разделены на 6 различные природно-географические зоны.

Вышеуказанные области высоко оценивалось с точки зрения передвижения войск. В отчетном докладе как “самый удобный и подходящий пункт похода войск против Хивы” отмечались территория между областями Мангышлак, Сарайчик и Оренбург.

Высокий темп развития российской промышленности в XIX веке привел к повышенному интересу к Средней Азии. Развития торговли и производство дал толчок к динамическому росту отношений с государствами Средней Азией. Многочисленные экспедиции организованные Российской империей и направленные в отдаленные края является доказательством такого интереса.

Начиная с 1819 года ряд путешествий и экспедиций имели явно миссионерского характера и военные цели. Такого рода попытки и стремления рассматривается как вмешательство во внутренние дела среднеазиатских государств. Но с другой стороны появились новые

карты, историко-географические сведения как результат комплексных научных исследований выполненные европейскими и русскими специалистами. Надо отметить, что в них вошли сведения о более отдаленных районах, селах региона Средняя Азия и новые информации о различного рода сооружений.

Библиографический список

1. Агаев Х. Экспедиция Н. Н. Муравьева в Туркмению и её роль в укреплении русско-туркменских отношений // Известия АН Туркм. ССР. 1957, № 6.
2. Гвоздецкий Н. А. и другие. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX – начале XX в. – М. : Наука, 1964.
3. Гольденберг А. А. Обзор документальных материалов экспедиций 1825–1826 гг., как источника по истории естествознания. В кн.: Первое русские научные исследования Устюрта. – М. : Изд-во АН СССР, 1963.
4. Гродеков Н. И. Война с туркменами. – СПб., 1883.
5. Мушкетов И. В. Туркестан. Т. I. Ч. I. – СПб., 1886.
6. Путешествия в Туркмению и Хиву в 1819–1820 гг. Гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в эти страны для переговоров. Ч. I. – М., 1882.
7. Штайнберг Е. Л. Первые исследователи Каспия (XVIII–XIX вв.). – М., 1949.
8. Meyendorff C. Voyage d'Orenburg a Bouhara fait en 1820. – Paris, 1826.

Bibliograficheskiy spisok

1. Agaev X. Jekspediciya N. N. Murav'eva v Turkmeniju i ejo rol' v ukreplenii rusko-turkmenskih otnoshenij // Izvestija AN Turkm. SSR. 1957, № 6.
 2. Gvozdeckij N. A. i drugie. Russkie geograficheskie issledovanija Kavkaza i Srednej Azii v XIX – nachale XX v. – M. : Nauka, 1964.
 3. Gol'denberg A. A. Obzor dokumental'nyh materialov jekspedicij 1825–1826 gg., kak istochnika po istoriiestestvoznaniya. V kn.: Pervoe russkie nauchnye issledovanija Ustjurta. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1963.
 4. Grodekov N. I. Vojna s turkmenami. – SPb., 1883.
 5. Mushketov I. V. Turkestan. T. I. Ch. I. – SPb., 1886.
 6. Puteshestvija v Turkmeniju i Hivu v 1819–1820 gg. Gvardejskogo General'nogo shtaba kapitana Nikolaja Murav'eva, poslannogo v jeti strany dlja peregovorov. Ch. I. – M., 1882.
 7. Shtajnberg E. L. Pervye issledovateli Kaspija (HVIII–HIIH vv.). – M., 1949.
 8. Meyendorff C. Voyage d'Orenburg a Bouhara fait en 1820. – Paris, 1826.
- © Саудобобоев З. А., 2017.

УДК 657.1

DOI: 10.24044/sph.2017.1.3

ОНЛАЙН МАГАЗИН: БУХГАЛТЕРСКИЙ И НАЛОГОВЫЙ УЧЕТ**Н. В. Галактионова***Кандидат экономических наук, доцент
Хабаровский государственный
университет экономики и права
г. Хабаровск, Россия***ONLINE STORE: ACCOUNTING AND TAX ACCOUNTING.****N. V. Galaktionova***Candidate of Economic Sciences
assistant professor
Khabarovsk State University
of Economics and Law
Khabarovsk, Russia*

Abstract. One of the fastest growing types of retail is online trading, because it has a number of advantages. When creating an online store they are a number of issues concerning the organization of document management, accounting and taxation. This article is devoted to the organization of accounting and tax accounting in online trading; the main items of expense items and income, considered ways of reflecting them on their accounting balances, as well as analyzed the choice of a suitable system of taxation.

Keywords: online store; accounting; tax accounting; revenues; income; control cash machine; sites; trading.

Одним из наиболее динамично развивающихся видов розничной торговли является онлайн-торговля, поскольку она имеет ряд преимуществ, как для организации-продавца, так и для покупателя.

В Российской Федерации ритейл является единственной отраслью, которая показывает бурный рост на протяжении многих лет. Сектор интернет-продаж является одним из наиболее динамично развивающихся сегментов экономики. И это от-

нюдь не случайно, ведь онлайн-торговля выгодна как для покупателя, так и для продавца.

Покупателей привлекает возможность приобретения товара по более низкой цене, а также практически неограниченный выбор продукции, предлагаемый в Сети. Продавцы переходят на онлайн-продажи в связи с более низкими издержками по сравнению с обычной торговлей. Ведь интернет-магазины не испытывают необхо-

димости в аренде торговых площадей, а также штате продавцов и торговом оборудовании.

В соответствии с ОКВЭД продавца товаров через Интернет относится к категории «Розничная торговля, осуществляемая через телемагазины и компьютерные сети» (код 52.61.2). Правовые основы такого вида ритейла урегулированы нормами параграфа 2 «Розничная купля-продажа» гл. 30 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ). В п. 20 Правил продажи товаров дистанционным способом закреплено, что договор розничной купли-продажи считается заключенным с момента выдачи клиенту кассового или товарного чека.

Обязанности продавца по передаче товара покупателю возникают с момента получения продавцом акцепта. На сайте магазина должны быть сведения об основных потребительских свойствах товара, о месте его изготовления, цене и условиях приобретения. При этом обязательно указать период, в течение которого действует оферта.

На сайте интернет-магазина должны быть сведения об основных потребительских свойствах предлагаемого товара, о месте его изготовления, цене и условиях приобретения. Кроме того, важны подробные данные о доставке, сроке службы (годности), гарантии, о порядке оплаты товара. При этом обязательно указать период, в течение которого действует оферта. В сети, как правило, представлен практически неограниченный выбор продукции по более

низкой цене, что и привлекает покупателей. Для продавца переход на дистанционную торговлю означает снижение издержек за счет отсутствия аренды торговой площади, оборудования и штата работников.

При создании интернет-магазина перед руководителем возникает ряд вопросов, касающихся организации документооборота, бухгалтерского и налогового учета. По своей сути предприятие виртуальной торговли ничем не отличается от других юридических лиц, оно также обязано быть зарегистрировано, платить налоги и сдавать отчетность в установленном законодательством порядке. Однако существует ряд особенностей в части определения, оценки и признания доходов и расходов; выбора системы налогообложения и в целом организации успешной деятельности такого вида торговли.

К наиболее часто встречающимся расходам и особенностям их учёта относят следующие:

- Создание сайта.

Сайт может быть создан любым из трех способов: продавцом, усилиями сотрудников, либо услугами другой организации. В целях учёта важен факт принадлежности исключительных прав на созданный сайт. В первых двух случаях права будут принадлежать исключительно продавцу, если иное не указано в трудовом договоре. Если же сайт заказан на стороне, то по договору исключительные права могут быть, как переданы заказчику, так и сохраниться за исполнителем.

В бухгалтерском и налоговом учете исключительные права на интернет-сайт учитываются как нематериальные активы, их стоимость погашается путем начисления амортизации. Организация самостоятельно определяет срок полезного использования сайта, однако в налоговом учёте он не должен быть меньше 24 месяцев.

По сайту, на который были получены неисключительные права, затраты в бухгалтерском учёте списываются единовременно на расходы или учитываются в составе расходов будущих периодов и распределяются равномерно по месяцам периода, к которому относятся.

– Хостинг и домен.

Размещение сайта возможно одним из следующих путей: на собственном сервере, либо при помощи услуги хостинга, то есть размещения необходимой информации на сервере провайдера, бесперебойно находящегося в сети.

Стоимость услуг хостинга в бухгалтерском учёте относят к расходам по обычным видам деятельности, а в налоговом учёте – к прочим.

– Продвижение сайта.

Расходы по продвижению сайта интернет-магазина являются рекламными, в налоговом учёте их относят к ненормируемым рекламным расходам.

– Доставка.

Если компания не создает собственную службу доставки, а пользуется услугами специализированной организации, такие затраты

учитываются аналогично услугам хостинга.

В случае наличия собственной курьерской доставки в налоговом учёте:

– расходы на оплату проезда курьеров до места доставки и обратно и их заработная плата включаются в состав расходов на оплату труда;

– расходы на закупку топлива для автомобилей, занимающихся развозом заказов, а также расходы на их ремонт учитываются в составе прочих расходов;

– затраты на отправку по почте отражаются в составе прочих расходов.

– комиссии.

Доля покупателей, пользующихся при оплате покупок банковскими картами или электронными платежными системами, постоянно растет. Поэтому организациям выгодно заключать договоры эквайринга и агентские договоры с операторами электронных платежных систем. Любые комиссии, взимаемые с компании банком, оператором платежной системы, агрегатором отражаются в бухгалтерском учете как прочие расходы, а в налоговом учете – как внереализационные или прочие расходы.

Учет доходов от реализации товаров через интернет-магазин производится так же, как и при обычной реализации, а именно: признавать выручку следует на дату перехода права собственности на товар к покупателю.

При дистанционной торговле это будет непосредственно момент вручения товара, поскольку прилагается его доставка до покупателя.

Одним из проблемных вопросов в учёте интернет-торговли является выбор системы налогообложения. Фактически вариантов всего два: общая и упрощенная системы налогообложения. Применение ЕНВД при осуществлении дистанционной торговли законодателем запрещено. Согласно письма Минфина РФ № 03-11-11/21917 от 13.06.2013 к розничной торговле не относится реализация товаров по образцам и каталогам вне стационарной торговой сети (в том числе: посылочная торговля, торговля через телемагазины, телефонную связь и компьютерные сети). Поэтому деятельность интернет-магазинов не подпадает под налогообложение в виде единого налога на вмененный доход.

Порядок учета НДС напрямую зависит от порядка оплаты товара покупателем:

- если оплата происходит при получении товара, то начислить НДС нужно на дату отгрузки, то есть на наиболее раннюю из дат в накладной и кассовом чеке. Счет-фактура при этом не выставляется;

- если оплата производится заранее через сайт, то нужно исчислить НДС с полученного аванса. Основанием для начисления НДС служат уведомления о поступлении платежа от банка, гарантийного агентства или агрегатора. В данном случае имеет место безналичный расчёт, следовательно, необходимо

выставить счёт-фактуру, сделать это можно в единственном экземпляре, а в книге продаж регистрировать бухгалтерскую справку-расчет с суммарными данными по продажам за выбранный отчётный период;

- если доставка товара осуществляется по почте наложенным платежом, исчислить НДС нужно на дату передачи товара в отделение связи для пересылки. На основании ежедневного отчета почты выписывается счёт-фактура в единственном экземпляре.

При оплате за товар наличными денежными средствами, а именно в момент их приёма, обязательной процедурой является выдача кассового чека.

Зачастую, при осуществлении курьерской доставки, компании заранее выбивают чек в офисе и вместе с товаром доставляют их покупателям.

Однако, законом запрещена выдача покупателям кассовых чеков, отпечатанных контрольно-кассовой техникой ранее чем за 5 минут до реального времени осуществления расчета. В этом случае рекомендуется применять портативные ККТ, что вполне удобно как покупателям, так и самим компаниям.

Интернет-продажи являются современной и удобной формой торговли, позволяющей потребителю экономить время на поиск и покупку нужного товара, а продавцу, в свою очередь, привлекать большую аудиторию и зарабатывать положительную репутацию.

От грамотного ведения бухгалтерского, налогового, финансового и управленческого учета в совокупности с электронными учетными системами напрямую зависит эффективность деятельности такой категории бизнеса, как онлайн-торговля.

Библиографический список

1. Гетьман В. Г., Терехова В. А. Бухгалтерский финансовый учет : учебник. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2012. – 496 с.
2. Пошерстник Н. В. Бухгалтерский учет на современном предприятии. – М. : Проспект, 2014. – 560 с.
3. URL
<http://www.buhgalteria.ru/article/n66500>
(дата обращения: 17.10.2016).
4. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 15.10.2016).
5. URL:
<http://www.buhgalteria.ru/article/n66500>
(дата обращения: 20.10.2016).

Bibliograficheskiy spisok

1. Get'man V. G., Terehova V. A. Buhgalterskiy finansovyy uchet : ucheb-
nik. – M. : Izdatel'sko-torgovaya korpor-
raciya «Dashkov i K», 2012. – 496 s.
2. Posherstnik N. V. Buhgalterskiy uchet na
sovremennom predpriyatii. – M. :
Prospekt, 2014. – 560 s.
3. URL
<http://www.buhgalteria.ru/article/n66500>
(data obrashheniya: 17.10.2016).
4. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (data obrash-
heniya: 15.10.2016).
5. URL:
<http://www.buhgalteria.ru/article/n66500>
(data obrashheniya: 20.10.2016).

© Галактионова Н. В., 2017.

УДК 330

DOI: 10.24044/sph.2017.1.4

**А. В. АНИКИН КАК ИСТОРИК ЭКОНОМИКИ
И ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ****И. В. Казанская***Кандидат экономических наук, доцент
Московский технологический
университет***С. В. Ямщиков***г. Москва, Россия
кандидат исторических наук, доцент
Государственный университет «Дубна»
г. Дубна, Московская область, Россия***A. V. ANIKIN AS A HISTORIAN OF ECONOMICS
AND ECONOMIC DOCTRINES****I. V. Kazanskaya***Candidate of Economic Sciences
assistant professor
Moscow Technological University
Moscow, Russia***S. V. Yamshchikov***Candidate of Historical Sciences
assistant professor
State University "Dubna"
Dubna, Moscow Region, Russia*

Abstract. The article presents an assessment by Anikin A.V. the development of economic science in the USSR and Russia in the 40–90-e years of the XX century, its interpretation of the backwardness of Russian economic thought from the global evolution of economic theory. The authors note that in the memoirs of A. V. Anikina history of economic thought is presented live, the «humanized»: the famous economists, for whom A. V. Anikin observed in different situations, not only great scientists, but also a bright personality. Memories of Andrei Vladimirovich help us to understand their human characteristics, some of their human weaknesses, create in our mind the personal background of their intellectual activity.

Keywords: history of Economics; history of economic thought; Soviet economic science; Russian Economics; Western Economics.

Заслуженный деятель науки России Андрей Владимирович Аникин (1927–2001) – известная личность в профессиональном сообществе экономистов, автор глубоких и одновременно занимательных книг по

экономике и истории экономической мысли. Успех и любовь читателей ему принесли сочетание экономической интуиции, интереса к практическим проблемам с широкой эрудицией.

А. В. Аникин много писал и много публиковал в научно-популярном и научно-художественном жанре. В 1993 году в журнале «Экономическая школа» появились его заметки «Мои знаменитые знакомые», в которых он рассказывал о совместной работе, встречах и беседах с известными учеными-экономистами России, США, Великобритании. В 1995 году вышла в свет его книга мемуаров «Люди науки: встречи с выдающимися экономистами».

К мемуарам мы обращаемся в поисках информации, которую невозможно найти в других источниках. Воспоминания раскрывают подробные детали, нюансы, характеризующие как отдельные события, так и отношения между людьми, особенности личностей. Среди мемуарной литературы особую ценность приобретают воспоминания тех, кто по роду своей деятельности имел возможность непосредственно наблюдать научную и околонаучную жизнь с ее ежедневной будничной стороны, мало доступной широкой аудитории. Таким человеком являлся А. В. Аникин. В его воспоминаниях мы находим множество фактов, очевидцем и свидетелем которых он был, работая в 1949–1957 годах в центральном государственном аппарате СССР, в Министерстве внешней торговли и Государственном комитете по экономическим связям, а с 1957 года в Институте мировой экономики и международных отношений РАН. Многие из этих фактов раскрывают нам подробности «партийного ру-

ководства» наукой, сообщают о многообразных бюрократических издержках в деятельности советских ученых.

В своих мемуарах А. В. Аникин характеризует развитие экономической науки в СССР и России в 40–90-е годы XX века, объясняет ее отставание длительной оторванностью от мирового процесса эволюции экономической мысли: «Вплоть до «оттепели» середины 50-х годов очень многие считали не только бесполезным, но просто опасным читать и знать западных немарксистских экономистов и других учёных» [1, с. 301]. Период сталинского тоталитаризма оказался черной страницей в истории советской экономической науки. Самым трагичным тогда было даже не физическое уничтожение и тюремное заключение многих выдающихся советских экономистов, а созданная в те годы атмосфера отвращения к научному творчеству, осуждение самостоятельного научного мышления и преследование носителей такового. «Кто может оценить вред, «попутно» нанесенный психологии молодого поколения, входившего тогда в науку? Полагаю, этот вред ощущается в нашей экономической науке и теперь», — отмечает А. В. Аникин [1, с. 301].

В начале 60-х годов благодаря переводам на русский язык трудов зарубежных экономистов и началу международных научных контактов советские ученые познакомились с работами западных авторов и позаимствовали из них немало продук-

тивных идей. Однако западная переводная экономическая литература имела ограниченный тираж и отсутствовала в свободной продаже. Она выходила под грифом «для научных библиотек». Книги западных авторов снабжались вступительными статьями, «одно из предназначений которых состояло в том, чтобы «нейтрализовать» влияние автора на советского читателя. Эти предисловия писались по определённому рецепту, который дозировал анализ и критику» [1, с. 307]. Так, например, русский перевод всемирно признанного учебника по экономике Самуэльсона снабжался идеологически выдержанным предисловием и послесловием, которое начиналось с характерного для советского времени клише: «В современном мире, главной особенностью которого является переход от капитализма к социализму и коммунизму, идет ожесточенная борьба между коммунистической и буржуазной идеологией» [2, с. 365].

В СССР при оценке экономических явлений и процессов серьезное экономико-аналитическое научное исследование, как правило, подменялось цитированием классиков марксистской политэкономии, партийно-идеологических документов, работ Ленина, Сталина, других партийных деятелей, субъективно отражавших лишь одну и очень часто не самую главную сторону изучаемой объектно-предметной области. А. В. Аникин подмечает эту специфическую особенность советской экономической науки: «Советская

официальная экономическая теория не признавала математику. Считалось, что она притупляет социальное острие марксистского анализа. Это было очень удобно для «профессии»: не надо было терять годы на изучение математики и ее экономических приложений, а было достаточно знать «Капитал» Карла Маркса и даже только его облегченное переложение, чтобы получать ученые степени и должности» [2, с. 362].

В воспоминаниях А. В. Аникина история экономической мысли предстает живой, «очеловеченной»: в ней действуют люди со своими характерами, страстями, привязанностями и слабостями. Андрей Владимирович представляет нам экономическую науку в лицах: нобелевский лауреат по экономике Саймон Кузнец «скромный, деликатный человек с тихим голосом, неторопливой и четкой профессорской речью и характерной внешностью русского провинциального еврея» [1, с. 302]. Американский экономист Реймонд У. Голдсмит «по внешности составлял контраст Кузнецу: это был рослый, экспансивный, очень энергичный человек... Это был не «тихий», а, напротив, очень «громкий» еврей. В любой беседе он немедленно захватывал лидерство, заставляя всех остальных слушать его и отвечать на его четкие и резкие вопросы» [1, с. 305]. В старости Голдсмит «был полон жизни, замыслов и ... желчи. Желчность Голдсмита проистекала не только из его характера, возраста и личных

обстоятельств. Профессура была склонна недооценивать его труды и заслуги» [1, с. 306]. Сэр Рой Херрод «был джентльмен. Не только внешне – характерный тип пожилого английского джентльмена с несколько старомодными манерами, но и по своему духовному и культурному облику» [1, с. 308]. Американский экономист Дж. Кеннет Гэлбрейт – долговязый человек, с бровастой и носатой физиономией, с «громадной лапищей» слесаря-водопроводчика [1, с. 311]. Многолетний директор Института советских и восточноевропейских исследований Глазговского университета экономист-советолог Алек Ноув «был чрезвычайно динамичный, энергичный, стремительный человек. О чем бы он ни говорил – от обеденных блюд до экономической теории – во все он вкладывал темперамент и страсть. Иногда, казалось, избыток того или другого. Его, как говорится, «несло», если он рассказывал о чем-либо. Он украшал рассказ забавными деталями, заразительно смеялся собственным шуткам и буквально заставлял собеседника участвовать в его маленьких представлениях» [2, с. 355]. Советский академик Иосиф Адольфович Трахтенберг был «небольшим сутулым стариком в старомодном и, видимо, затрапезном синем костюме, с хрипловатым голосом завязатого курильщика» [2, с. 358]. Единственный среди россиян лауреат Нобелевской премии по экономике Леонид Витальевич Канторович «оказался живым и интересным че-

ловеком, хорошо понимающим юмор. Он отлично чувствовал себя в кругу людей значительно более молодых, особенно интересных женщин» [2, с. 362–363]. Нобелевский лауреат Лоуренс Р. Клейн «не публицист, не политик и не оратор, это тип кабинетного, «лабораторного» ученого... Немного медлительная, раздумчивая манера разговора, подчеркнуто негромкий, чуть скрипучий голос. Это человек, который не любит «высовываться» [2, с. 367]. «Нобелист» Василий Леонтьев – «спокойный, мягкий человек». Собеседников Леонтьева поражала его «энергия, живость, обаяние. Я отметил бы даже здравый смысл и ироничность. Он всегда стоял обеими ногами на грешной земле и всегда как будто чуть-чуть подшучивал над предметом, над аудиторией, над самим собой. Очень обаятельный человек!» [2, с. 370]. Высказываемые Леонтьевым с большой скромностью и тактом мысли о путях развития России не воспринимались как «рецепты и рекомендации, которые в те годы в изобилии сыпались от иностранных экспертов на российское руководство, а воспринимались именно как «мнения и соображения, продиктованные искренним доброжелательством и симпатией» [2, с. 372].

Знаменитые экономисты, за которыми А. В. Аникин наблюдал в различных жизненных ситуациях, не только великие ученые, но и яркие личности. Воспоминания Андрея Владимировича помогают нам понять их человеческие особенно-

сти, некоторые их человеческие слабости, создают в нашем сознании личностный фон их интеллектуальной деятельности.

Библиографический список

1. Аникин А. В. Мои знаменитые знакомые // Экономическая школа. 1993. Вып. 3.
2. Аникин А. В. Мои знаменитые знакомые // Экономическая школа. 1998. Вып. 4.

Bibliograficheskij spisok

1. Anikin A. V. Moi znamenitye znako-
mye // Jekonomicheskaja shkola. 1993.
Vyp. 3.
2. Anikin A. V. Moi znamenitye znako-
mye // Jekonomicheskaja shkola. 1998.
Vyp. 4.

© Казанская И. В.,
Ямщиков С. В., 2017.

УДК 1(091)

DOI: 10.24044/sph.2017.1.5

О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ПОЗНАНИЯ

Н. А. Бутенко

*Кандидат философских наук, доцент
Сургутский государственный
университет
г. Сургут, Ханты-Мансийский
автономный округ, Россия*

ABOUT THE SOCIAL NATURE OF KNOWLEDGE

N. A. Butenko

*Candidate of Philosophical Sciences
assistant professor
Surgut State University
Surgut
Khanty-Mansi Autonomous Area, Russia*

Abstract. In article the problem of a sociality of knowledge and development of philosophy and science is considered. At different stages of development of society there are various ratios of the concepts «science – philosophy». According to the author of article, the question of a science sociality closely intertwines with a problem change of types of scientific rationality. Considering three types of rationality: classical, nonclassical and post-classical, – the author reveals features of each type and communication with knowledge sociality. The social position of science in modern society because society changes changes.

Keywords: sociality; classical; nonclassical; post-classical; rationality.

Вопрос о социальности знания рассматривается в науках давно и имеет статус дискуссии. Данная дискуссия связана с двумя аспектами: как менялось представление о социальности знания и как менялась сама социальность. Как известно, в основе обособления познания лежит разделение деятельности в обществе. Начинается этот процесс в архаическом обществе, когда происходит отделение образа действия от

самого действия, т. е. процесс познания отделяется от действия. В древнем обществе это отделение происходит на уровне ремесел, орудий труда, но оно социально не оформлено. Только лишь когда появляется государство, знание превращается в особую профессию. Первыми стали владеть знанием писцы и жрецы, позже в античности появляются философы, т. е. возникает от-

дельная профессия – «заниматься мудростью», «любить мудрость».

На разных этапах развития общества существуют различные соотношения понятий «наука-философия». В античности это соотношение тождественно, наука не имеет средств экспериментальной проверки. До XV века общество носит традиционный характер, социальная структура всячески противодействовала введению новаций. Существует «личная зависимость» между людьми [2, с. 100–101]. Далее с открытием Америки образуется единое социальное пространство, люди начинают двигаться в социальном пространстве, менять свои позиции, следовательно, разрывается жесткая традиционная социальная структура. Формируется индустриальное общество, в основе которого лежит машинное производство. По выражению К. Маркса, возникает «вещная зависимость между людьми» [2, с. 100–101]. Начиная с XVII века, формируется естествознание как образец классического типа научности. Наука становится двигателем промышленного производства.

На наш взгляд, вопрос о социальности науки сопрягается с проблемой сменой типов научной рациональности. В современной отечественной философии многими учеными разрабатывается теория о трех типах научной рациональности – классической, неклассической и постнеклассической, основателем которой считается В. С. Степин. Его последовате-

лями являются множество специалистов в области философии и истории науки: В. А. Аршинов, В. П. Визгин, П. П. Гайденоко, Э. Ф. Караваев, И. Т. Касавин и многие другие. Согласно данной теории переход от одной стадии рациональности к другой совершается под воздействием глобальных научных революций.

Так вот, первая такая научная революция произошла в период с конца XVII в. до середины XIX века. Основной наукой в этот период была механика в рамках физики, возникшей еще в античности, а также появились новые науки – химия, геология, биология. Механистическая картина мира предполагает, что вещи существуют, и события происходят в субстанционально понимаемом пространстве и времени, независимо от вещей и событий [4, с. 302]. Стандартами классической науки являются следующие: во-первых, объективность, т. е. результат исследования не зависит от самого субъекта; во-вторых, общая значимость, т. е. через социальное обращение к результату доказывается его значимость. Объективно-истинное знание должно получиться путем устранения всего, что относится к субъекту. Также выделим основные установки в научном познании, характерные для классического типа научности: принцип редукционизма – сведения сложного к простому, принцип линейного детерминизма как способ установления конечных причин и следствий. В настоящее время, по мнению

В. Е. Кемерова, классическая трактовка знания оказывается ограниченной вовсе не потому, что люди больше не нуждаются в отображении объектов. Проблема в другом – классика, сводя знание к отображению, оставляет его в мире вещей. В исследовании общества, таким образом, блокируется путь к определению связей, реализуемых за пределами непосредственных связей между людьми, между людьми и вещами. В исследованиях природы этот путь является тупиковым, поскольку ему недоступны объекты, вещами не являющиеся, не укладываемые в размерности обычного человеческого опыта [1, с. 17].

В середине XIX века классическая философия терпит крах, начинается вторая глобальная научная революция, которая длится до середины XX века. Происходит постепенный переход от классической науки к неклассической, который ярче всего выразился в возникновении релятивистской физики (теория относительности А. Эйнштейна), квантовой механики, возникновения генетики, а также кибернетики и теории систем. «Неклассический тип научной рациональности, – указывает В. С. Степин, – учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности» [4, с. 637–640]. В неклассическом типе научности мы наблюдаем переход от субстанционального понимания пространства и времени к релятивистскому, согласно которому пространство и время выступают в качестве форм суще-

ствования и движения вещей. Крах классической философии совпадает с формированием общественных наук, но в этот период они опираются на методологию в рамках естествознания. Появление позитивизма приводит к отрицанию метафизики как научной дисциплины.

Если в классическом типе научности объект равен вещи, то в неклассическом типе существует другая позиция – есть объекты, которые вещами не являются. Следовательно, принципы объективности и общезначимости рушатся. Возникает неклассическая методология, которая не ориентируется на общие стандарты. Представления о социальности знания базировались на «внешней социальности». Постулировалось или неявно предполагалось: главной составляющей человеческого знания является содержание, обоснованное, проверенное, очищенное от «добавок» субъективности [1, с. 9]. Согласно марксистской теории и теории структурно-функционального анализа общества трактовка социальности сводилась к совокупности структур общества, а социальность знания была обусловлена социальными позициями исследователей, экономическими и политическими интересами.

С 70–80-х гг. XX века начинается третья глобальная научная революция, знаменующая переход от неклассической стадии к постклассической стадии научности. Роль субъекта переосмысливается, так как он получает результат исследования и сам создает ситуацию. В

методологии возникает вопрос о субъектности социального [1, с. 10]. Следовательно, получаем новую познавательную ситуацию и в физике, и в общественных науках, когда субъект познает, исследует, понимает субъект, который является невидимым, познается посредством приборов. В этот период возникает теория самоорганизации, синергетика (Г. Хакен), которая приобретает статус общенаучной теории и методологии, происходят радикальные сдвиги в способах работы с информацией, на первый план в науках выходят междисциплинарные и проблемно-ориентированные исследования. Основанием постнеклассического типа научности является философская идея соразмерности человека космосу, которая стала вновь актуальной в ходе развития релятивистской физики и квантовой механики. Особенно эта идея выразилась в антропном принципе Б. Картера, в котором было осмыслено соотношение физических свойств мира с человеческим существованием. Расширение синергетического подхода, распространение его на различные дисциплины, очевидно, означает начавшийся синтез естественнонаучного и социально-гуманитарного знания.

В постнеклассический период меняется и трактовка социальности знания, которая выражается в следующем: в плане гносеологическом знание предстает как содержание, а в плане социальном оно определяется как форма, обеспечивающая воспроизводство совместно-

разделенного бытия людей. Следовательно, позиция субъекта меняется: сталкиваясь со сложными системами, исследователь сам строит схемы познания, а общие законы используются как инструменты для изучения ситуации.

Итак, каждый тип научной рациональности нацеливает на исследование особого рода объектов: классическая наука – на изучение макромира с его детерминациями; неклассическая наука – на изучение микро и мегамасштабных объектов с вероятностным типом зависимостей, структурированных; постнеклассическая наука – на исследование микро-, мега- и макроскопических самоорганизующихся и «человекообразных» объектов [3, с. 309]. Очевидно, с каждым этапом меняется восприятие философии, ее роли в познании. Если в античности философия и наука тождественны, то в неклассический период (XIX в.) происходит отрицание философии, позитивисты утверждают, что философия – это не наука, а наука соответственно – не философия. В постклассический период, в современном обществе вновь признается роль философии в науке, так как исследуется объект, который ученый эмпирически не воспринимает, а исследует через приборы, следовательно, метафизика возвращается. В действительности получается, что различные научные дисциплины – общественные науки, физика, биология – включают философские допущения. Меняется социальная позиция науки в современном обще-

стве, потому что меняется само общество. Общество рассматривается как сложная система, но не социальные структуры обуславливают деятельность человека, не индивидуальность сводится к социальности, а наоборот, индивид сам выстраивает все социальные структуры в результате своей деятельности.

Библиографический список

1. Кемеров В. Е. Знание – социальная связь / Знание в связях социальности / отв. ред. Т. Х. Керимов. – Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2003. – 231 с.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, М. 1968. – 476 с.

3. Мархинин В. В. Лекции по философии науки : учебное пособие. – М. : Логос, 2014. – 428 с.
4. Степин В. С. Теоретическое знание. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kemerov V. E. Znanie – social'naja svjaz' / Znanie v svyazjah social'nosti / отв. red. T. X. Kerimov. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural, un-ta, 2003. – 231 s.
2. Marks K. i Jengel's F. Soch., t. 46, ch. 1, M. 1968. – 476 s.
3. Marhinin V. V. Lekcii po filosofii nauki : uchebnoe posobie. – M. : Logos, 2014. – 428 s.
4. Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie. – M. : Progress-Tradiciya, 2003. – 744 s.

© Бутенко Н. А., 2017.

УДК 130.2:351.858

DOI: 10.24044/sph.2017.1.6

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИРА В НАСЛЕДИИ ВЛАДИМИРА ШЕСТАЛОВА

И. М. Куликова

*Кандидат филологических наук, доцент
Сургутский государственный
университет
г. Сургут, Россия*

THE MYTHOLOGICAL MODEL OF THE WORLD OF VLADIMIR SHESTALOV

I. M. Kulikova

*Candidate of Philological Sciences
assistant professor
Surgut State University
Surgut, Russia*

Abstract. The article discusses the musical creativity of the first professional composer Mansi people. The author comes to the analysis of the world of music with V. Shestalov cultural positions. Researcher focuses on the mythological paradigm that plays a special role in the heritage of the composer. It determines the subject and specifics of creative research B. Shestalov, which sought to create "my world of music."

Keywords: Ugric mythology; mythological model of the world; "bear festival"; Sorni-nai (Golden Goddess, Golden Woman); folk musical instruments.

Интерес к мифологическим моделям мира в культуре во многом определяется их потенциальной возможностью проникнуть в суть и смысл явлений в их диахроническом и синхроническом единстве. Восстанавливается модель мира на данных различных областей культуры, в том числе на материале музыкальной культуры. Отражена она и в творчестве Владимира Шесталова (1964–2014) – первого профессионального мансийского композитора и музыканта, члена Союза композиторов России (с 2012 г.). Композитор и исполнитель В. Шесталов свою

задачу видел в том, чтобы «открывать миру культуру народа манси, но только не в литературе, а в музыке» [5]. Эту задачу югорский музыкант решал и теоретически (в научных исследованиях), и практически – в композиторском и исполнительском творчестве, наполнив новым звучанием древнюю обрядовую музыку.

На формирование его мировоззрения сильнейшее влияние оказал отец – Ю. Шесталов, по мотивам произведений которого написаны многие сочинения композитора. Доминантной основой творчества

В. Шесталова стали обско-угорская мифология, мансийский фольклор и интонационные особенности народной музыкальной культуры. Среди сочинений В. Шесталова, связанных с угорской мифологией, выделяются сюита «Медвежий праздник» (для деревянных духовых инструментов), вокально-инструментальная композиция «Зарисовки Медвежьего праздника» (для оркестра обско-угорских инструментов и русских народных инструментов) и симфоническая сюита «Сорни-най» (для хордофонов и мембранофона). Под впечатлением сказок и мифов обских угров были созданы вокально-инструментальная пьеса «В подводном царстве Вит-хона» (для трубы, тромбона и ударных инструментов) и инструментальные сочинения для дуэтов «Чары колдуньи Миснэ» (для кларнета и фортепиано), «В царстве духа Уральских гор Нёр-ойки» (для саксофона и фортепиано) и другие.

Обращение к мифу для первого мансийского композитора вполне естественно. Мифологические модели мира, генеалогия богов и предков, отраженная в мифах истории становления народа позволяют не только репрезентировать ментальные основания своего этноса, но и придать «локальному пространству» общечеловеческий ценностный статус. Что касается музыки, то в мифопоэтических представлениях музыка, звук считались символом божественного творения, отражали гармонию и порядок мироустройства. Сакральный акт «неизменно сопровождался определен-

ными звуками, выдержанными в том или ином ритме» [1, с. 223]. Для «шаманского» рода Шесталовых музыка не могла не иметь первостепенного значения. Шаманская музыка (напевы, сопровождающиеся ударами в бубен) является персональной формой общения с духами. Не меньшее значение имел и ритуальный танец как одна из «наиболее древних форм молитвы», имитирующей «божественные» действия [1, с. 328]. Особую роль в культуре угров играли охотничьи танцы. В одно из своих ранних сочинений – сонату для скрипки и фортепиано «Северное сияние» – композитор включил языческий «танец шамана», а в сюиту «Медвежий праздник» – «танец охотника над убитым медведем».

Культ медведя – важнейшая составляющая мифологических представлений манси. «Медвежьи» черты усматриваются в облике бога и прародителя людей Нуми-Торума у манси, ханты и ненцев; в обско-угорской мифологии сын Небесного Владыки превращается в медведя, чтобы управлять делами людей и помогать им; есть сюжет о рождении первой женщины от медведицы; одна из фратрий ханты (Пор) считается потомками медведя и т. п. Образ Медведя, мудреца и помощника, защитника племени, можно найти у Ю. Вэллы. В индейской мифологии Америки медведь выступает творцом земного мира наряду с богами (Скотт Момадей, «Диалоги Медведя с Богом»). В музыкальных пьесах В. Шесталова по мотивам Медвежьих Игрищ воспроизводятся ми-

фологические представления манси. Основными персонажами в сюите «Медвежий праздник» являются Нуми-Торум (главное божество обских угров) и Мирсуснэхум (посредник между верхним и средним мирами). Их антиподом выступает божество нижнего мира Куль-отыр, которому помогают злые лесные духи, великаны менквы (особая группа демонов, похожих на людей). Нуми-Торум («Верхний бог», «Владыка неба») возглавляет пантеон, считается богом-демиургом, чья сила способствовала возникновению жизни на земле. Куль-отыр относится к троице главных богов (в некоторых вариантах космогонических мифов даже участвовал в сотворении мира: достал землю со дна океана) [3, с. 555]. Он считается властителем злых духов и болезней. Борьба Нуми-Торума и Куль-отыра изображена ярким динамическим развитием драматических лейтмотивов, музыкальная ткань насыщена ритмами, воспроизводящими силу Верховного бога. Победа Нуми-Торума, наказание Куль-отыра и изгнание менквов выражают основную идею сюиты – победу добра над злом. Среди важнейших фигур мансийского пантеона особенно выделяется Мирсуснэхум («смотрящий за миром») – Мировой Смотритель, младший сын Торума, всадник на белом коне, покровитель человеческого рода, управляющий делами людей, блюститель морали, защитник людей, солнечный Спаситель. Каждую ночь Мирсуснэхум объезжает землю на крылатом коне, следя

за порядком и передавая людям наказы своего отца. Он выслушивает просьбы камлающих шаманов, помогает излечению болезней, отведению опасностей. Ему приписываются функции культурного героя (создал изобилие, обучил людей охоте на птиц и др.) [3, с. 671]. В сюите В. Шесталова Мирсуснэхум предстает в образе сильного, ловкого и озорного Бога охоты, талисмана удачи в жизни, что передано соответствующими музыкальными темами: в «Танце Мирсуснэхума» «темы напористы, полны оптимизма и внутренней энергии» [4, с. 4].

Еще один важнейший персонаж мансийской мифологии – Сорни-най (Золотая Богиня, Золотая Баба). В мифологии древних народов женщина могла символизировать тьму, рассматриваться как символ нижнего мира, приравниваться к бездне. Но одновременно женщина могла выступать как существо «верхнего мира», женское божество, творящее жизнь, как олицетворение судьбы, а потому обожествлялась, была предметом поклонения [1, с. 146]. Преимущественно эта ипостась Золотой Бабы (Богини, праматери) отражена в представлениях манси, хотя в некоторых мифах не отрицается ее связь с потусторонним миром. Такая трактовка персонажа нашла отражение в романе А. Иванова «Сердце Пармы» и книге Ю. Шесталова «Откровение Крылатого Пастора», где образ языческой Золотой Бабы выступает посредником между светом и тьмой, одновременно реализует общечеловеческий архетип Ма-

тери, Женщины, Возлюбленной: «Золотая Богиня, Богиня-Любовь, Богиня-Мать» (Ю. Шесталов), и соотносится с образом Богородицы (что отражает аксиологические установки манси). Тем самым образ Золотой Богини связывается с идеей восстановления духовных основ жизни. Понимание значимости образа Сорни-най в системе ценностей народа привело В. Шесталова к созданию симфонической сюиты в пяти частях «Сорни-най» («Богиня огня и солнца»), над которой композитор трудился несколько лет (2004–2011). Подчеркивая связь образа с коренными установками и представлениями манси, В. Шесталов в двух частях сюиты (II и IV) делает солирующими национальные инструменты (пятиструнный мансийский «сангквылтап» («звенящий»), восьмиструнную мансийскую арфу «тарыг-сыпь-йив» («журавль-шея-дерево») и бубен – югорский ударный инструмент). Более того, на основе инструментальных версий сюиты «Сорни-най» композитор планировал создать национальную оперу [5], что подчеркивает важность этого образа в системе парадигм манси.

Однако содержание сюиты связано не только с образом Золотой Богини. В. Шесталов включает в тематику пьесы космологические мифы. Мифология манси дает разные варианты космологии. В сюите отсутствует образ Нуми-Торума. В «Сказе о сотворении Земли» композитор главную роль отводит космической божественной птице Корс-Торум («Крылатый дух»), которая в

символике манси не имеет определенного облика и культовых мест. В обско-угорской мифологии Кворыс-Торум считается родоначальником божеств и создателем мира. У манси он сын Кошар-Торума и отец Нуми-Торума (к нему после потопа перешла роль верховного небесного божества). Он обитает выше облаков, в золотом жилище, далек от людских дел. Именно Корс-Торум создал небо, землю, воду, огонь, солнце, луну и звезды [3, с. 550]. В сюите В. Шесталова сначала появились солнце и звезды, а потом была сотворена «качающаяся на цепях» земля, принесенная Крылатым духом (в мифах обских народов земля первоначально она была неустойчивой, пока не появились Уральские горы).

Создательницей жизни вместе с Корс-Торумом у В. Шесталова выступает Сорни-най, которая появляется во второй части сюиты. Великая богиня Югры творит природу, населяет землю людьми, создает на ней дома и дворцы. Именно она начинает борьбу с силами зла и тьмы. В третьей части произведения ей противостоит «Дух смерти и зла», «Правитель низа», «Подземный богатырь» – Куль-отыр, олицетворяющий подземный мир. В противостоянии добра и зла победа остается за Сорни-най, о чем рассказано в части «Магия Сорни-най». Победа светлых сил подчеркнута мажорной, даже бравурной музыкой, исполняемой на мансийской арфе. Последняя часть сюиты («Легенда о Сорни-най») – переданная

языком музыки история бесследно пропавшей реликвии народа манси: идоле из чистого золота, которому поклонялись обские угры.

Живописно-изобразительный характер музыки, чистота лирики присутствуют произведениям, связанным с миром сказок. Инструментальные пьесы для дуэтов посвящены менее значимым мифологическим персонажам. Образ лесной феи Миснэ («Лесная дева»), дочери водяного царя, относящийся к персонажам низшей мифологии, часто используется в практике югорских мастеров слова. Так, образ доброй лесной феи, богини «Миснэ», волшебницы, очаровательницы широко представлен в «Языческой поэме» Ю. Шесталова и поэзии А. Тарханова. Широко распространен сказочный сюжет о том, как Лесная дева приносит удачу охотнику и выходит за него замуж. Поэтизация образа Миснэ в инструментальном сочинении В. Шесталова «Чары колдуньи Миснэ» подчеркнута тем, что в музыкальный текст пьесы в дуэт с фортепиано включен «голос» кларнета, обладающего тёплым, мягким тембром, который помогает передать очарование образа.

Пьеса «В царстве Духа Уральских гор Нёр-ойки» использует инструментальные возможности саксофона, который обладает полным и мощным звучанием, певучим тембром и в большей степени помогает передать особенности персонажа. Нёр-ойка («Гора-старик», «Горамужчина», «Урала старик») – один из семи сыновей верховного бога

Нуми-Торума. Он считается хозяином территорий, примыкающих к Северному Уралу, покровителем оленьих стад. По одним мифам, он живет в хрустальном доме; по другим – обитает в каменном доме на священной горе вблизи «святого озера». По преданию, «хозяин Урала» ездит на белых оленях на снежной колеснице, его одежда и обувь сшиты из белого меха. Нёр-ойка обладает миролюбивым характером, он никогда не брал в руки оружия, не проливал кровь, хотя от его взгляда враги обращались в бегство или окаменевали. Несмотря на то, что пастуший горный бог является чужеродным в системе исконных сибирских верований [2], он стал героем многих сказок и легенд северных манси, вдохновившие композитора на создание пьесы о нем.

Еще одно сочинение – «В подводном царстве Вит-хона» (2012) – вводит в мифологическое пространство музыки В. Шесталова новый персонаж – фигуру «водяного царя», хозяина водных просторов, рек и озер Вит-Хона. Среди занимающихся рыболовством он считается распределителем водных богатств, он наделяет людей рыбой, может избавлять от заболеваний [2]. В. Шесталов создает картину подводного царства, опираясь на фольклор манси. По преданию, Вит-хон живёт посреди моря в серебристо-золотистом дворце со своей женой. У него семь сыновей и семь дочерей (самая известная из которых Вит-Хон-Аги), обитающих в глубине водоворотов, глубоких омуты, в усть-

ях рек, на каменистых перекатах. На крутых берегах рек рядом с большими глубинами осуществлялись жертвоприношения водяному царю. Музыка пьесы насыщена контрастами. Плавное течение действия, подчеркивающего спокойную речную красоту, сменяется все более нарастающим темпом, отражающим грозную водную стихию. «Альтовые» и «сопрановые» регистры трубы, самого высокого по звучанию среди медных духовых инструментов, сменяется «басово-теноровым» регистром тромбона, обладающего ярким, блестящим тембром в среднем и верхнем регистрах и сумрачным – в нижнем регистре. Ударные инструменты подчёркивают ритм, усиливают общую звучность композиции. Музыкальным портретам главных действующих лиц соответствуют вокальные номера. Главным выразительным средством композиции в целом стала мансийская фольклорная мелодика.

Подводя краткий итог предварительного анализа заявленной темы, отметим следующее. Мифологическая модель мира, воссозданная В. Шесталовым, отражает архаические космологические представления обских угров о времени творения мира, трехчастном строении вселенной, пространстве и времени. Есть «верхний» (Корс-Торум, Нуми-Торум) и «нижний» (Куль-отыр) миры. Третья космическая зона – «средний мир» – представлена не только людьми, животными, но и «земными божествами» – посредниками между мирами (Сорни-най,

Мирсуснэхум). В пространстве этого мира присутствуют духи-божества гор (Нер-ойка), воды (Витхон); он населен добрыми и злыми духами (Миснэ, менквы и др.). Один из сборников камерных сочинений В. Шесталов назвал «В своем мире музыки», своеобразие которого во многом определяется ориентацией на мифологию и фольклор его народа. Обращение к мифу позволило автору репрезентировать свое отношение к действительности, концептуально отражающее специфическую этническую модель мира.

Библиографический список

1. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
2. Мифология манси // Археология и этнография Приобья: Web энциклопедия. – М., 1999. – URL: http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_r... (дата обращения 12.02.2017).
3. Мифы народов мира: Энциклопедия. Электронное издание / Гл. ред. С. А. Токарев. – М., 2008. – 1147 с. – URL: <http://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/...> (дата обращения 10.02.2017).
4. Онешко Л. Н. Предисловие // В. Шесталов. Камерные произведения. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2001. – С. 4–5.
5. У народов Севера появился свой композитор // Аргументы и Факты. – № 45. 2012, 7 ноября. – С. 3.

Bibliograficheskiy spisok

1. Makovskij M. M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropejskih jazykah: Obraz mira i

- miry obrazov. – M. : VLADOS, 1996. – 416 s.
2. Mifologija mansi // Arheologija i jetnografija Priob'ja: Web jenciklopedija. – M., 1999. – URL: http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_p...(data obrashhenija 12.02.2017).
 3. Mify narodov mira: Jenciklopedija. Jelektronnoe izdanie / Gl. red. S. A. Tokarev. – M., 2008. – 1147 c. – URL: <http://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/...> (data obrashhenija 10.02.2017).
 4. Oneshko L. N. Predislovie // V. Shestakov. Kamernye proizvedenija. – Hanty-Mansijsk : Poligrafist, 2001. – S. 4–5.
 5. U narodov Severa pojavilsja svoj kompozitor // Argumenty i Fakty. – № 45. 2012, 7 nojabrja. – S. 3.

© Куликова И. М., 2017.

УДК 811.133.1 (075.8)
DOI: 10.24044/sph.2017.1.7

РЕГИОНАЛИЗМ:
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНА

З. Н. Афинская

*Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
г. Москва, Россия*

REGIONALISM:
A COGNITIVE-DISCURSIVE PECULIARITIES OF THE TERM

Z. N. Afinskaya

*Candidate of Philological Sciences
assistant professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

Abstract. Regionalism (*le régionalisme*) as a scientific concept for the expression of the idea of fractional consideration of the spheres of science and culture appeared at the end of the XIX century, but got its real development in the twentieth century and remains important to the French-speaking area of Europe in XXI century. The article is supposed to consider the metalinguistic characteristics of the concept *le régionalisme*, quite controversial and contradictory debate, despite the broad scope of its application. The study is based on a comprehensive method that considers the cognitive features of the concept of regionalism in different discourses – linguistic, cultural, political and scientific. Special attention is paid to the views of Gaston Bashlar, author of rational theory of regionalism, which created the preconditions for the concept of interdisciplinary research.

Keywords: regionalism; metalinguistic characteristics.

Вступление.

Термин *регионализм* (*le régionalisme*) появился во французском политическом дискурсе на рубеже XIX и XX веков в диспутах о значении культурной самобытности французских регионов (бывших французских провинций) [17, с. 11]. Регионализм как один из мотивов французского общественно-

политического дискурса обрел всю свою значимость в дискуссиях о значении наций в новом социальном и экономическом контексте Европы начала XX века и стал так называемой «идеей-силой» («*idée-force*») своего времени, не теряя своей значимости вплоть до нашего времени. Характеристика общественно значимого явления как *ре-*

гиональное становится актуальным в политике и науке, но коннотативные мотивы этого термина отличаются в зависимости от типа дискурса – научного или общественно-политического.

Методы и цель исследования.

В процессе исследования были обобщены взгляды и мнения представителей разных наук по вопросу регионализма – лингвистов, философов, экономистов, культурологов (G. Bachelard, J. Fourquet, Cl. Hagège, J. Piaget, J. Serme, G. Tuaillon, A. Cartapanis, P. Avril, A.-M. Thiesse, Т. Ю. Загряскина, В. Н. Калущков). Цель исследования состояла в том, чтобы изучить во многом противоречивый смысл этой «идеи-силы», этого понятия, которое является для культурной географии основополагающим, для экономики – перспективным направлением деятельности, для лингвокультурологии – остро дискуссионным, «конфликто-генным», когнитивно противоречивым концептом, его задействованность в междисциплинарных исследованиях. Под когницией, вслед за Е. С. Кубряковой, понимается «как научное, так и обыденное познание мира, реализующееся в процессах его концептуализации и категоризации» [6, с. 64]. Одно из главных качеств концепта – это его интерпретативная природа. Интерпретация концепта зависит, согласно идеям Д. С. Лихачева, от адресата, от его культурного и жизненного опыта. «Потенции концепта, – писал Д. С. Лихачев – тем шире и богаче,

чем шире и богаче культурный опыт человека» [7, с. 281]. Концепт постоянно обогащается, так как «столкновение словарного значения слова» и жизненного опыта человека происходит постоянно.

Результаты исследования

Поскольку терминологизация и концептуализация этого слова произошли, прежде всего, в контексте литературы и языка (первые регионалисты ратовали за возрождение этнической культуры во Франции, воплощающей идею единого национального языка на всей своей территории), то рассмотрим сначала современный аспект регионализма как реальности общественной жизни франкофонной зоны Европы XXI века. Примером острой борьбы между сторонниками регионального языка и нормой французского языка служит культурный конфликт в одной из провинций Бельгии. Мэр городка во Фландрии недалеко от Брюсселя, потребовал от коммерческих фирм исключительного употребления фламандского (нидерландского) языка. В этом городке была создана специальная служба «фламандской политики» (*la politique flamande*) с тем, чтобы выявлять франкоязычных нарушителей этой политики. В ответ на насмешки франкофонов над фламандским диалектом и его «псевдокультурой» (*«pseudo-culture»*) муниципалитет рекомендовал коммерсантам убрать вывески на французском языке, опираясь на местное законодательство, которое имеет пре-

имущество над бельгийской конституцией [8, с. 9].

В лингвистических исследованиях закрепилось представление о регионализме, как о характеристике конкретных языковых фактов, противостоящих, в определенной мере, объединительной тенденции, характерной для нормы литературного языка. Регионализм в качестве языковой политики национального государства означает не только официальную поддержку этнического многообразия нации, но несет в себе идею и оправдание дробления единого государства на региональные образования. Язык становится сильным аргументом для утверждения культурно-исторической самобытности каждого народа, обладающего или не обладающего государственностью.

Регионализмы (этот термин вытеснил, по сути дела, «le dialecte» и «le patois» [12]) в качестве примеров диалектного дробления литературного языка находятся в «зоне нестабильности»: они выживают (*la survivance*), возрождаются (*la résurgence*), иллюстрируя проблемы этнического и лингвокультурного многообразия единого национального языка. Регионализмы изучаются как лингвогеографическое явление, как региональные особенности французского языка в Провансе, Бретани, Оверни и других регионах [16]. Однако концепт *регион* обретает постепенно новое осмысление в языковой политике страны, так как подразумевает не только некое единство внутри границ старинных

французских провинций, но и пространственные, этнические, культурные и языковые характеристики разных соседних с Францией регионов [4]. Официальное признание языкового регионализма несет в себе опасность развитие этого феномена (языкового явления, возникшего вместо исчезнувших категорий – говора и диалекта) в сторону политического явления, требующего самостоятельности и независимости.

Современное восприятие проблемы регионализма является, во многом, как полагает Клод Ажеж, следствием мер, принятых более двухсот лет назад в период революционного Террора. Депутат Барер с трибуны Конвента заявлял: «le fédéralisme et la superstition parlent bas-breton, l'émigration et la haine de la République parlent allemand (alsacien), la contre-révolution parle italien (corse) et le fanatisme parle basque... Cassons ces instruments de dommage et d'erreur...» [13, с. 14] («...федерализм и суеверие говорят на бретонском, эмиграция и ненависть к Республике говорят на немецком (эльзасском), контрреволюция говорит на итальянском (корсиканском). А фанатизм на баскском... Сломаем эти инструменты разрушения и ошибки...» – пер. З. А.) Согласно декрету Конвента от 1794 г. государственным служащим запрещалось под угрозой тюремного заключения писать и подписывать любые официальные документы, составленные не на французском языке, а на диалектах [13]. Такое суровое наказание за ис-

пользование регионализмов было продиктовано в то время борьбой правящих партий за единство Франции, т. е. не лингвистическими принципами, а сугубо политическими, значение которых достаточно живо в современном политическом дискурсе.

Неслучайно, Франция – единственная страна в ЕС, которая не присоединилась официально к Европейской Хартии региональных языков, согласно которой национальное государство обязано обеспечивать региональным языкам статус официального языка, т. е. языка судопроизводства, в определенном географическом регионе. Исторический аспект проблемы региональных языков во Франции довлеет определенной части общества и не позволяет присоединиться к Европейской Хартии региональных языков. Правительство и парламент Франции не решаются признать официальный статус региональных языков из-за опасения оживить проблему политического единства Франции в условиях сложных этнокультурных дискуссий в Европе.

В лингвистике сложилась «иерархическая» система – национальный язык и его стилистические особенности, так называемые подязыки. Отношение между региональными языками и национальным языком в корне отличаются от системы «национальный язык и подязык» (*sub-langue*) и не вписываются в эту схему. Региональные языки существуют «вопреки» национальному языку и, во-первых, несут в

себе риск расшатывания нормы, а во-вторых, подвергаются давлению, как и национальный язык, со стороны так называемого «сверх-языка» (*supra-langue*), каким является в настоящее время английский язык и его американский вариант. В качестве меры ослабления этого влияния одни лингвисты (Г. Тюайон) отрицают сам статус языка для региональных вариантов французского языка («Региональный французский не существует нигде, на нем не говорит никто» [4, с. 60]), так как они проявляются только в устной речи в качестве фонетических и лексических вкраплений в литературный стандарт. Однако признание самой реальности регионализмов, может служить, по мнению К. Ажежа, защитой от «ускоренной англицизации» («*l'anglicisation accélérée*») [13] образования, экономической и профессиональной деятельности, вплоть до повседневного общения во Франции. Дискуссии лингвистов обнаруживают нерешенность проблемы регионализма как явления политического и лингвокультурного, актуальность регионализма в качестве «идеи-силы», и, вместе с тем, ее когнитивную противоречивость. В качестве метакатегории [14] лингвистики регионализм тяготеет к идее сегментации целого (национального языка), к обоснованию раздробленности.

Регионализм в экономике соотносится, прежде всего, с географическими параметрами внутри национальных экономик, но в еще большей степени – с объединением раз-

ных предприятий, функционирующих согласно одной экономической модели в разных национальных экономиках. В экономическом дискурсе упрочилось представление о национальных, региональных, сверхнациональных и глобальных рынках. По мнению экономистов, рыночная модель экономики реализуется результативнее на региональном уровне. Дробление национальной экономики ради установления эффективных связей между предприятиями других регионов – соседних или удаленных географически – актуально и рационально: «... plus qu'à l'échelle nationale, cela pourrait se matérialiser à une échelle régionale, celle d'un ensemble d'économies nationales reliées par la proximité géographique ou l'unité des modèles économiques et sociaux, conduisant alors à un plus grand fractionnement de l'économie mondiale entre plusieurs grandes zones») [11, с. 299]. Понятие *регионализм* в современной экономической деятельности подразумевает не только явления внутри национальных границ, но освоение новых научных идей и экономической практики, которую можно условно назвать «экономикой поверх барьеров». Идея глобального мира, который объединяет рынки по экономическому принципу, а сам мир предстает в виде собрания экономических регионов, лишенных в значительной степени национальной специфики, представляется рациональной и перспективной: регион не ведет войны с другими регионами, –

напротив, он ищет с ними контакты. Таким образом, концепт *регионализм* в экономическом дискурсе не несет в своей семантике мотив острой полемики, а, напротив, является рациональной и актуальной.

Регионализм как средство концептуализации познания мира вошел в обиход науки, прежде всего, как географическое понятие для обозначения идеи дробного рассмотрения определенной территории. Но затем, когда география перенесла фокус своих исследований с ограниченной территории на пространство, концепт *регионализм* позволил объединять – ради решения новых задач – методы и данные других отраслей знания и познания мира. «От культурной географии, – утверждает В. Н. Калущков, – заимствованы такие понятия, как литературное (литературно-географическое) место, литературно-географическое пространство, литературный ландшафт. В свою очередь литературоведение «поделилось» с литературной географией таким жанром (и значимым научным понятием), как литературное путешествие. Огромный материал для литературно-географического исследования содержится в местной литературе, которую нередко называют региональной литературой» [5, с. 23]. Как видим, регионализм в научной сфере необходим ради утверждения новых взглядов на окружающее физическое и ментальное пространство.

Понятие «регионализм», ставшее одним из наиболее значимых в об-

щественно-политическом дискурсе XX века, требовало философского осмысления. Регионализм в качестве научной методологии, способной открыть интересные перспективы перед исследователем, привлек внимание философа Гастона Башляра. Он был убежден, что в XX веке неизбежна сегментация, или «регионализация» больших научных направлений: «Ainsi le rationalisme pose à la fois la nécessité des réformes successives des cadres rationels et la segmentation en rationalismes régionaux» [9, с. 45].

Башляр предложил новый эпистемологический концепт — «rationalismes régionaux», который должен бы вдохнуть новую жизнь в разрозненные секторы науки с тем, чтобы объединить их в рамках нового рационализма. Концепт-неологизм — «региональный рационализм» — не только позволяет оперативным образом привлекать внимание к небольшим секторам науки, но и изучать их как самостоятельные научные направления в контакте с различными сферами когниции. Он утверждал в спорах эпистемологов: «Mais, en prenant ce concept de rationalisme régional, j'essayais de montrer que, même dans un petit secteur, l'esprit prend de l'air, l'esprit se généralise dans une activité qui paraît particulière...» [9, с. 66].

Гастон Башляр рассматривал *регионализм* в двух аспектах. Во-первых, как национальную особенность французской науки, связанную с традицией французской культуры и образования, с особенностями

ми национальной истории и культуры, возникновением и успешным развитием различных научных школ в границах национального государства. Во-вторых, регионализм науки, согласно Башляру, подразумевает связи, контакты и, самое главное, полемику с различными науками, что проявляется, в частности, в осмыслении *интерконцептов*, релевантных для нескольких наук [1]. Вступая в область региональной эпистемологии, «мы вынуждены — писал Башляр, — отложить в сторону проблемы общего рационализма...; «необходимо вступать в полемику» и «концептуально организовать» новые взаимоотношения, возникающие в пограничных областях: «...ces rationalismes régionaux se font nécessairement par des définitions d'interconcepts; ... quand on s'installe dans un rationalisme régional, ... il faut entrer en polémique, et il faut organiser conceptuellement les relations que donnent ces rationalismes régionaux» [9, с. 151].

Идея регионального рационализма, предложенная Гастоном Башляром, казалась достаточно парадоксальной для науки середины XX века, так как рационализм традиционно относился к фундаментальным, непреложным и «неделимым» принципам научного мышления Нового времени. Французские эпистемологи, высоко оценивая вклад Г. Башляра в науку XX века, полагали несовместимыми постулатов рационализма — фундаментального принципа науки, с одной стороны, и регионализма, исповедую-

щего значимость отдельных участков единого пространства, с другой: («le rationalisme régional s'oppose à un rationalisme de base, à de grands principes vides, à des affirmations abstraites...») [10, с. 63]. Соединение в одном философском концепте диссонирующих понятий казалось недостаточно обоснованным – эпитет «региональный» предполагает, что существует в качестве антитезы понятие о «тотальном» или «глобальном» рационализме, что не соответствует истине. Более приемлемым им представлялись такие термины, как «un rationalisme appliqué» или «rationalisme évolutif», «rationalisme spécialisé» [10, с. 64]. Однако некоторые коллеги Башляра справедливо отмечали, что благодаря его концепции науки возникает возможность применить новые методы исследования, основанные на концептах, общих для разных отраслей знания о мире, что явилось, по сути, предпосылкой для исследований с использованием междисциплинарных и трансдисциплинарных стратегий, выдвинутых в 70-ые годы XX века Ж. Пьяже [15]. Принцип формирования научных направлений «на стыке» наук действительно получил широкое распространение в XX веке.

Преодоление сопротивления методологических, философских, языковых и психологических препятствий и традиций, так называемого *sens commun* (общепринятого мнения), встающих перед ученым на пути постижения мира, возможно благодаря принципу рационального

регионализма. В этом ракурсе следует рассматривать принципиальные постулаты философского регионализма Башляра и выдвинутого им принципа «присоединения художественных сфер к единой цепочке Наука-Философия-Поэзия» [2, с. 144]. Смелые подходы к общепринятым истинам вплоть до их разрушения, которые исповедовали сюрреалисты, должны побуждать ученых к поиску новых истин: «... *l'imagination est déformatrice; l'activité poétique consiste à défaire des images*» («воображение деструктивно; поэтическая деятельность состоит в деформации образов» – пер. З. А.) [10, с. 32]. Сюрреалистический регионализм (как одна из разновидностей регионального рационализма) призван исследовать факты, отражающие не только рациональное, но и психологическое в научной деятельности. «Научная духовность», обеспечивая прогресс науки, формируют современное общество и культуру. Рационализм XX века не может оставаться в жестких рамках этого концепта, сформировавшегося в эпоху Просвещения. Наука XX века строится не только на приоритете математических знаний. Рациональный регионализм методологически обосновывает перспективность исследований «на стыке наук», позволяет расширить концептуальную основу науки, используя новаторские идеи и в области культуры. Региональные исследования, сосредоточенные на «точечных» проблемах позволяют осуществить выход на обобще-

ния, широкого масштаба, или, как говорил Гастон Башляр, «точный взгляд – залог широких взглядов»: «En science, les vues précises sont des gages de vues larges» [12, с. 42]. Интерес к психологии личности, проявившийся в XX веке, породил новые направления не только в науке о языке. Гастон Башляр, химик, философ, литературный критик был одним из первых во французской науке, кто настойчиво проводил мысль о единстве познания человека в искусстве и науке. Современное научное сообщество признает, что «после Башляра, разделить анализы культуры и науки стало уже невозможным» [3, с. 20].

Обсуждение полученных результатов.

Систематический подход к исследованию концепта *регионализм* показывает, что он необходим для развития экономики, для современной науки в целом, когда ее разные отрасли могут укреплять рациональное знание за счет укрепления межотраслевых контактов. Вместе с тем, исследование выявило специфику разных дискурсов. Если политический дискурс нацелен на четкое разграничение позиций политических сил, то научный дискурс «ищет» контакты с другими дискурсами. Для него представляют интерес пограничные, региональные сферы знания, которые укрепляют потенциал междисциплинарных сфер. В философском дискурсе термин «региональный рационализм», предложенный Гастоном Башляром, обнаруживает совмещение в одном

термине двух, казалось бы, противоположных понятий – рационализм и регионализм. Этот дуализм позволил, благодаря Г. Башляру, увидеть новые аспекты науки, актуальные для современного общества. Лингвистический дискурс оказывается не менее полемичным и даже агрессивным, чем политический: разрушение пространства единого языка – разрушение общего дома?

Регионализм – явление многоаспектное, многокатегориальное и несущее в себе определенный когнитивный диссонанс. Несмотря на попытку придать этой «идее-силе» научное обоснование, не удалось решить главные вопросы: регионализм в политическом дискурсе подразумевает дробление единства, и в этом его опасность. Остается открытым вопрос о том, способен ли *регионализм* как мозаику сложить из разнообразных элементов нечто единое, развивать новые «силы» «поверх границ», объединяя разные регионы вокруг одной идеи?

Выводы.

Систематический подход и комплексное изучение концепта *регионализм* позволили выявить специфику его когнитивной значимости в разных идеологических сферах. Философское осмысление этого концепта, предпринятое Гастоном Башляром, обострило проблему актуальности классического рационализма в контексте связей современной науки с культурой и личностью исследователя. В качестве «идеи-силы» языковой и культурной политики Франции на протяжении XX и

XXI веков, *регионализм* вызывает острую полемику в обществе. Признание существования региональных языков грозит в представлении некоторых лингвистов, разделением единой французской нации. Между тем этот концепт междисциплинарного значения используется достаточно успешно в научной сфере.

Библиографический список

1. Афинская З. Н. От рационализма к «региональному рационализму» и «сюррационализму»: Гастон Башляр как языковая личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6(36). Часть 2. – Тамбов, 2014. – С. 23–27.
2. Балашова Т.В. Научно-поэтическая революция Гастона Башляра // Вопросы философии. – № 9. – 1972. – С. 140–146.
3. Визгин В. П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. – М., 1996.
4. Загрязкина Т. Ю. Типология пространства и место человека (на примере франкоязычных ареалов) / Франкоязычный мир: взаимодействия и контакты / под ред. Т. Ю. Загрязкиной. – М., 2012. – С. 10–29.
5. Калущков В. Н. Культурная география России. – М. : МГУ, эл. версия, 2016.
6. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. – М. : Знак, 2012.
7. Лихачев Д. С. К концептосфере русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280–287.
8. Avril P. Bataille linguistique en Flandre // Le Figaro, lundi 14 avril, 2008.
9. Bachelard G. L'engagement rationaliste. – Paris, 1972.
10. Bachelard G. La formation de l'esprit scientifique: Contribution à une psychanalyse de la connaissance. – Paris : J. Vrin, 1993.
11. Cartapanis A. Mondialisation ou fractionnement de l'espace économique? // Fin de monde ou sortie de crise? – Paris, 2009.
12. Fourquet J. Langue, dialecte ; patois/Le Langage sous la dir. D'André Martinet. – Paris : Gallimard, 1968. – P. 572–577.
13. Hagège Cl. Le français n'est pas menacé par la Charte européenne des langues régionales // Le Monde, 11 juin 2015. – P. 14.
14. Jacquet-Andrieu (2011) Approche systémique du langage et ses niveaux de conscience // 8-e congrès de l'union européenne de systémique.
15. Piaget J. Méthodologie des Relations Interdisciplinaires // Archives de Philosophie. – 1971. – n°34. – P. 539–549.
16. Serme Jér. Le lexique français commun comme source de régionalismes : le phénomène de survivance et ses avatars // Le français moderne. – 1999. – LXVII. – n°2. – P. 169–197.
17. Thiesse A.-M. L'invention du régionalisme à la Belle Epoque // Le Mouvement Sociale 1992/3(n°166).

Bibliograficheskiy spisok

1. Afinskaja Z. N. Ot racionalizma k «regional'nomu racionalizmu» i «sjurracionalizmu»: Gaston Bashljar kak jazykovaja lichnost' // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. № 6(36). Chast' 2. – Tambov, 2014. – S. 23–27.
2. Balashova T.V. Nauchno-pojeticheskaja revolvucija Gastona Bashljara // Voprosy filosofii. – № 9. – 1972. – S. 140–146.
3. Vizgin V. P. Jepistemologija Gastona Bashljara i istorija nauki. – M., 1996.
4. Zagrzazkina T. Ju. Tipologija prostanstva i mesto cheloveka (na primere frankojazychnyh arealov) / Frankojazychnyj mir: vzaimodejstvija i kontakty / pod red. T. Ju. Zagrzazkinoj. – M., 2012. – S. 10–29.

5. Kaluckov V. N. Kul'turnaja geografija Rossii. – M. : MGU, jel. versija, 2016.
6. Kubrjakova E. S. V poiskah sushhnosti jazyka: kognitivnye issledovanija. – M. : Znak, 2012.
7. Lihachev D. S. K konceptosfere russkogo jazyka // Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologija / pod red. prof. V. P. Neroznaka. – M., 1997. – S. 280–287.
8. Avril P. Bataille linguistique en Flandre // Le Figaro, lundi 14 avril, 2008.
9. Bachelard G. L'engagement rationnaliste. – Paris, 1972.
10. Bachelard G. La formation de l'esprit scientifique: Contribution à une psychanalyse de la connaissance. – Paris : J. Vrin, 1993.
11. Cartapanis A. Mondialisation ou fractionnement de l'espace économique? // Fin de monde ou sortie de crise? – Paris, 2009.
12. Fourquet J. Langue, dialecte ; patois/Le Langage sous la dir. D'André Martinet. – Paris : Gallimard, 1968. – P. 572–577.
13. Hagège Cl. Le français n'est pas menacé par la Charte européenne des langues régionales // Le Monde, 11 juin 2015. – P. 14.
14. Jacquet-Andrieu (2011) Approche systématique du langage et ses niveaux de conscience // 8-e congrès de l'union européenne de systématique.
15. Piaget J. Méthodologie des Relations Interdisciplinaires // Archives de Philosophie. – 1971. – n°34. – P. 539–549.
16. Serme Jér. Le lexique français commun comme source de régionalismes : le phénomène de survivance et ses avatars // Le français moderne. – 1999. – LXVII. – n°2. – P. 169–197.
17. Thiesse A.-M. L'invention du régionalisme à la Belle Epoque // Le Mouvement Sociale 1992/3(n°166).

© *Афинская З. Н.*, 2017.

УДК 8 (82)

DOI: 10.24044/sph.2017.1.8

**ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РОМАНЕ ДЖОДИ ПИКОЛТ «УРОКИ МИЛОСЕРДИЯ»**

Г. В. Егиазарян

*Кандидат филологических наук, доцент
Ереванский государственный
университет языков и социальных наук
имени В. Я. Брюсова
г. Ереван, Армения*

**THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY IN STORYTELLER BY
JODI PICOULT**

G. V. Yeghiazaryan

*Candidate of Philological Sciences
assistant professor
Yerevan Brusov State University
of Languages and Social Sciences
Yerevan, Armenia*

Abstract. The article analyzes the problem of national identity in the novel *Storyteller* by Jodi Picoult. The author also discusses the structure of the novel, the means of expression of the basic ideas and moral issues raised by the writer. The novel is devoted to the Holocaust of the Jews during the World War II and the perception of the event in our time by the descendants of the victims of the Nazis. At the beginning of the novel the main character mainly behaves as an American, but at the end of the novel she realizes that she is a part of the Jews. The researcher concludes that Jodi Picoult clearly defines the moral and ethical dominants that she considers to be relevant and the structure of the novel serves the purpose to reveal these moral ideas.

Keywords: USA; World War II; Nazism; Judaism; national identity; morality.

Роман Джоди Пиколт «Уроки милосердия» («Storyteller», 2013) посвящен болезненной теме: Холокосту евреев во время Второй мировой войны и осмыслению этого события уже в наше время потомками жертв нацистов. Эта тема довольно актуальна в наше время: общество понемногу забывает горе и страдания Второй мировой войны, политика толерантности и политкорректности, кажется, утрачивает бы-

лое число сторонников, а традиционный институт семьи постепенно разрушается. Поэтому роман о необходимости знания исторической правды и неоднозначности этой правды для неподготовленного человека не может не вызвать интерес у читателя.

Главной героине романа предстоит решать тяжелые нравственные задачи: свершить пусть запоздалое, но правосудие, или помило-

вать уже тяжело больного раскаивающегося пожилого человека; отомстить за страдания своих близких или простить и позволить умереть в глазах других людей честным человеком; винить себя за смерть родителей и отказываться от общения с семьей или признать, что человек не может быть ответственным за неизлечимые болезни своих родных; продолжать бесперспективные отношения с женатым человеком или иметь мужество не бежать от настоящей любви.

Как и другие произведения Дж. Пиколт, роман «Уроки милосердия» полифоничен, почти все герои ведут свои сольные партии, их голоса не смешиваются, а создают специфический узор из мнений, комментариев и точек зрения. Как писал М. М. Бахтин «слово героя о себе самом и о мире так же полномерно, как обычное авторское слово; <...> Ему принадлежит исключительная самостоятельность в структуре произведения, оно звучит как бы рядом с авторским словом и особым образом сочетается с ним и с полноценными же голосами других героев» [1, с. 8].

Роман можно назвать камерным произведением. Здесь всего четыре основных и не больше десятка второстепенных действующих лиц. Сольных партий тоже четыре: главная героиня Сейдж Сингер, ее бабушка Минка (голос которой звучит и как авторский в ее неоконченном произведении), Джозеф Вебер (бывший офицер СС по имени Франц Хартман), и Лео Штейн, сле-

дователь ФБР, специализирующийся по нацистским преступлениям. Остальные персонажи переданы сквозь призму восприятия этих героев, в основном, Сейдж. Интересно, что Джоди Пиколт устроила благотворительный аукцион на имена героев, доход от которого пошел в фонд защиты прав сексуальных меньшинств [3].

Роман «Уроки милосердия» [2, с. 4] («Storyteller») был написан в 2013 году и почти сразу, в 2014, переведен на русский язык Инной Пannenко. Нам хотелось бы не соглашаться с переводом названия романа на русский язык. Слово «storyteller» в основном значении можно перевести и как рассказчик/рассказчица, и как сказочник/сказочница, потому что в английском языке существительные с окончанием –er/-or не имеют четко обозначенной гендерной коннотации. По умолчанию слово считается мужского рода, но в контексте словосочетания или предложения используется с обоими грамматическими родами. Слово употребляется также в значениях «сказитель, сочинитель, повествователь, выдумщик, лгун». В русском языке все эти слова тоже можно использовать как по отношению к мужчине, так и к женщине. Мы понимаем трудности, стоящие перед переводчицей. Потому что рассказчиками в романе являются четыре персонажа (Сейдж, Минка, Джозеф и Лео), сказочниками, сказителями – двое (Минка и Джозеф, но сказителем в библейском смысле слова можно назвать также Мери Деанже-

лис, подругу Сейдж), а лгунами в конечном итоге выступают тоже двое (Сейдж и Джозеф). При этом слова «сказочник» и «сказитель» имеют как прямое, так и ироническое значение. А «уроки милосердия» в контексте финала романа выглядят неусвоенными, ибо старик умирает, не получив вожделенного прощения за грехи, как совершенные, так и вымышленные.

Нам кажется, что название романа на русском языке «Уроки милосердия» не отражает идейный смысл романа и мы предложили бы из синонимического ряда перевода названия «Storyteller» использовать слово «повествователь» как наиболее стилистически нейтральное, относящееся к обоим гендерам, включающее в себя семантические значения «рассказчик», «сказочник», «сказитель», «выдумщик» и «лжец».

Основные топосы романа локализируются в трех временных пластах: Польша и Германия времен Второй мировой войны от ее начала в 1939 и до завершения весной 1945 и США, штат Нью-Хемпшир, маленький городок Уэстербрук, наше время. Действие же вводной сказки происходит в неопределенное волшебное время, потому что уклад жизни и костюмы героев несут в себе как относительно новые, так и старинные характеристики вплоть до средневековых, в маленькой деревеньке в глухих восточноевропейских лесах. Это может быть, как Польша (Минка родилась в городе Лодзь), так и Белоруссия, и Украина.

Героини всех трех повествовательных пластов являются сиротами, но если Аня из сказки является своеобразным альтер-эго своего автора, Минки, то образ Сейдж воплощает современное представление о средней белой американке, гражданке США в третьем поколении, со всеми специфическими особенностями подобной группы людей. Для Минки, как и для ее героини Ани, основным фактором, сформировавшим их личность, является трагическая гибель отца. После этого героини лишаются иллюзий и начинают полагаться только на себя. Но родители Сейдж умирают в мирное время от естественных причин. То есть при отсутствии внешней опасности потеря близких становится разъединяющим фактором для современного человека.

В начале романа Сейдж позиционирует себя «настоящей американкой»: она знает о своей национальной принадлежности, но происхождение не играет роли в ее картине мира, так же, как и религия. Она отказывается проходить обряд батмицва и стать полноправным членом еврейской общины, потому что это, по ее мнению, ограничило бы ее свободу. Героиня была привязана к своим родителям, но замужних сестер и их семьи она не считает близкими людьми. Довольно долго она резко отвергает помощь друзей и родных, свои проблемы предпочитает решать на сеансах коллективной психотерапии. Она отказывается общаться с сестрами после смерти матери, хотя верующие евреи свято

хранят семейные традиции. Она ненавидит себя, поэтому ей кажется, что семья тоже ее ненавидит.

На протяжении всего романа читатель наблюдает, как Сейдж постепенно осознает себя еврейкой, потомком народа, пережившего много горя, и именно через возвращение к истокам она приобретает настоящую свободу. В этом плане ей в романе противопоставляется Лео Штейн. Он достаточно легко относится к беспокойству своей семьи о его холостяцком положении, скрепя сердце ходит на свидания вслепую, которые организуют его мать и сестра, позволяет себе ворчать по этому поводу, но никогда не обижает их отказом. Да и с девушками ведет себя вполне вежливо.

Лео тоже потерял отца в результате болезни, но он не винит себя, ибо выполнил свой сыновий долг. Он изначально не отказывается от своей национальной идентичности, что не мешает ему быть полноценным гражданином США. Его работа в отделе по нацистским преступлениям в ФБР является осуществлением именно узконационального самосознания. Лео Штейн и окажется тем единственным человеком, который примирит Сейдж Сингер с собой и с ее семьей.

В начале романа Джоди Пиколт показывает, как зарождается дружба между одинокой молодой женщиной и 90-летним стариком Джозефом Вебером, который играет в их небольшом городке роль «всеобщего дедушки». Но однажды Джозеф признается, что он был нацистским пре-

ступником, и просит Сейдж простить ему грехи и помочь умереть. Американское представление о законности требует от героини немедленно сообщить в полицию, но ей долго никто не верит. На протяжении почти всего романа Сейдж ведет себя как настоящая американка, но в конце романа она осознает себя частью еврейства. Сейдж, узнав о страданиях своей бабушки, убивает Франца из чувства мести, а не милосердия, но умалчивает о своей роли в его смерти. Ложь о совершенном преступлении останется с героиней до конца ее жизни. Автор показывает, что «праведный гнев», насколько бы он ни был обоснован, ведет к преступлению. Ведь и гестаповцы во время войны пылали праведным гневом против евреев, цыган, поляков, русских и т. д.

Надо отметить, что автор романа четко проговаривает те нравственные критерии, которые считает правильными. Она выступает за традиционные семейные ценности и определяет убийство тяжким грехом вне зависимости от религиозной принадлежности. Проблеме убийства и возможности прощения за убийство посвящены диалоги между главной героиней и ее подругой, верующей христианкой Мери Деанжелис. Бабушка Минка же говорит об этом с иудейской точки зрения, когда рассказывает об убийстве своей лучшей подруги в концлагере: «Нет, Сейдж. Я имею в виду “не смогу” – в буквальном смысле, потому что не мне его прощать. Такое могла сделать только Дара, а из-за

него (*убийцы Г. Е.*) это стало невозможным» [2, с. 432]. Убийцу может простить только жертва, которая мертва и прощать не может. Таким образом автор романа декларирует, что нравственная оценка убийства не зависит от религиозной или национальной принадлежности: убийство должно быть осуждено и не имеет прощения.

Хотя авторский голос в «Уроках милосердия» и скрывается, дробится за масками четырех основных повествователей, тем не менее он ощутим в постановке и способе решения тех нравственных проблем, которые стоят перед героями. Джоди Пиколт в своем романе декларирует семейные ценности, любовь, верность и взаимоуважение, выступает против нивелирования ценности человеческой жизни во имя каких бы то ни было идеологий, призывает к соблюдению законности, терпению и равноправию. А душевное равновесие герой может приобрести только после осознания

и принятия своей национальной идентичности.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М. : Художественная литература, 1972. – 320 с.
2. Пиколт Дж. Уроки милосердия. Белгород. Харьков : Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2014. – 528 с.
3. Picoult Jodi – BBC Breakfast – April 4 2013 (HD) // <http://www.jodipicoult.com/the-storyteller.html#more> (дата обращения 10.02.2017).

Bibliograficheskiy spisok

1. Bahtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1972. – 320 s.
2. Pikolt Dzh. Uroki miloserdija. Belgorod. Har'kov : Knizhnyj klub «Klub semejnogo dosuga», 2014. – 528 s.
3. Picoult Jodi – BBC Breakfast – April 4 2013 (HD) // <http://www.jodipicoult.com/the-storyteller.html#more> (data obrashhenija 10.02.2017).

© Егуазарян Г. В., 2017.

УДК 809.27-1

DOI: 10.24044/sph.2017.1.9

«BALAAG'AT» КАК ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

С. А. Рустамий

*Кандидат филологических наук, доцент
Ташкентский государственный
институт востоковедения
г. Ташкент, Узбекистан*

«BALAAG'AT» AS A LINGVOSTILISTIK SCIENCE

S. A. Rustamiy

*Candidate of Philology Sciences
assistant professor
Tashkent State Institute
of Oriental Studies
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The article contains ideas about the science of showing word expressiveness in practice, which was wide-spread in the East. The main functions of language are to ensure human intercourse by means of words and expression of thought. These two functions of language are the principal prerequisite of its formation, existence and development. The author underlines the importance of aesthetic function of language among the main language functions ensuring human intercourse. Giving some information about the formation of the science of «balaag'at» she states that the science gives the people knowledge of the refined sides of speech habits.

Keywords: language; language functions; language aesthetics; artistry; artistic means of language; stylistics; «balaag'at».

Основная функция языка – коммуникативная, язык служит средством общения людей и средством выражения мысли. Эти функции языка считаются главными факторами появления, становления и развития языка. Именно поэтому крупные произведения в сфере языкознания [3; 4; 7; 8; 9; 11; 12; 13] созданы в рамках этих функций.

Язык, кроме вышеназванных функций, наряду с такими задачами как фиксация событий, выражение вопроса, побуждения, эмоций, хва-

лы или нарекания выполняет эстетическую функцию, используя лингво-художественные средства. На востоке изучением эстетических возможностей языка, его художественных особенностей занималась наука «balaag'at». На западе этим занималась «стилистика» и «поэтика». Терминами «стилистика» и «поэтика» пользуются и современные узбекские филологи [5; 14; 15]. В настоящее время тщательное изучение теоретических и практических сторон эстетики языка являет-

ся основой для включения этого направления языкознания в ряд таких сформировавшихся направлений как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, антропологическая лингвистика и пр. На наш взгляд, будет целесообразным назвать это направление «эстетолингвистика» или «лингвистическая эстетика». На сегодняшнем этапе это одна из актуальных проблем нашего языкознания.

Для решения этой проблемы необходимо изучать науку «balaag'at» с точки зрения современного языкознания. Поэтому мы хотели бы более подробно рассмотреть и сопоставить значение и сущность «ilmu-l-balaag'a» и стилистики.

Сформировавшаяся в средние века наука «balaag'at» и сейчас обогащает нас знаниями о культуре языка, об особых способах передачи мысли. Индивидуально, речь обусловлена особенностями использования языковых средств. Именно поэтому формирование и развитие речи требует особых знаний. Правильное выражение мысли, подбор и использование слов, которые адекватно выражают мысль и воздействуют на человека – считаются особым искусством. Цель науки «balaag'at» заключается в изучении закономерностей этого искусства.

В широком смысле слово «balaag'at» означает зрелость, достижение совершенства, в узком терминологическом смысле искусное употребление языковых средств в соответствии с контекстом. Знание высказывание называется «baliig'».

В античный период литературной истории древнегреческое слово «стилос» означало деревянное перо. «Стилист» – писарь, «стилистика» – знания о правописании, а также писарская деятельность. Тематическая сфера термина «balaag'at» – узкая, сфера применения термина «стилистика» – более широкая. Термин «balaag'at» ограничен рамками речи. Термин «стилистика» используется более широко, он применяется в различных сферах культуры, таких как изобразительное искусство, музыка, театр, архитектура. Этот термин используется и по отношению к авторам произведений, он применяется даже по отношению к летоисчислению: когда мы говорим «старый стиль», мы имеем в виду Юлианский календарь, когда мы говорим «новый стиль» мы подразумеваем – Григорианский календарь [см. различные мнения о стиле: 6; 10].

Часть стилистики как объекта относящегося к «balaag'at» называется «филологической стилистикой». В свою очередь филологическая стилистика подразделяется на стилистику литературоведения и стилистику языка (лингвостилистику).

Термину «balaag'at» даётся следующее определение:

«Balaag'at» – это соответствие речи с ситуацией в красноречивом изложении, быть красноречивым... Он изучает знание о семантике, знание об изложении, знание о красноречии [17, с. 325–326].

Арнольд следующим образом определяет термин «лингвостилистика»:

«Лингвостилистика, основы которой были заложены Ш. Балли, сравнивает общенациональную норму с особыми, характерными для разных сфер общения подсистемами, называемыми функциональными стилями и диалектами (лингвостилистика в узком смысле называется функциональной стилистикой) и изучает элементы языка с точки зрения их способности выражать и вызывать эмоции, дополнительные ассоциации и оценку» [1, с. 12].

О литературоведческой стилистике он пишет следующим образом:

«Литературоведческая стилистика изучает совокупность средств художественной выразительности, характерных для литературного произведения, автора, литературного направления или целой эпохи, и факторы, от которых зависит художественная выразительность» [1, с. 12].

О. С. Ахманова выделяет две задачи стилистики: а) изучение разных стилей, включая стили индивидуальные и жанровые; б) изучение экспрессивно-эмоционально-оценочных свойств различных языковых средств как в парадигматическом плане (т. е. в системе данного языка – «стилистика языка»), так и в синтагматическом плане, т. е. с точки зрения их использования в различных сферах речевого общения («стилистика речи»)» [2, с. 454].

Первая задача не является предметом изучения науки «balaag'at», потому что в восточном языкознании данные виды связываются не со стилистикой, а именно видами и средствами художественного изоб-

ражения. Вторая задача имеет непосредственное отношение к науке «balaag'at». Художественные средства, являющиеся объектом этой задачи, именуются в науке «balaag'at» «искусство» («san'at»), в стилистике же они называются «фигура».

Относительно термина «стиль» можно сказать следующее: в науке «balaag'at» термин «стиль» соответствует термину «функциональный стиль» в стилистике. Но между ними есть разница в делении на виды, в науке «balaag'at» стиль делится на три вида: «al-usluubu-l-ilmiy» (научный стиль), «al-usluubu-l-adabiy» (литературный стиль) и «al-usluubu-l-xiṭaabiy» (риторический стиль). Стиль «xiṭaabiy» по своему содержанию близок к публицистическому стилю.

В стилистике очень много функциональных стилей, кроме вышеназванных трёх стилей выделяются следующие виды: обиходно-бытовой стиль, обиходно-деловой стиль, официально-документальный стиль, художественно-билетристический стиль. С точки зрения науки «balaag'at» все эти функциональные стили излишни.

В то же время есть некоторые понятия, которые не изучаются в стилистике, но изучаются в науке «balaag'at». К таковым относится понятие «dalaalat». В западной лексикологии понятию «dalaalat» частично соответствует понятие «сигнификация». Ключевым понятием «байон» является «lafziy», которое означает звуковую оболочку слова, и маънаа, что означает смысл. Сло-

во – результат «wa'z» (словотворчества). Наука о знаковых особенностях слова и способах его образования называется “ilmu-l-wa'z” (на Западе «ономасиология»). У Абдурахмана Джами есть трактат, посвященный этой науке. Элементы вазь отражены в современной знаковой теории. Фердинанд де Соссюр считает, что язык – это система смысловых знаков, в которой есть две стороны – означающее (signifiant) и значимое (фр. signite) [13, с. 98–103]. Однако согласно теории Фердинанд де Соссюра означающее – это на звуковой облик слова, оно состоит из акустического представления в сознании, потому что он считает, что язык – это форма, а не субстанция. Звуковой облик языка связан не с языком, а с речью. Однако лингвисты, не отрицающие материальность языка, считают, что означающее, как и в науке «bayaan», состоит из звуков. «Dalaalat» соответствует понятию «сигнификация», «референция», «daall» – «сигнификат»; «madluul» – «денотат» и «референт». В семасиологии существует понятие «семантический треугольник», согласно которому сигнификация выражается в форме треугольника. Углы обозначают следующие понятия:

1. Форма слова [4, с. 428] или фонетическое слово [12, с. 9].
2. Сигнификат, то есть значение.
3. Референт, то есть понятие, которое выражает слово и сама вещь.

Отношения между ними заключаются в том, что посредством значения фонетического слова выража-

ется референт. Западная семасиология именно так трактует значение семантического треугольника. В науке «bayaan» даётся следующее определение названных понятий:

«Dalaalat» – это понимание одного предмета по другому предмету. Первый «madluul», второй «daall», как, например, звучание «Мухаммад» указывает на личность. Звучание – это «daall», а лицо – «madluul» [16, с. 46]

«Dalaalat» в зависимости от «daall» делится на два вида. Первый – словесный («lafziy») «dalaalat», второй – не словесный («g'ayrilafziy») «dalaalat». Если слово по своему значению имеет «dalaalat», оно словесное («lafziy»). Например, слово «человек» означает существо, владеющее речью, слово «лев» означает хищное животное. Если слово означает не основное своё значение, оно читается не словесным («g'ayrilafziy»). Например: слово «дым» означает огонь, «красные щёки» означают стыд, смятение. Не словесный «dalaalat» («g'ayrilafziy») не имеет никакого отношения к науке «bayaan» [16, с. 46].

В стилистике есть понятия «денотация» и «коннотация». Выражение словом не производного, основного понятия – «денотация», выражение дополнительного значения «коннотация». Под этим понятием имеются в виду значения, связанные с эмоциями, отношением говорящего. «Денотация в науке «balaag'at» именуется «waz'iy dalaalat». Соот-

ветствия «коннотации» в науке «balaag'at» нет.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод о том, что важнейшей задачей современного отечественного языкознания является глубокое изучение теоретических и практических сторон науки «balaag'at», связанной с эстетикой языка.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. – М. : Просвещение, 1990.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1966.
3. Блумфильд Л. Язык. – М. : Прогресс, 1965.
4. Джон Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику. – М. : Прогресс, 1978.
5. Исмоков Ё. Суз санъати сузлиги. – Т. : Заркалам, 2006.
6. Михайлов М. М. Стилистика русской речи. – Чебоксары, 1968.
7. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М. : Наука, 1972.
8. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. – М. : Наука, 1973.
9. Общее языкознание. Форма существования, функции, история языка. – М. : Наука. 1970.
10. Соколов А. Н. Теория стиля. – М. 1968.
11. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. – М. : Наука, 1971.
12. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. – М. : Просвещение. 1975.
13. Фердинанд де Соссюр. Курс общей лингвистики : труды по языкознанию. – М. : Прогресс. 1977.
14. Хожиахмедов А. Мумтоз бадият малохати. – Т. : Шарк, 1999.
15. Хожиахмедов А. Шеър санъатларини биласизми? – Т. : Шарк, 2001.
16. Hamid Avniy. Al-minhaju-l-wadih li-l-balaga. Daru-l-kitab al-arabiy bi-Misra. 1953.
17. Salih Sasah. Al-munjid fi-l-I'rab wa-l-qawa'id wa-l-balaga wa-l-arud. Daru-raid at-tab'a wa-n-nashr.

Bibliograficheskij spisok

1. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka. – M. : Prosveshhanie, 1990.
2. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1966.
3. Blumfil'd L. Jazyk. – M. : Progress, 1965.
4. Dzhon Lajonz. Vvedenie v teoreticheskiju lingvistiku. – M. : Progress, 1978.
5. Ishokov Jo. Suz san#ati suzligi. – T. : Zarkalam, 2006.
6. Mihajlov M. M. Stilistika russkoj rechi. – Cheboksary, 1968.
7. Obshhee jazykoznanie. Vnutrennjaja struktura jazyka. – M. : Nauka, 1972.
8. Obshhee jazykoznanie. Metody lingvisticheskikh issledovanij. – M. : Nauka, 1973.
9. Obshhee jazykoznanie. Forma sushhestvovaniya, funkci, istoriya jazyka. – M. : Nauka. 1970.
10. Sokolov A. N. Teorija stilja. – M. 1968.
11. Solncev V. M. Jazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie. – M. : Nauka, 1971.
12. Stepanov Ju. S. Osnovy obshhego jazykoznanija. – M. : Prosveshhenie. 1975.
13. Ferdinand de Sossjur. Kurs obshhej lingvistiki : trudy po jazykoznaniju. – M. : Progress. 1977.
14. Hozhiahmedov A. Mumtoz badijat malohati. – T. : Shark, 1999.
15. Hozhiahmedov A. She#r san#atlarini bilasizmi? – T. : Shark, 2001.

16. Hamid Avniy. Al-minhaju-l-wadih li-l-balaga. Daru-l-kitab al-arabiy bi-Misra. 1953.
17. Salih Sasah. Al-munjid fi-l-I'rab wa-l-qawa'id wa-l-balaga wa-l-arud. Daru-ra'id at-taba'a wa-n-nashr.

© *Рустамий С. А.*, 2017.

УДК 821.531

DOI: 10.24044/sph.2017.1.10

ПОЭТИКА КОРЕЙСКОЙ ПРОЗЫ В XVII–XVIII ВЕКОВ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ЖАНРОВЫХ ФОРМ

У. Т. Сайдазимова

*Кандидат филологических наук
старший научный
сотрудник-соискатель
Ташкентский государственный
институт востоковедения
г. Ташкент, Узбекистан*

THE POETIC'S OF KOREAN PROSE IN XVII–XVIII CENTURES AND FUATURE OF ITS GENRE'S FORM

U. T. Saydazimova

*Ph.D., senior scientific
researcher-applicant
Tashkent State Institute of Oriental Studies
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The article gives digression in definition of Korean poetics XVII–XVIII century and deliberate peculiar issues of genre forms. Define national genre prose of narrative form – *chanpghen-sosol* (novel) diaries on Korean languages. Along with these forms the new genres apply from Chinese, *chon* (biography), *nok* (treatise), *ki* (recordings). For example historical heritage of famous Korean writers, where you can trace the way of formation genre of narrative and novels as Pak Chi Von and Kim Manchjun. The new method of topik develop furtherance destruction of old genres form and development of new genres which express national traditions of Korean nation.

Keywords: poetic; prose; novel; roman; nation genres; Korean languages; narrative form.

В культуре человека особое место занимает литература, как один из видов искусства, отображающих эстетически ценное бытие человека, его внутренний мир, органически составляющих его познавательные возможности мироощущения и мирозерцания. Как подчеркивает известный исследователь М. М. Бахтин, «эстетические проявления бытия изначально укоренены в различных сферах жизни – в ритуалах

культуры, в общении людей, в жизни реального человеческого слова, ... в текстах произведений» [1, с. 34].

Неся в себе познавательно-коммуникативные возможности, литературное произведение оказывает воздействие, даже если оно не столь ярко и масштабно как эстетическая ценность. Основополагающим и жизнеобеспечивающим фундаментом литературы является ее поэтика, дающая четкое представ-

ление не только о структуре, функциях произведения, но и о его родах и жанрах. Поэтика литературы любого народа несет в себе глубокий смысл, определяя многие составляющие произведения, в том числе структуру построения и вспомогательные функции. Именно поэтика раскрывает эволюцию словесно-художественных форм и творчески концептуальных принципов писателя [2, с. 102], его идейных установок, но в то же время, отражая художественное направление либо периода творчества писателя, либо определенной эпохи [3, с. 25–26].

Как известно, каждый литературный жанр наделен комплексом устоявшихся свойств, определенными индивидуальными признаками культурно-исторического характера. Причем жанры глубоко специфичны для каждой художественной культуры и имеют разный временной жизненный период своего функционирования. Одни из них – универсальные – бытуют со дня своего сложения, другие – исторически локальные – только в определенных эпохи.

Изначально жанры в своей основе отражают тенденции развития литературы, сохраняя при этом канонизируемые элементы и архаику, постоянно обновляющиеся и трансформирующиеся. На каждом этапе развития литературы любого народа жанр возрождается и обновляется, приобретая новые формы самовыражения и построения как художественного образа и его ценностных ориентаций, так и самого сюжета.

На каждом новом этапе развития литературы прослеживается органическая логика жанра, которая помогает понять особенности жанровой формы, увидеть, насколько в них прослеживается преемственность сложившихся традиций с новаторскими концептуальными особенностями построения сюжета произведения, с новой концепцией художественного воспроизведения личности.

Не стала исключением и корейская проза XVII–XVIII вв., характеризующаяся направленной традицией схематичного построения сюжета, обусловленного культурно-исторической ситуацией, сложившейся в Корее, и мировоззренческой ориентацией писателей.

Присущая односторонность в сюжетной канве произведений рассматриваемого периода объяснялась догматической узостью, порожденной эпохой аморфного мышления и форм его самовыражения. Как подчеркивает М. М. Бахтин, у каждого жанра есть «канон, который действует в литературе как реальная историческая сила» [4, с. 287]. Именно этим определяется ценность корейской литературы, сохранившей свою самобытность, традиции в стремлении к гармонии с обществом и природой.

Корейская литература XVII–XVIII вв. развивалась под влиянием трех религий: конфуцианства, даосизма и буддизма, которые оказали определенное влияние на ее развитие как источника постижения средневековой действительности во

всех ее ипостасях, перемен в социальном бытии, в обустройстве страны, в сознании человека.

Решая насущные национальные задачи, корейская литература XVII–XVIII вв. претерпевает большие изменения: зарождаются национальные жанры прозы больших повествовательных форм – романов, *чан-пхён-сосоль*, дневников на корейском языке. Наряду с ними стали внедряться такие жанры из Китая, как *чон* (биография), *нок* (трактаты), *ки* (записи). Как было принято, эти жанровые обозначения ставились после названия произведения.

Жанр *сосоль* берет свое начало от одного из жанров средневековой корейской литературы – *пхэсоль*. В этом жанре в XVIII в. появляются рассказы об исторических личностях и о вымышленных персонажах. Жанр *пхэсоль* характеризовался разноцветьем историй различной тематики, очень неоднозначных в своем формате – от сухого сообщения до довольно объемного рассказа об одном, либо нескольких персонажах. Примером может служить сборник О Сукквона «Смешанные записки о духе пхэгван» из занимательных историй о принце, который в силу своего приоритетного положения в обществе очень далек от проблем и все время попадает в комичные ситуации, вызывая к себе насмешливое отношение окружающих его людей. В жанре *пхэсоль* создан сборник «Разные рассказы Страны, что к востоку от моря» Чхон Ёе. Это произведение насы-

щено забавными историями о проделках обманщика.

Многие истории в этом произведении носили назидательный характер: обманщик прибегал к своим уловкам, преследуя благую цель – отомстить чиновнику, который презирал *кисэн*, отомстить правителю во имя спасения своей чести. Особую распространенность имели *пхэсоль* с несколькими персонажами, в которых сюжет был построен на реальной жизненной ситуации. Например, рассказ Чхон Ёе из его собрания «Разные рассказы Страны, что к востоку от моря» о девушке из бедной семьи, которую насильно отдают в наложницы.

Заметный след в корейской литературе рассматриваемого периода ставил Лю Монин, выстроивший свою концепцию построения собраний *пхэсоль* в «Простых рассказах Оу»: от малых форм рассказов до многообъемных с несколькими действующими лицами. Однако все эти рассказы носят дух назидания, поучения. Писатель строит сюжеты на реальных жизненных ситуациях, обеспечивая возможность раскрыться герою в полной мере, как в позитивном плане, так и в негативном. В рассказах писателя заметна его позиция по отношению героев, их суждениям и взглядам.

«Сосоль», отпочковавшись от *пхэсоль* и приобретя самостоятельность, обогатилась новыми формами художественного осмысления непреходящих ценностей, касающихся утверждения истины, сострадания, неприятия насилия, фальши,

передачи жизненных реалий с проецированием на действительность. Претерпевает изменения и содержательный уровень произведений данного жанра, проявившийся в акцентировании внимания на острейших социальных проблемах, характерных особенностях жизни народа, в концептуальных принципах создания образов героев и их социально-нравственного облика. Универсализм художественного мастерства создателей произведений данного жанра предопределяется их обращением к фольклорным традициям, позволяющим передать прозаическую действительность со всеми ее противоречиями и негативными явлениями.

В основе сюжетов произведений жанра *сосоль* – истории вымышленных персонажей, которые в силу сложившихся обстоятельств попадают в разные жизненные ситуации, обнажая свою суть, выстраивая свою концепцию непреложных ценностей. Например, один из персонажей собрания ЧхонЙе «Разные рассказы Страны, что к востоку от моря» принял блеск в воде за золото, а бросившись в воду и схватив его, увидел, что это собачий помет. Блеск, оказывается, шел от света в окне. В этом произведении, как отмечалось, большие рассказы перемежались с маленькими, но независимо от своего объема являли собой единое целое, так как несли главную идею автора: служить трансформации нравов. Здесь акцент ставится на сущностном значении бытия и ценности человеческой жизни.

Согласно сложившемуся мнению, корейская проза в жанре *сосоль* берет свое начало от «Летописи Имиджинской войны», созданной неизвестным автором [5, с. 67]. В этом же жанре созданы многие произведения, в том числе «Повесть о Хон Кильдоне» Хо Гюна, «Повесть о Чхунхян» неизвестного автора и др. Характерным для этих произведений было обращение к вопросам социального характера, обличение социального неравенства, невежества, произвола, прославление верности женщин, призыв к гармонии, использование в назидательном аспекте фольклорных традиций. В рассматриваемом жанре создавались произведения в различных занимательных историях приключенческого характера, в которых обличаются низменные инстинкты порочности, отображаются персонажи разных возрастов и сословий. Перед читателем предстают чиновники и простые люди, и монахи, и учителя и др., т. е. представители разных социальных слоев общества. И почти во всех сочинениях рассматриваемого периода центральным звеном сюжета служит событие, в ходе которого выявляются негативные стороны в общественных отношениях и неприятие их автором.

Как известно, для всех жанров было характерно усиленное внимание к отображению роли личного начала, развитию псевдобιοграфий, т. е. произведений о людях, стоящих вне общества, как, например, образов нищих из «Биографии

дядюшки из кабака» КвонПхиля и «Биографии Чана» Хо Гюна. В этих произведениях центральный персонаж представлен личностью, свободной от канонизированных даосизмом и буддизмом условностей, строго соблюдаемых в обществе.

Фактически эти и другие подобные им произведения носили характер жизнеописаний и раскрывали частную жизнь человека и его внутренний мир. Это способствовало появлению в корейской прозе XVII в. произведений нового типа – повести и романа. Повесть, как и биографии, стала обозначаться термином *чон*, истоки которого происходят из историографической литературы. Между тем отличительным признаком данного термина от биографической литературы являются его прозаическая форма, наличие сюжета, значительный объем, авторские отступления, пейзажные зарисовки, поэтические вкрапления в текстовой части. Например, в форме жизнеописания *чон* известна «Повесть о Хон Кильдоне». Здесь знак *чонв* заглавии как бы подготавливает читателя к тому, что герой повести – необычный человек, а личность незаурядных способностей и добродетельных качеств, т.е. этот знак *чон* указывает на необыкновенность деяний героя. Здесь конфликт персональной сущности человека с его социальным положением решается сменой персонального статуса героя и сохранением неизменности модели мира.

В жанре *чон* отмечены произведения, в основном, любовной и се-

мейной тематики. Их отличительной чертой служила позиция невмешательства автора в оценку поступков героев. Обычно названия всех повествований определялись по имени центрального персонажа и помечены знаком *чон*, означающим слово «биография». Ведущее место из их числа занимают такие произведения, как «История Чу» Квон Пхиля, «Чхве Чхок» Чо Вихана, «Лю Ен» Ли Ханбока.

Заслуживает особого внимания в аспекте авторских приемов развития сюжета анализ повести КвонПхиля «История Чу» о любовном треугольнике: истории любви молодого человека и двух девушек. События в повести переданы в форме рассказа, который очень динамичен и обнажает суть человеческих взаимоотношений, их психологические нюансы, истинные помыслы каждого в создавшемся любовном треугольнике, причины этих чувств и степень их истинности.

Доминантой в этом треугольнике служит глубина чувств, приведшая к трагическому концу – смерти одну из героинь – бывшую возлюбленную главного персонажа, который по воле обстоятельств – начала Имчжинской войны возвратился к себе домой. Автор события, действия персонажей сопровождает стихами.

В манере автора обрисовки типов героев и изложения событий отчетливо прослеживается почерк другого писателя – Ким Сисыпа. Как и последний, Квон Пхиль использует сюжет из китайской лите-

ратуры, но трансформирует его по своему.

В жанре *чон* созданы многие корейские повести. Их герои – личности, стремящиеся к гармонии либо совершающие значимый поступок, либо пренебрегающие установленными нормами поведения в обществе, или жившие вне общества. Истоками их тематики могут быть фольклорное творчество, например, «Повесть о Чхунхян» и корейские буддийские легенды, например, «Повесть о Симчхон», либо различные истории.

Во всех этих произведениях показаны мытарства героя, его страдания и нищенское прозябание, которые в конечном итоге завершаются счастливым концом. Всем произведениям этого жанра свойственны приверженность устоям общества, бесконфликтность, покорность судьбе и бездействие в попытках изменить жизнь. Стремление к гармонии приводит к разрешению конфликта. Во многих повестях жанра *чон* центральной автором ставится социальная проблема. Идеи социальной гармонии, достижимой лишь при верном поведении героя излагаются в форме различных историй. Сюжет построен в духе конфуцианских представлений о правильном поведении человека – основе социальной гармонии человека и общества. Однако в повестях *чон* наряду с конфуцианским пониманием мира человека соседствовало и даосское: гармонию в мире обеспечивает соблюдение норм, установленных небом, природой.

Корейская проза XVII–XVIII вв. характеризовалась усиленным вниманием к теме войны с Японией. Этой теме посвящались исторические записи, дневники, рассказы под общим названием *Имчжин нок*. Как известно, насчитывается свыше их 20 вариантов, относящихся к жанру *ёксасосоль*. *Имчжин нок* представляет собой бессюжетное произведение, включающее отдельные истории, связанные между собой либо хронологически, либо тематически. Причем во втором случае структурное построение всегда концентрируется вокруг ведущих персонажей, что определяет главную тему произведения. Однако создаваемые в этот период дневники посвящались не только теме войны. Во многих из них приводились описания впечатлений от увиденного во время путешествий. Это «Подневные записи, сделанные в горах» Чон Сихона, «Записки о путешествии к горе Пэктусан» Пак Чона, «Подневные записи Соктама» Ли И, «Подневные записи правления Кванхэ-Гуна» Хван Хёка. В этих дневниках не только воспевались красивые пейзажные зарисовки, но и содержались довольно ценные сведения об условиях жизни местного населения, о положении в стране, о жестокости правителя.

XVII в. положил начало развитию жанров традиционного корейского романа. Согласно А. Ф. Троцевич, корейский роман подразделяется на два типа, помечаемые жанровыми знаками *ки* (социальный), или *нок* (описания, записи),

или заглавие завершается словами *киён* (удивительные судьбы) либо *кибон* (удивительные встречи) [6, с. 55]. Первым автором больших сюжетных произведений следует назвать Ким Манчжуна, автора двух многоплановых романов – «Облачный сон девяти» и «Скитания господи Са по югу». Первый прозаик, в художественной форме отразивший острые проблемы своей эпохи, раскрывший внутренний мир персонажей с их тревожностями и поиском верного пути. Писательская манера, новое жанровое решение принимаемой проблемы, проявившееся в многоплановости сюжета, использовании новых повествовательных возможностей, оригинальных форм отображения героев и их внутреннего мира способствовали укреплению этого нового жанра в творчестве многих продолжателей реального отображения действительности в корейской литературе. В их числе следует назвать корейского писателя XVIII в. Пак Чи Вона и мн. др., в произведениях которых («Сказание о янбане», «Повесть о Хо Сэне» и др.) поднимались идеи прогресса и процветания корейского народа, идеи всестороннего развития освобожденной личности, критика феодализма, бездеятельности правящего класса, его жестокости и лицемерия.

Таким образом, новый способ разработки сюжета способствовал разрушению устоявшихся канонов жанровых форм и сложению новых жанров, отвечающих национальному духу корейского народа. Все бо-

лее отчетливо проявляются тенденции отхода от идеализации в изображении действительности и поиска новых форм художественного воспроизведения окружающего мира.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества // сост. Бочаров С. Г. – М. : Искусство, 1979.
2. Маркевич Г. Основные проблемы науки о литературе // пер. с польск. – М., 1980.
3. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М., 1980.
4. Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. – М., 1996.
5. Корейс адабиёти. Ўқув қўлланма / Тузувчи Сайдазимова У. ва бошқ. – Тошкент : Istiqlol, 2015.
6. Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы до XX века. – СПб., 2004.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva // sost. Bocharov S. G. – M. : Iskustvo, 1979.
2. Markevich G. Osnovnye problemy nauki o literature // per. s pol'sk. – M., 1980.
3. Tomashevskij B. V. Teorija literatury. Pojetika. – M., 1980.
4. Bahtin M. M. Jazyk v hudozhestvennoj literature // Sobranie sochinenij. V 7 t. T. 5. – M., 1996.
5. Korejs adabijoti. Uquv qullanma / Tuzuvchi Sajdazimova U. va boshq. – Toshkent : Istiqlol, 2015.
6. Troceovich A. F. Istorija korejskoj tradicionnoj literatury do XX veka. – Spb., 2004.

© Сайдазимова У. Т., 2017.

UDK 80

DOI: 10.24044/sph.2017.1.11

**IMMOBILITY AS ONE OF KEY IMAGES
IN FICTION BY S. TOWNSEND****A. I. Dzyubenko***Candidate of Philological Sciences
assistant professor***L. D. Tamrazova***student
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article touches upon the ways S. Townsend chose for portraying one the key images in the history of both English and Russian literature – the image of immobility. This image helps the author to suggest the readers different methods of fighting with depression by putting the protagonists into the same physical and psychological conditions – they are both in their beds and are suffering from depression. But the differences lie in the sources of this destructive emotion (either enforced by the outer impetuses or the fictional character him/herself), in the keeping/not keeping touch with the environs and, finally, in the desire/non-desire to get back to normal, full of mobility life.

Keywords: epithet; physical and mental comfort; protagonist; deterioration of one's state.

Putting the words of the Russian outstanding classic into the contemporary framework we would say that every unhappy person is unhappy in his own way. No one doubts that every of us is a unique individual and the way we get over negative emotions – depression, for instance – is peculiar for each of us. Still, there are some axiomatized ways people resort to for distancing themselves from the outside world that, as they think, is too cruel and unfair with them. The protagonists of Sue Townsend's novels "The woman Who Went to Bed for a Year" (Eva) and "Queen and I" (Prince Phillip) choose the same way to overcome the problems – they both remain in bed instead of sharing the grave life circumstances and problems with their families, instead of struggling for the

better and more stable future both for themselves and their close people.

As for Eva, the day her children leave home, she climbs into bed and stays there. What made her unhappy? No one died, nor any huge loss happened, she isn't abandoned by children – they are going to visit her from time to time. Moreover, she is free from domestic chores and other duties: "On the second day Eva woke and threw the duvet back and sat on the side of the bed. Then she remembered that she didn't have to get up and make breakfast for anyone, yell at anyone else to get up, empty the dishwasher..." [2, p. 27]. So having a lot of free time she chooses to spend it in bed. The protagonist finds it the best way to think back of her life. In fact, "she didn't know it would be a year.

She climbed into bed thinking she would leave it again after half an hour, but the comfort of the bed was exquisite, the white sheets were fresh and smelled of the new snow. She turned on her side towards the open window and watched the sycamore in the garden shed its blazing leaves" [2, p. 2]. The noun "comfort" accompanied by the epithet "exquisite" makes it clear that Eva is in search of both physical and mental convenience that will contribute to her finally acquiring emotional stability. The abundance of similes makes the feeling of insecurity stronger and more concrete. At the very thought of being out of the bed, she feels uncomfortable as if everything around is dangerous: "It felt wrong when she put her feet on the floor, as though the carpet were a lagoon with piranha fish waiting to nibble at her toes" [2, p. 76].

People usually need the comforting when they are getting over some tragedies of life or at least some difficult or dangerous situations. So it may seem that in the case of Eva her children's departure is that very kind of tragedy. But she isn't sure herself what exactly she is escaping from: "She felt that if she stayed on the sheet she would be safe – though from what, she didn't know" [2, p. 84]. Then comes her first attempt to get out of bed, but she consciously makes the decision to remain in it: no matter what was going on (whether her children came back, or the truth about her husband's affair was revealed, or her mother-in-law died) Eva stayed in bed: "She felt as though she had fallen into a vat of a warm quick-

setting concrete, and that she was powerless to move. She felt an exquisite languor spread throughout her body, and thought, 'I would have to be mad to leave this bed'" [2, p. 105].

But Eva shows the interest to the world around, especially to the people's problems. She makes new friends – Mark the window cleaner and Alexander, a handyman and gets known all over the world. Journalists and ordinary people are eager to talk to Eva, to tell about their problems and to ask for help. There is an obviously intense work of her psyche looking for the straws for getting her out of the depression moor, which is not the case with the protagonist of another novel by S. Townsend "The Queen and I" – Prince Phillip. The scene is laid when a republican party wins the general election and the Royal Family is sent to live in a housing estate in the Midlands. Exchanging Buckingham Palace for a two-bedroomed semi in Hell Close (as the locals dub it), caviar for boiled eggs, servants for a social worker, the Queen and Prince Phillip are to learn what it means to be poor among the great unwashed.

Most stressfully Prince Phillip gets over the troubles which, when compared with Eva's ones, are really serious. All his traditional comfortable world is ruined at once, he is devastated and can't find inner power to get over them with his head high. Instead, he goes to bed and finds a physical and psychological refuge in there. At first he hides all his sufferings and keeps silent with the royal relatives lest to be taken to emotional and sensitive by

them: “The atmosphere between the Queen and Prince Philip was awkward as they washed and undressed for bed. Furniture filled every room. They had to squeeze past each other with frequent apologies for touching. Finally, they lay in bed in the grey light of morning thinking about the horrors of the previous day and of the horrors to come” [1, p. 31]. It is the first time the image of a bed is introduced into the narration but it is the starting point of its development within the narrative structure. This image will get humongous sizes the longer Prince Phillip remains in bed. There is a direct correlation between the time spent in bed and the narration pieces devoted to its or Prince Phillip’s health description.

And here we are to draw a border line between the similarities the image of immobility gets in two novels. The differences in its description start when the author portrays the everyday duties of the protagonists and their ways of having the communication with the outside world. If Eva makes new friends, takes care of hygiene and conventional things, Prince Phillip refuses to accomplish the everyday duties, to shave or to put off his pajamas: “Nothing. Lying in bed. Now, leave my breakfast tray and close those bloody curtains and go out, would you?” [1, p. 58]. These emotionally marked epithets and elliptical sentences convey his desperate decision not to leave the bed and stay there for as long as possible. He decides to isolate himself both from everyone and everything around, as he asks to close the curtains.

As the novel unfolds, we’re witnessing the deterioration of his state: “He wouldn’t talk, he wouldn’t move, wouldn’t eat now. It was absolutely infuriating. It was time to call the doctor again” [1, p. 174]. It’s the last scene in the book with Prince Phillip: it doesn’t mean that he dies, he stays in bed while his family’s fighting a difficult battle of being moved into the outlandish for them social and financial conditions. If Phillip never again won back his mobility from depression, Eva definitely is on the way to getting victory. Her inner anxiety influences her appearance and soon she loses weight, her skin is flaky and it seems that she’s losing too much hair. In the end, Eva suffers panic when she realizes that she’s alone in the dark house: “In the early hours of the 19th of September, Eva woke to darkness. She immediately broke into a cold sweat. She was afraid of the dark” [1, p. 432]. The feeling of privacy didn’t comfort her any more. Alexander was the person who came to get her out of the room: “When the door was fully open, he saw her on the bed hunched against the boarded-up window”. When he carried her into the sitting room and put her on the sofa on front of the fire, the one and only thought in her head was “it’s kindness” [2, p. 437].

So both protagonists choose the same way of getting over the difficult period of time. Philip, unlike Eva, endures the real changings in his life that he can’t brook it. He can’t live the same life and finds the solution in staying alone in bed. In “The Queen and I” the image of immobility (the

symbol of which is bed in narration) isn't as much described as in the "The Woman Who Went to Bed for a Year". But almost every scene is set in bed and during the whole story he is in it, with his head on the pillow and his eyes closed. Eva longs to stay in bed since the birth of her children. Going to bed for a year is her intended decision and she enjoys every second being in bed, and so the image of immobility, of a bed is enhanced through the use of similes and epithets.

It may seem that Phillip suffers more as his depression is accompanied by greater health deterioration and it takes little time till his inner state is in full harmony with his appearance. As for Eva, she also doesn't look the same, the depression ruins her beauty. It's also important to underscore that Phillip deliberately loses touch with the world outside. The reader doesn't witness the evolution of his image through the novel, but Eva, on the contrary, makes

more friends and becomes more popular among acquaintances.

The image of immobility helps the author to suggest the readers different ways of fighting with depression by putting the protagonists into the same physical and psychological conditions – they are both in their beds and are suffering from depression. But the differences lie in the sources of this destructive emotion (either enforced by the outer impetuses or the fictional character him/herself), in the keeping/not keeping touch with the environs and, finally, in the desire/ non-desire to get back to normal, full of mobility life.

Bibliography

1. Townsend S. *The Queen and I*. – London : Penguin Books, 2012. – 267 p.
2. Townsend S. *The Woman Who Went to Bed for a Year*. – London : Penguin Books, 2011. – 437 p.

© Dzyubenko A. I.,
Tamrazova L. D., 2017.

UDC 81'44

DOI: 10.24044/sph.2017.1.12

THE USAGE OF STYLISTIC DEVICES: METAPHOR, METONYMY, HYPERBOLE IN UZBEK AND ENGLISH HUMOROUS TEXTS**U. R. Yuldoshev***Senior scientific researcher
Uzbekistan State World Languages University
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. It is known that stylistics is a branch of linguistics and it is very important aspect in creating humour. Stylistic devices of expressiveness should be investigated wider and detailed, because they created much humorous effect and used in humorous texts more. The use of the following stylistic devices is confirmed during the investigation: epithet, irony, metaphor, metonymy, personification, jargonizes, zeugma, litotes, oxymoron, amphibole, antithesis, pun, hyperbole, sarcasm, periphrases. The following stylistic devices are used more than others in humorous texts: metaphor, metonymy, hyperbole, pun, irony, personification and oxymoron. These devices are prevalent and more interesting in humour, pragmatic aspect and translation of humorous texts. Humorous texts are created on the basis of these stylistic devices of expressiveness. According to extend of research paper we tried to analyze active stylistic devices metaphor, metonymy and hyperbole used in Uzbek and English language humorous texts. We know that emotional-subjective evaluating; determining linguo-stylistic elements are one of the main problems of literary speech stylistics. This problem is very important in analyzing humorous texts, because emotional effect is considered very important aspect in this genre. Stylistic devices are used more in not only Uzbek and English nations' but also all nations' humorous texts and it is very important in creating humour. Usually the function of ridiculous is considered differential feature among stylistic devices.

Keywords: stylistic devices; Uzbek language; English language; metaphor; metonymy; hyperbole; translation; active; source language; target language.

Many researchers made research works on stylistic devices, humor, humorous texts, the role of stylistic device in causing laughter. Every scientist mentioned different view on the role of stylistic devices in causing laughter. According to Vinogradov, pun or play with homonyms have denotative and connotative meanings is one of most styles of cause laughter [12, p. 7]. Galperin mentioned that the most stylistic device of cause laughter is author's occasional word created by masterly combining different words by

writer [3, p. 86]. Arnold considered the function of humour is specific feature of polysemy and homonymy [10, p. 103]. Chairu purposed alogism is the main style of comic [1, p. 58]. Crystal suggested whole "cascade" of stylistic devices in creating comic effect: pun, syntactic homonymy, alogism, and author's neologisms [2, p. 25].

Nash mentioned that there is more potential off humour in ambiguity, though pun explained with context or situation in which is figuring itself [5, p. 241]. Norrik guessed every stylistic

device fill all functions, but one of others may be more dominant [6, p. 124]. By analyzing all scientists' opinions about stylistic devices which are used active in creating humorous texts we support Norrik's guess in this case. We also think that all stylistic devices are used active in cause laughter, creating humorous texts.

And now we investigate stylistic devices metaphor, metonymy, hyperbole which used active in Uzbek and English humorous texts in this research.

I. Metaphor

We analyze causing laughter by using stylistic device metaphor in Uzbek and English humorous texts in the follow:

Metaphor occurs by transference the name of an object to another one on the base of some quality of two objects. Metaphor means transference of some quality form one object to another [8, p. 139]. Abramovich considered metaphor is implicit type of simile [9, p. 119]. Rubaylo mentioned simile is the base of metaphor. According to Bobohonova metaphor is based on relative attitude of denotative-logical and figurative-contextual meanings [11, p. 141].

We investigate stylistic device as cause laughter in humorous texts. Transference of meaning according to an element of different animals, fowls, insects, though the use of their name to human being in metaphorical meaning and their derivative meanings in the text cause great laughter. Particular, speaker's negative attitude is reflected in metaphors have figurative meaning which cause laughter.

We analyze the Uzbek humorous text, Uzbek national folklore which is used metaphor in:

Original version: *(Подшо вазири билан Афандини олиб, овга чиқди. Хийла ов қилгандан кейин подшо устидаги чакмонини ечиб Афандига берди.*

Буни кўрган вазири ҳам чакмонини Афандига узатди.

Подшо Афандига тегшиди:

- Афанди, устингизга биз бир эшакнинг юкини ортиб қўйдик-а?

- Кошки эди бир эшакнинг юки бўлса, – деди Афанди. – Устимда икки эшакнинг юки бор.)

In English translation: *King went hunting his vazir (this word is old fashioned version of present term minister.) and Afandi (Afandi is Uzbek national folklore character in humour.). After having hunted a little the king took off his chakmon (It is oriental robe) and gave it to Afandi.*

Having seen this, vazir also passed his own chakmon Afandi.

King mocked at Afandi:

- Afandi, we loaded the luggage of a donkey, didn't we?

- I wish I had the luggage of a donkey, – said Afandi. – I have the luggage of two donkeys on my shoulders. ("Anecdotes of Afandi", Tashkent, 1983, p. 214.)

The style of witting is the base of laughter by metaphorical meaning of the word donkey and derivative meaning which was indicated by it. Here the word "donkey" is expressed with two meanings. The first one is primary meaning and the second one is derivative meaning relative with the

word “donkey”. Both of the meanings are fitted with both form and content:

1. We loaded the luggage of a donkey.

2. You are donkey, so we loaded the luggage.

1. I have the luggage of two donkeys on my shoulders.

2. I have the luggage of two bawdy, foolish people on my shoulders.

The main point caused humorous text indicative derivative meaning of the sentence “I have the luggage of two donkeys on my shoulders” based on the style witting by the second speaker (Afandi). The word “donkey” consists of semes “foolish”, “bawdy”, “human being” and the elements of slowness, foolishness are considered more than elements belong to human being.

Metaphors are also used active in English humorous texts.

“Excuse me,” said the detective as he presented himself at the door of the music academy, “but I hope you’ll give me what information you have, and not make any fuss.”

“What do you mean?” was the indignant inquiry.

*“Why, you see, we got a tip from the house next door that somebody was **murdering** Wagner, and the chief sent me down here to work on the case.”*

Simple metaphor was expressed with the verb “to murder” in this anecdote. Here the verb “to murder” was used in the meaning of “to play badly”, “to ruin”. The word “to murder” in figurative meaning said on the

purpose of expressing teacher’s opinion to pupil with high emotional fulfilled the metaphor. But having heard this word detective understood this word in primary meaning and thought the murdering had happened.

Derivative meaning of auxiliary construction used in metaphorical meaning cause laughter in the following humorous text:

Original version:

(Қози Афандини беда ўрдургани бозига олиб борди. Иш тамом бўлгандан кейин зикна қози Афандининг қўлига икки боз беда бериб:

- Мана бу – эшагингизга, -дебди.

Шунда Афанди қозига қараб:

- Ажабо, мен эрталабдан кечгача эшак учун ишлабман – да? – деб жавоб берибди.)

In English translation:

Once Qozi (old version of the name of judge in Central Asia) followed Afandi to scythe trefoil. When the work has done skimpy qozi gave two bundles of trefoil to Afandi and said:

- This is for your donkey, – said he.

Then Afandi looked at qozi and said:

- I have worked the whole day for the donkey, haven’t I? – answered Afandi. (“Afandi anecdotes”, Tashkent, 1989, p. 189).

The word is played with the word “donkey” in this text. The meanings of auxiliary “учун (for) in Uzbek” is formed this word play. There is also style witting in this humorous text.

It is known that the auxiliary “учун (for) in Uzbek” express meanings target, reason, naming, marking, target-

ing by combining with the words in character of noun. We may understand both meanings in particular condition and the second one is humorous in this case. "I have worked the whole day for the donkey"- the word "donkey" is in its primary meaning, "I have worked the whole day for the donkey (human being)"- the word "donkey" is used in its second meaning "human being".

Metaphor is also used in the next English humorous text.

Mrs. Jenkins, on being shown into the doctor's consulting room, immediately started on the long story of her troubles.

The doctor, to whom she was a regular visitor, endured it patiently and gave her another bottle.

At last she prepared to go out, and the doctor was congratulating himself when she suddenly stopped and exclaimed, "Why, doctor, you didn't look to see if my tongue was coated."

"I know it isn't," wearily replied the medical man. "You don't find grass on a racetrack."

Metaphorical meaning in this text is expressed with the sentence: You don't find grass on a racetrack. Doctor is comparing his patient's language with the racetrack and patient's many sentences are compared with the grass.

II. Metonymy

Metonymy is also stylistic device which used active in Uzbek and English humorous texts. Use the name of an object, element, action to the name of another object, element, and action on the basis of internal and external dependence; metonymy occurred by transference the name of an object, el-

ement, action to another object, element, and action on the base of such using.

Metonymy is very important in creating new meanings of a word [14, p. 54]. So, metonymy is one occurrences cause to create new meaning by transference the name of every object to another object.

We review the cause laughter by transference the name on the basis of internecine dependence among objects, things in the follow.

We may see cause laughter by metonymy in Uzbek national joker Хожибой Тожибойев's jokes:

Original version:

Ўзбекнинг ўзи қизиқ. "Ҳожибой ака, фалончининг ошида кўринмадиз?" – дейди. Мен зўштанми ошда кўринадиган..."

Uzbek people's words are interesting. "Хожибой ака (Aka is a type of addressing form), you were not seen in pilov (Palov is Uzbek national dish. It is prepared in weddings in the morning, on Thursday and Sunday at home. Wedding pilav is eaten by thousands of people who came restaurant in the morning) in the morning. Am I meat which is seen in pilav..." [8, p. 113].

Metonymy is used by figurative meaning of phrases express the meaning "you were not seen in pilav-you didn't participate in ceremony" in this text. However, there is the second meaning of this sentence and it exists in case of relating to the word "pilav". Here it is not paid attention to the metonymical figurative meaning of the phrase "you were not seen in pilav". So, the phrase "were not seen in pilav"

expresses the notion that “somebody didn’t participate in ceremony or wedding” in metonymical figurative meaning and indicates communicative function of the sentence, it expresses the notion “not seen in pilav” in primary meaning and causes laughter.

Pay attention to the next humorous text in which laughter is caused by metonymy, Original version:

Халқимиз орасида яна шундай қизиқ гап бор. “Тўрт киши самоварда ўтириб, маза қилиб ош едик” дейишади. Самоварда-я?... Қуйиб қолиш мумкинку!... Тўрт киши қандай сизди экан? Тўғри, ўтириш мумкин, шунда ҳам фақат бир киши. Агар қасам ичган бўлса... (Ҳожибой Тожибоев)

This is English version of the following text translated by word for word translation:

There is interesting sentence among Uzbek people. They say four people had pilav with enjoy sitting on the samovar (Samovar is big iron metal to boil the water. This term is also used for the place in which people come with fiends and eat only pilav in Uzbekistan. It differs from café or restaurant). How do they sit on samovar?... They may scald! How do four people sit on a samovar? It is right that human being may sit but only one person. If he took a vow...

Transference metonymic meaning created by calling the name of an object with the place of it caused laughter. In this case samovar is used a place not iron kettle according to the place in which it placed on the basis of metonymy. So, samovar means the place in

the process of speech. However, speaker attracts listener’s attention to the primary meaning of this phrase not figurative meaning of the phrase “to sit on samovar” by metonymy objective. As a result, one understands “to place on samovar” and cause laughter.

People use metonymy more to create humour in English humorous texts. Describing character or situation may be metonymic in examples of one of two women who lost their memory because of they are old, but the second one also cannot remember it: we see sclerosis given in the sentence “How soon do you need to know?” in which expressed by hyperbole of decreasing or vanish of memory.

One day two elderly ladies had been friends for many decades. Over the years they had shared all kinds of activities and adventures. Lately, their activities had been limited to meeting a few times a week to play cards. One day they were playing cards when one looked at the other and said, "Now don't get mad at me.....I know we've been friends for a long time, but I just can't remember your name. I've thought and thought, but I can't recall it. Please tell me what your name is." Her friend glared at her. For at least three minutes she just looked at her. Finally she said, "How soon do you need to know?"

III. Hyperbole

Hyperbole is also used in Uzbek and English humorous texts. According to the Explanatory dictionary of Linguistic terms hyperbole means describing an object, situation, features, conditions of processes by overcharg-

ing [14, p. 32]. Imagination created by describing an object, thing and the element related to it causes laughter in speaker or listener's imagination in humorous texts. Hyperbole means to aggrandize, to exaggerate, pursuing and there are two views of it. An object and its element is very exaggerated in the first view and is made so diminution.

The peculiar feature of hyperbole is information expressed in speech have hyperbolic image doesn't correspond to objective reality. Consequently, this correspondence causes laughter.

Hyperbole comes into existence on the basis of simile. Comparing meanings, situations, objects in simile may be imaged and simile is based on primary meanings. The element of the object is described intensified very much in hyperbole.

Writers hint at describing person's portrait and his/her character feature by hyperbolic simile in humorous texts, by this process the laughter causes.

Causing laughter by hyperbole is used in lof (It is a type of Uzbek national folklore and means overstatement, exaggeration) in Uzbek humorous texts. The word lof means incorrect, too exaggerated sentence, faithful sentence, hyperbole.

Lof is a type of Uzbek national folklore created on the basis of hyperbole and is presented as a type of satire and humour. So, it is related to askiya (It is a type of Uzbek national folklore and verbal humour of Uzbek people. It is based on witting by word play) genre from the point of its subject, com-

position and the style of presenting and it is a type of epic works [11, p. 6].

In particular, lof are presented in dialogical form, speakers create humour by double hyperbolic image with the reference to an object. In this case peculiar style of witting made on the result of expressed hyperbolic meaning of the word used by the second speaker more than hyperbolic meaning of the word used by the first speaker cause laughter.

Original version:

Бир лофчи иккинчи лофчига ўғлини мақтади:

- *Менинг ўғлим уч ёш бўлишига қарамай, бўйи чунонам ўсиб кетдики, юлдузларни қўли билан ушлаб текиширяпти.*

Иккинчи лофчи деди:

- *Ўғлингиз юлдузларни текишираётганда бошига бирор нарса тегмасмикан?*

Биринчи лофчи булутни айтаётган бўлса керак деб ўйлади ва жавоб берди:

- *Ҳа.*

Шунда иккинчи лофчи деди:

- *Ўша теккан нарса ўғлим кийган тўннинг пеши бўлади.*

In English translation of the original version:

A lof-maker boasted of his son to another lof-maker.

- *Although my son is three years old he is very tall and he is checking the stars catching with his hands.*

The second lof-maker said:

- *When your son is checking the stars does something touch your son?*

The first lof-maker thought he is speaking about clouds and said:

- Yes.

Then the second lof-maker said:

The touched thing is the lower part of my son's coat.

Hyperbole was created on the basis of the element of height of the word "son" in this text. Hyperbole is inflamed by words "height" and "star" in first speaker and words "coat" and "lower part" by the second speaker. So, hyperbole in the speech of the second speaker caused laughter.

Hyperbole is one of stylistic devices which have great importance in English humorous texts. Hyperbole is used to show critical estimate in the following humorous text:

Once Margaret Thatcher died, and a few days later the Devil dragged her by the hair to the pearly gates. God asked him:

- *"What do you think you're doing? I don't want her".*

- *"Oh come on, do me a favour," replied the Devil, "I've only had her three days and she's already closed down four furnaces!"*

The English showed their attitude to politician former prime minister Margaret Thatcher who closed furnaces although she was sent to Hades, so the Devil make a request to God remove her to his place as a humour. Margaret Thatcher makes problem for the Devil, this is hyperbole. Here hyperbole was created on the basis of the words "Hades", "fire", "close", "the Devil". In real, anybody cannot close down Hades furnaces.

Pay attention to the next English humorous in which hyperbole is used:

A woman needed to buy her mother a birthday present. She didn't know what to buy her mother. She only had one day to buy her mother something. So she went out window shopping. Soon enough, she walked by a pet store window. She thought to herself, "What a lovely idea for a present! My mother is so lonely and she needs a pet."

The woman went into the store and saw many wonderful animals. Puppy dogs, fluffy cats, gold fish, cute mice. But the woman didn't think these were special enough. She asked the manager if he had a pet that was really special.

The manager thought for a moment and replied, "Yes, but it costs a lot of money. \$5,000" "I have a parrot that can speak 7 languages, Chinese, English, French, Korean, German, Russian and even Hindi!"

The woman said, "Perfect" and bought the bird. She sent it by special delivery to her mother, so she would get it the next day.

The next evening after work, the woman called her mother. She asked, "How do you like your birthday present."

Her mother replied, "Thank you, IT'S DELICIOUS!"

Laughter caused on the basis of "a parrot which can speak" in this humorous text. Hyperbole is used in this text. Hyperbole is created by the phrase "have a parrot that can speak 7 languages, Chinese, English, French, Korean, German, Russian and even Hindi!". Describing the parrot so intelligent means that hyperbole is used in the text. Describing the parrot so intelligent, the price of it is 5000 \$ and woman's mother cooked and ate this

parrot not informing this cause laughter for reader and listener of this text.

As a conclusion, I can say that stylistic devices metaphor, metonymy, hyperbole are used active in Uzbek and English folklore, though, these nations' humorous texts. The role of every stylistic device is greater in creating humor. According to investigation this paper not above mentioned stylistic devices but others, such as pun, irony, oxymoron, personification, and allusion are used active in humorous texts.

Speaker's speech expresses negative emotional attitude to the object in humorous texts created with metaphor. Speech implicit meaning of metaphors is basis of laugh and it is formed in style of witting with specific pun.

Laugh is caused by metonymy on the basis of mutual relation between speaker and listener in the process of speech.

In particular, presupposition on the basis of hyperbole causes laugh in humorous texts.

We should pay attention to these peculiarities of stylistic devices when we investigate humor and humorous texts from the aspect of linguistics, folklore, translation of humor and others.

Bibliography

1. Chiaro, D. (1992). The language of jokes: Analysing verbal play. London: Routledge.
2. Crystal D. (1999) "The Future of the Englishes". English Today 15(2), 10-20.
3. Galperin I., 1981, Stylistics. Moscow.
4. Galperin I. R. Stylistics. Moscow. "High school". 1977.

5. Nash W., 1985, The Language and Humour. Style and Technique in Comic Discourse.
6. Norrik Neal R. 1993. *Conversational Joking: Humor in Everyday Talk*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press.
7. Абдурахмонов Ш. А. Ўзбек бадиий нуткида кулги кўзгатувчи лисоний воситалар. Номзодлик диссертацияси, 1997.
8. Абрамович Г. Л. Введение в литературоведени. М., 1953.
9. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1981. – 340 с.
10. Аския. Тошкент, 1970.
11. Бобохонова Л. Т. Инглиз тили стилистикаси. – Тошкент: Ўқитувчи, 1995.
12. Виноградов В. В. Основные типы лексического значения слова. Избранные труды. Лексикография и лексикология. – М.: Наука. 1977. – 312 с.
13. Ҳожиёв А. Лингвистик терминларнинг изохли луғати. – Тошкент, 1985.
14. Ҳожиёв А. Тилшунослик терминлари луғати, "Ўзбекистон миллий энциклопедияси" Давлат илмий нашриёти. – Тошкент, 2002.

Bibliography

1. Chiaro, D. (1992). The language of jokes: Analysing verbal play. London: Routledge.
2. Crystal D. (1999) "The Future of the Englishes". English Today 15(2), 10-20.
3. Galperin I., 1981, Stylistics. Moscow.
4. Galperin I.R. Stylistics. Moscow. "High school". 1977.
5. Nash W., 1985, The Language and Humour. Style and Technique in Comic Discourse.
6. Norrik Neal R. 1993. *Conversational Joking: Humor in Everyday Talk*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press.

7. Abdurahmonov Sh. A. Uzbek badiij nutqida kulgi quzg'atuvchi lisonij vositalar. Nomzodlik disseratcijasi, 1997.
8. Abramovich G. L. Vvedenie v literaturovedeni. M., 1953.
9. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka. – L. : Prosveshhenie, 1981. – 340 s.
10. Askija. Toshkent, 1970.
11. Bobohonova L. T. Ingliz tili stilistikasi. – Toshkent : Uqituvchi, 1995.
12. Vinogradov V. V. Osnovnye tipy leksicheskogo znachenija slova. Izbrannye trudy. Leksikografija i leksikologija. – M. : Nauka. 1977. – 312 s.
13. Hozhiev A. Lingvistik terminlarning izohli lug'ati. – Toshkent, 1985.
14. Hozhiev A. Tilshunoslik terminlari lug'ati, “Uzbekiston millij enciklopedijasi” Davlat ilmiy nashrijoti. – Toshkent, 2002.

© Yuldoshev U. R., 2017.

УДК: 371.391

DOI: 10.24044/sph.2017.1.13

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

Д. И. Рузиева

*Доктор педагогических наук, профессор
Ташкентский государственный
педагогический университет
имени Низами
г. Ташкент, Узбекистан*

PROFESSIONALISM OF THE TEACHER IN THE CONDITIONS OF RETRAINING AND IMPROVING THE QUALIFICATION OF PEDAGOGICAL STAFF

D. I. Ruzieva

*Doctor of Pedagogical Sciences, professor
Tashkent State Pedagogical University
name after Nizami
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The article is devoted to the most important problem of our time, associated with the process of retraining and advanced training of teachers. It lists the principles in the activities of branch centers for retraining and professional development of teachers. Named the main components for the efficient operation training system, which directly affects the development of teachers' professionalism. In addition, notes the main provisions affected the progressive development of science teaching in the past more than two decades, and it is said about finding and improving the quality of educational services designed to meet the demands of modern approaches to the professional development of teachers.

Keywords: teacher; school; system of retraining and advanced training of teachers; principle; process training.

Специфика учебно-воспитательного процесса в условиях обновления содержания вузовского образования требует от педагога непрерывного совершенствования своей квалификации, постоянного

пополнения знаний и осмысления новых явлений, происходящих в повседневной жизни. В этих условиях возникает потребность развития самообразовательной, то есть индивидуальной деятельности педагога.

Совершенствование профессионального мастерства преподавателя возможно лишь при условии непрерывного общего образования и развития личности, а не только удовлетворения узкопрофессиональных потребностей.

Решение приоритетных направлений обновления содержания образования учитывается и при планировании обучения преподавателей в отраслевых центрах переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров.

Их главная цель – подготовить педагогов к переходу на новую систему обучения, направить их к дальнейшему творческому и духовному росту, а также регулярному самообразованию. Профессионализм и личностный рост проявляется и в участии педагогов в конференциях, семинарах, проектах, мастер-классах, творческих отчетах и т. д. И этот фактор повышения профессионализма педагога, в так называемом нами, межкурсовом периоде, то есть между обучением на курсах переподготовки и повышения квалификации также учитывается в деятельности таких центров.

Теоретической основой при организации мероприятий переподготовки и повышения квалификации педагогов являются принципы, тесно связанные между собой. К ним относятся философские, методологические, дидактико-методические и организационно-педагогические.

Одним из наиболее эффективных принципов является принцип *открытости*. Это свойство любой педа-

гогической системы, характеризующейся постоянным информационным обменом с окружающей социальной средой, при этом эффективность функционирования системы обусловлена степенью ее открытости.

Гуманизация предполагает создание комфортных условий получения непрерывного образования, при котором осуществляется совместное творчество обучаемых и обучающихся (субъект-субъектное взаимодействие) в режиме взаимного обучения, взаимообогащения и эмоционального положительного общения.

Интеграция – один из важных принципов, лежащих в технологии отбора содержания образования. Можно выделить следующие основания интеграции знаний: онтологическое (единство мира), гносеологическое (единство человеческого сознания и законов мышления), методологическое (наличие общенаучных методов исследования), социальное (целостность человека) и др.

Интеграция знаний в педагогической науке и в образовании выступает одним из способов повышения гибкости, мобильности науки и содержания образования в условиях непрерывно меняющегося окружающего мира и знаний о нём. Возьмем принцип дифференциации, который диалектически противоположен интеграции. В педагогической науке тенденция дифференциации проявляется, в первую очередь, в увеличении научных отраслей, научных направлений и научных дисциплин.

Принцип системности обеспечивает системную организацию непрерывного образования на основе всех его компонентов: цели, задач, содержания, методов, форм, педагогических технологий, средств обучения и различных видов учебной деятельности.

Принцип региональности предполагает учёт в системе непрерывного образования определенного территориального компонента: национальных и культурных традиций, природных и социально-экономических условий, использование в содержании образования информации, характерной для данного региона, организацию образовательного процесса, включающего лучшие традиции общечеловеческой и национальной культуры.

Принцип непрерывности вытекает из постепенности и этапности становления и развития интеллектуальной и научно-исследовательской культуры. Он предполагает организацию обучения, воспитания и развития подрастающего поколения на всех этапах: семейном, дошкольном, школьном, профессиональном, вузовском и последипломном образовании.

На каждом из данных этапов доминирует одна/две составляющих образования: обучение, воспитание, развитие.

Принцип демократизации и всеобщности имеет два очень важных аспекта. С одной стороны, этот принцип предполагает доступность и многообразие содержания, методов и форм его представления лю-

дям различного возраста в виде образовательных услуг любого вида, любого уровня в зависимости от потребностей, интересов и возможностей человека.

Принцип преемственности предполагает учёт психолого-педагогических особенностей восприятия изучаемого материала, использование адекватных методов и форм обучения, воспитания и развития, отбор содержания, обеспечивающего целостное, системное восприятие закономерностей, тенденций и проблем окружающего мира.

Принцип гибкости, альтернативности и вариативности образования предполагает разнообразие образовательных программ (вариативных и альтернативных), различной степени углубления и изучения экологии, специализации и профилизации, способность коррекции их содержания, выбор темпа и сроков обучения и т. д.

Таким образом, процесс повышения квалификации в образовательном пространстве республики носит системный, научно-методический характер, мобильно реагирующий на постоянно меняющиеся условия, что реализуется через: оперативное повышение квалификации; постоянную диагностику профессиональных потребностей педагогов и как результат – обновление содержания курсовой подготовки, а также технологизацию учебного процесса. Если рассматривать образование не как «потребляющий» компонент общества, а как основу благосостояния страны,

можно считать его технологией построения будущего.

Для эффективной деятельности системы повышения квалификации в деле развития профессионализма педагогов необходимы:

- * благоприятные и комфортные условия, складывающиеся из положительных взаимоотношений между членами коллектива;

- * признание значимости системы переподготовки и повышения квалификации в системе вузовского образования;

- * средства стимулирования добросовестного отношения педагогов к должностным обязанностям (моральное, материальное);

- * создание социальных условий для самореализации и творчества педагогов;

- * поощрение увлеченности педагогических кадров инновациями в сфере образования;

- * ответственность за своевременное получение запланированного результата;

- * социальное партнерство и поддержка системы переподготовки и повышения квалификации государственными и неправительственными организациями.

Прогрессивное развитие педагогической науки на протяжении последних более двух десятков лет показало, что только на основе

- * научного анализа,

- * осмысления своего профессионального опыта,

- * применения необходимой информации,

- * связи теории с практикой можно добиться положительных результатов в повышении профессионального роста преподавателей вузов.

Вместе с тем на сегодняшний день предстоит еще поиск и совершенствование качества образовательных услуг, чтобы отвечать запросам современных подходов к профессиональному развитию педагогических кадров.

Библиографический список

1. Тесленко А. Н. Социализация молодежи: педагогика отношений в социуме. – А. : АГУ, 2007. – 241 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Teslenko A. N. Socializacija molodezhi: pedagogika otnoshenij v sociume. – A. : AGU, 2007. – 241 s.

© Рузиева Д. И., 2017.

УДК 371.333

DOI: 10.24044/sph.2017.1.14

A STUDY ON THE EFFECTIVENESS OF EDUCATIONAL INTERACTIVE MULTIMEDIA INTEGRATION IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

D. C. Baeva*Ph.D., Doctor of Pedagogical Sciences
University of Ruse Angel Kanchev
Ruse, Bulgaria*

Abstract. The information about the effectiveness of educational interactive multimedia on the foreign language teaching and its combination with other technical tools (blended learning) is still incomplete and insufficient in terms of phonemic students' awareness. Outlined tendency is learners' preference to cognitive rather than metacognitive strategies in the process of study. In the pursuit of knowledge, the paper presents an experiment related to interactive multimedia integration in teaching Bulgarian as foreign language at beginner's level, analyzes the results and draws out methodical conclusions. It is necessary to consider the psychological aspects which are important for learners' attitude to use computers in the process of foreign language learning.

Keywords: interactive multimedia; blended learning; phonemic awareness.

At present, the new frameworks for evaluating educational results gain a growing influence. Actually, they concentrate on activities leading to a faster adaptability to reality, look for results which put aside declarative cognition and foster the analytical and flexible educational resources. They are aiming to assist the development of learner's qualities like self-discipline, ability to communicate and collaborate, reflectiveness, etc. The frameworks applied cast the leading role to the educational results and focus on the teaching medium as a means for providing optimal conditions for communication and co-operation [4].

Many scholars admit that computer based learning helps learners acquire different skills as the program provides them with clear examples for using

specific strategies. Computers have a significant role as an environment for developing both specific and general language and learning skills. Moreover, they do not just model skills - computers provide learners with tools not only for practising but for knowledge improvement as well [5].

The modern methodical principles require that the programs should be focused on the needs and specificities of learners who become the central figure in the process of software designing. Besides, suitable strategies have to be worked out to ensure the effective individual learning [2].

The design of teaching is a process by which the teacher chooses and determines the best methods in order to teach concrete learners in a concrete context.

Based on psychological, linguistic and methodical data, this study aims to work out guides for integrating applied educational software tools in the process of teaching Bulgarian language to foreigners at beginner's level. The concrete practical task is to promote suitable specialized educational software. It would be achieved with the construction of appropriate medium for eliminating the specific educational difficulties.

The educational software goal is to enhance students' knowledge, assist the teaching process, and motivate students' independent learning. After due analysis, the author chose exercises from *Разбърпате ли Български?* (*Do you understand Bulgarian?*) software, and used them for the purpose of this investigation. The elaboration is an applied software product designed for both in-class and out-of-class activities. It provides a platform for systematical and consistent development of audible culture for the Bulgarian language, without any restrictions for time and place, so that learners are able to practice their skills and experiment them at their own pace.

When choosing methodology for conducting the experiment for evaluating the effectiveness of the multimedia as an educational means, a number of factors should be considered such as: target specificity, principles of preciseness, proven high ethics, respect to discretion and effective combination of qualitative and quantitative indices and criteria.

To assess the educational effectiveness of the *Do you understand Bulgarian* software system it was necessary to find out an adequate evaluation framework with the help of well-defined process so as to generate meaningful and valid results. The stage of evaluating the designed teaching method imposed the following tasks:

- Adherence to the basic requirements for preparation, performance, assessment and interpretation of the results from the experiment.
- Performance of quantitative and qualitative analysis. The latter must be conducted not only on experimental empirical basis, but it should consider definite theoretical statements and find out the theoretical explanation of one or other result.

The experiment of this research included 28 persons – international students enrolled for the preparatory course in 2015 at the University of Ruse. To substantiate the extract representativeness, the analysis considered the evidence that the extract possesses statistical properties inherent to the general set, which makes the investigation valid for all who are learning Bulgarian as a foreign language.

The participants in the experiment were asked to answer an anonymous questionnaire that included items helping to extract objective data about processes, activities and individuals – the object of the inquiry.

- The first group of questions referred to gathering demographical and

personal data: sex, nationality and mother tongue;

- The second group of questions were related to learners' motivation to use educational software in the course of Bulgarian learning;

- The third group provoked the retrieval of information about the applicability of the software system.

Three groups were assigned for the experiment - two from the preparatory training course and one of foreign students visiting Bulgaria on Erasmus Program. The first two administrative groups included only Turkish students, while the third one consisted of three people from Spain, one from Greece, one from Azerbaijan, two from Georgia, and two from Armenia. The reason for this group to be included was inspecting the functional capabilities of the created experimental method, its universality and perspective; do the same laws that apply to the Turkish apply to the others from the preparatory training groups.

The first group (A) consisted of Turkish students and the second (B), consisted of students with various nationalities were picked to be experimental, while the third was for sample control.

Data and results processing was carried out on the basis of investigation, examination and analysis of documents and related scientific literature; searches in the web and e-databases; input and processing data from the observations and questionnaires; analysis of the results. The paper presents some interesting outcomes and the corresponding conclusions. They set up the

option, after analysis of the qualitative and quantitative data, to draw out inferences and conclusions, which can be accepted valid for most users learning Bulgarian as a foreign language.

One of the ways to raise the effectiveness of contemporary foreign language teaching is the systematic involvement of various digital tools. At the same time, many teachers and instructors of foreign language teaching are looking for better visual and audible aids to assist the language teaching. In most cases, the technical aids (computers, in particular) are used non-systematically, in unorganized manner, with no preparation, clear targets and principles, which is to the detriment of the didactic documentation.

Yet, with the first attempts to integrate computers as additional obligatory mediator in the teaching process, the reactions caused a prolonged discussion in response to learners' adjustments that have changed for the last several years. At first, the enthusiasm arose in correspondence with the technical progress resources, but over the last decades the opinions became contradictory: on one hand, the attitude to ICT application is implicit, on the other hand – learners express quite an explicit attitude to computers as a second mediator. The questionnaire that was used for the purpose of this study included an item that analyzed learners' adjustments. The responders were asked if, unaided, they would use educational software for learning Bulgarian language. They gave the following answers: *Yes, I would use –*

68 %; *No, I don't think it is necessary* – 7 %; *No personal opinion* – 25 %.

The result is truly interesting and provocative for analysis, as the exclusively low percentage of the responders who think it is not necessary to use computer machines in the process of foreign language teaching shows that the potential users of the software system are either motivated or insufficiently interested, or uninformed to have their own opinion. Hence, the attention has to be directed to the systematic application of interactive software products so that to help learners estimate the benefits of the digital tools. In result, the foreign language teaching shall be closer to the educational standards of the developed countries that would correspond to EC directives for cultural collaboration.

The diagrams show a shift towards increased interest in the foreign language blended learning. In a century of total computerization regardless of the initial adjustments for traditional attitude to classical teaching methods, the opportunity to make use of personal computer benefits raises the interest in foreign language learning.

The respondents were also asked to answer the following question: Is your comprehension of Bulgarian language easier after the exercises? Certainly, the reply presumes a systematic application of the software proposed, but in this case the question gives a chance to evaluate the general adjustment regarding its usefulness. The results are encouraging: 68 % claim “Yes, it is easier”, 11 % – “No, it is not”, 21 % – “No personal opinion” (see Fig. 2).

Проведеният курс от фонетични упражнения увеличи ли интереса ви към обучението по български език?

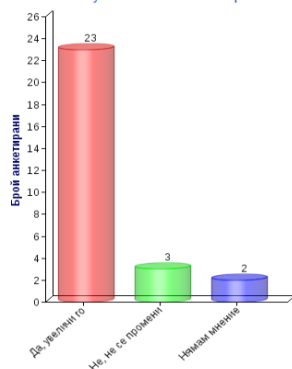

Figure 1. Explicit interest in phonetic exercises for learning Bulgarian as a foreign language

След провеждането на упражненията по-лесно ли разбирате българска реч?

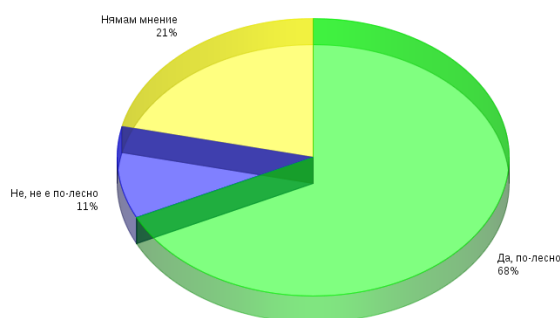

Figure 2. Opinions related to the benefits of listening exercises in foreign language teaching

The above mentioned results give us grounds to conclude that the appli-

cation of multimedia software product enhances learners' interest to master

the language system and motivate their study.

The question *“Do you consider that the course adds to your acquisition of Bulgarian language?”* aims to evaluate the adjustment of the international students for integrating applied software tools (the proposed software product in particular) in the process of learning Bulgarian language. Respondents’ opinions will outline to a great extent the application domain of the web based course *“Do you understand Bulgarian”*. The questionnaires contain a solid answer: *“Yes, I do”* – 93 %, *“No personal opinion”* – 7 % and nobody has answered that the course was useless.

The results from answering the question, *“Would you recommend the application of educational software to other people learning Bulgarian language?”* do certify the quality of teaching assisted with multimedia software tools. The high percentage of respondents’ affirming answer – 96,4 %, support the idea that education with integrated tools of suitable multimedia software shall motivate learners and shall intensify foreign language teaching.

In summary, all respondents participated with responsibility and sympathy

in the experiment, clearly manifesting their willingness to work with the proposed multimedia software system of exercises that has been designed for developing phonemic awareness and independent practicing.

In order to find out how much the results of the work groups are reliable, if the proposed interactive system of exercises for hearing distinction and identification of Bulgarian phonemes in advanced stage of studying, we conducted a speech practice and post-experimental observatory period,

Two weeks after the training for a couple of hours the researched people were invited in a computer lab and without realizing the confidentiality of the lesson they did the interactive system of exercises. Talking sessions were also conducted. The willingness of the students for the implementation of the computer as a medium in the studying process is shown in the answers given to the question *“Do you find beneficial the use of foreign language learning software in the process of studying in the future?”*

Comparing the attained results it is visible that the inner motivation of the experimental groups has increased, reaching 100 % approval.

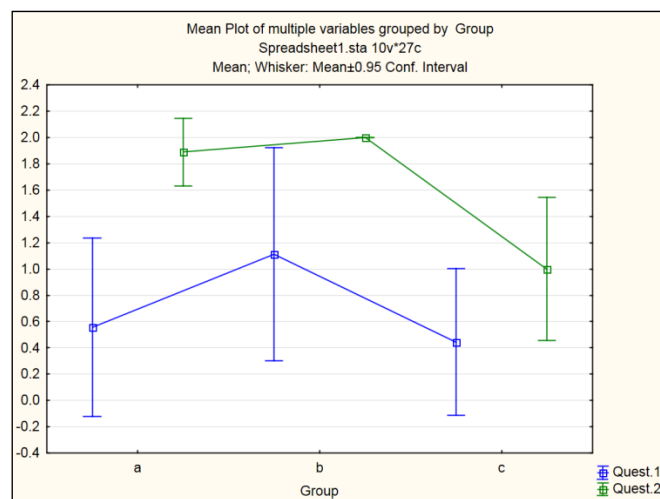

Figure 3. Influence of the interaction between the two factors on the inner motivation

It is clear, that the students from the control group in comparison with the experimental group tend to make up to 3,5 times more phonological mistakes. The results from the additional inspections showed, that the formed skills in the foreign students to hear different sounds in words and to relate them to a phoneme in Bulgarian, to comprehend the wordbuilding and meaning-distinguishing role of the phonemes are enough sustainable.

The following conclusions and ideas can be drawn out:

1. Foreign language teaching needs relevant conditions, which have to be provided by the educational institutions, for the purpose of using specialized software products or websites including sets of exercises for all levels of language acquisition.

2. The outlined tendency is learners' preference to cognitive rather than metacognitive strategies in the process of study. This estimation stimulates

teachers to develop computerized models which focus on strategy diversification in order to enhance learners' motivation and hence, their achievements.

Bibliography

1. Baeva D. The interactive multimedia as a language learning resource on the initial level of language acquisition, *Paradigmata poznání*, 2014.
2. Chapelle C. The Relationship Between Second Language Acquisition Theory and Computer-Assisted Language Learning, *The Modern Language Journal* 2000.
3. Kehoe, Pitt 2006: Kehoe, A., I. Pitt., 24th annual ACM international conference on Design of communication, Myrtle Beach, USA ACM.
4. Mayes, T. Designing Help Topics for use with Text-to-Speech & de Freitas, S. *Review of e-learning frameworks, models and theories*. JISC e-learning models for desk study. Retrieved, December 22, 2006.

5. Pennington, M.C., The road ahead. A forward-looking view of computers in language learning, CALL. vol. 4:3-19, 1996.
6. Warschauer, M. Online learning in second language classrooms: An ethnographic study', Cambridge University Press, 41-58, 2000.

© Baeva D. C., 2017.

UDC 72

DOI: 10.24044/sph.2017.1.15

**IMPLEMENTATION OF INTERACTIVE ENVIRONMENT
FOR RECOVERY AND REHABILITATION****K. Boychenko***Master
Polytechnic University of Milan
Milan, Italy*

Abstract. The article describes impact of interactive environment or its' elements on recovery in medical field. It explains benefits of interactive systems embedded on design stage and how these systems can improve users' or patients conditions in future, helping them to recover faster, changing their experience of medical environment and recovery process. The research considers relation between space perception and attachment to the space, explaining how interactive environment effect patients on mental, emotional, physical and even social scales. The article proves that interactive environment, virtual reality and smart objects are able to provide space with new qualitative characteristics.

Keywords: interactive environment; architecture; smart design; recovery; space perception; virtual reality.

1. Introduction

It's a well known fact that the environment plays a major role in recovery of patients after surgery, while on treatment or those who have to face with rehabilitation in their everyday life. For this kind of people interactive and responsive environment is not just a relief in comparison with ordinary 4 white walls of the hospital, but also a tool to recover faster and make the process more pleasant. The patients are not necessarily obliged to see all the frightening tools and sensors all over them, feeling anxious and uncomfortable under the cold hospital lamps' light. With

application of interactive techniques, the patients may not even be aware of all the data gathered from a session and the hidden procedures running during their presence in the room. They will receive maximum relaxation and minimum reminding of the reason they are in a medical facility.

During the design of the building, evaluation and prediction of users' need has to be taken into consideration, as it often might require a specific organization of the system, and the needs are changing over time. The primary targets for development of the space' ac-

tivities are the military, the elderly and the handicapped.

Benefits of interactive architectural solution include the possibility for physical therapy, exercise, and other activities that are beyond the typical demands of the living space. Interactive technologies can allow disabled and older people to retain desired level of independence within their home that previously was impossible. People with reduced capabilities may experience difficulties with performing everyday activities, like opening doors, windows, moving inside their living space and so on. It is now possible to make their life much easier and comfortable by means of interactive architecture.

2. Literature data analysis and problem statement

Motion in architecture already has been discussed many times by various professionals (Giedion, Ferstegen, Jormakka, Lynn) in attempts to describe, classify, separate or represent it. Motion is one of the driving forces aiming to express architecture. There are two main methods of expressing motion in architecture: the procession or the superimposition. In processional models of time, architecture is the immobile frame through which motion passes. It is based on static frames and have fixed relationships between functional program and user. The elimination of force and motion from form is the basis of recent alternatives (e.g. sequential model). Static frames are being multiplied and put in a sequence in order to introduce the idea of "dynamic" architecture as multiply framed. An alternate model of time

and motion resists the separation of form from its animating forces. Form is perceived in a space of virtual movement and force rather than within an ideal equilibrium space. Instead of fixed prototype, a flexible, mutable models are created, which are rather a potential of multiple variables ("performance envelope"). In result "architecture can be modeled not as a frame but as a mobile participant in dynamical flows" (Lynn, 1998). To do that, necessary is more than a shift in technology, but rather a shift in sensibility from reduction to combination to compose time based, topological designs. Although the introduction of time and motion techniques into architecture affects visual qualities, it is inappropriate to understand technology in terms of style.

With the development of new technical capabilities, "smart objects" start being able to receive a lot of information from the external environment. The people's behavior is a significant part of this environment. This leads to necessity of understanding the feedback with the world and the notion of "family of smart objects" in our environment that can communicate with us and with each other by sending messages using the built-in microprocessors which are giving different information. A lot of these components are designed to capture information from the environment, such as temperature, light levels, wind speed and noise. Some components are able to receive simple messages from the man. They feel our presence radiated heat or movement and react in some way [1].

Any action transfers information. Oosterhuis argues that modern architects design structures to shape the behavior of the media. It is so for the very simple house. Urban planners design strategies for structuring the information flow in the city. It is so for all cities, large or small. Oosterhuis offers to pay more attention to the membranes in the spaces and passages in these membranes within the design process, taking into account the flow of information in any form, instead of focusing on the physical exterior spaces that are built upon ideas about the behavior of people.

3. Purpose and objectives of research

The social conditions change with the progress of new technologies and so do the building typologies, becoming interchangeable and developing a universal type of space that is able to accommodate various typologies at the same type. This new type of space requires specific mobility and flexibility.

Interactive Architecture may be introduced as convergence of artificial intelligence on one side and kinetics on the other. The intelligence is represented by embodied computation and balanced by the physical part (kinetic) in order to create the architectural environment that would successfully satisfy the evolving needs and psychological, physical, social and environmental demands. It uses modern and constantly developing technologies, exploring new methods and applications that enable the space to reach new qualities, becoming dynamic, respond-

ing and active. The kinetic function is performed by the ability of moving object to create adaptable spatial variations or the motion of transformable objects, occupying the predefined space. Robert Kronenberg defines such systems as buildings or building components with variable mobility, location, and/or geometry [10].

Intelligent space may be considered as a reactive and interactive space that is able to analyze and understand its environment or conditions, operate received information, learn from it and produce a feedback.

The types of pressure on trends in kinetic architecture can be divided into two general categories: "pragmatic" and "humanistic". The implication of kinetic architecture touch upon building performance on the one hand and aesthetic phenomenology on the other. Pragmatic applications are concerned with solving needs and optimizing solutions. The general implications of utilizing such systems in architecture include , but are not limited to: space efficiency, shelter, security, transportation, safety, and economics. The humanistic pressures define physical and psychological the effects that the changes in architectural environment has on its users. It means that the motion of architectural elements should be designed considering the way a user, that might move as well, would perceive this space, with constantly changing vantage point. Chuck Hoberman points the emotional dependence on the motion: "When one sees this special behavior [of transfor-

mation], one feels it in one's body – perhaps a physiological connection, because there is a sensation, a physical sensation and a mental perceptual sensation." For instance, temporary divisions in hospitals, movable partitions in offices or furniture that disappears or transforms when it is not in use are driven by pragmatic need for privacy rather than by humanistic needs [11].

5. Research results

People with limited abilities (due to current state for a short period of time till they are able to perform everyday tasks by themselves or due to their general health conditions) need special assistance and it is not always desired to get it from other people or to ask for it. They also need therapy that may scare and depress, experienced as a torture. In many cases of post-surgery therapy patient need to do special exercises throughout a long period of time, that are often confusing, not saying hard to perform. The patients can start losing their motivation as a result of being not able to do the exercises correctly from physiological point of view and to achieve a necessary relaxation psychologically. Consequently, physiological and psychological problems increase the risk of backset of the disease or slow down the recovery progress significantly.

A major part of the patients need more support for their rehabilitations to avoid possible complications, including physically disorder, attention and memory diminished due to stress, anxiety, fatigue and nausea, mitigate side effects and recover their well-beings. The technological develop-

ment of responsive space is able to improve patients' physical therapy and psychological relaxation experience through careful applications of interactive technologies. It allows to make the whole procedure fun and playful for patients, like a game they are willing to play it and to exercise every day, to distract them from pain, discomfort and depressing thoughts, to make the procedures personalized for each visitor and adjusted to his or her special needs, and to help the medical personnel in making more accurate observations of patients' recovery progress and maintain safety.

If user can adjust physical geometry, the whole new field of possibilities opens in the way the environment can be used in real time. This new experience relies on understanding and interpretation of potential of the space, its components, in a specific time frame. Architecture now plays a more active role in suggesting new ways for its' users, based on real time information exchange and adaptation. This experience depends on the way a user or a group of users decide to interact with it, whereby the rules are dynamic and variable [4].

Interactive architecture, in terms of relying on sympathetic understanding of biological systems, may be considered as a breakthrough in the old methods of its' organization and construction. Space with high communicative capability can foster a heightened sense of attachment. According to Salinger: "Our society tries to understand its own structure, and builds its physical extensions on the earth's sur-

face, guided by the blank slate hypothesis" [8].

The real attachment to space is only possible when the space becomes truly interactive, understanding itself and the users, able to sustain, replicate or even enhance the features that make it special on the personal levels. When the space understands and mediates all the multiple (sometimes conflicting) desires and needs, the users start to understand the space by means of anthropomorphic concepts, like supporting or understanding. This space creates strong attachment to itself.

4. Research methodologies and materials

In previous years multimedia technology is usually applied to help patients' in gaining all the information they need about their diseases and ways to treat and fight them. Now the technology is used to persuade patient to do exercises, and to stimulate their ability in paying attention on learning rehabilitations. For example, a computer aided virtual reality simulations for stroke patients to rediscover their motor capabilities. The studies show that the task of learning in a multimedia system can really help stroke patients recover their physical capabilities, shortens the therapeutic time, and encourages patients to do the exercises in a more positive way [7].

The Rehabilitation Gaming System (RGS) is one of many examples of interactive environment implication for rehabilitation purposes. It has been designed as a flexible, virtual-reality based device for rehabilitation of neu-

rological patients. The RGS is based on the neurobiological considerations that brain plasticity remains throughout life and can thus be utilized to achieve functional reorganization of areas affected by stroke by means of activation of secondary motor areas such as the so called mirror neurons system. As a multi-level adaptive tool, the RGS provides a task oriented game training with individualized graded complexity. It is assumed that the VR-based training protocol related to RGS creates conditions that aid recovery by virtue of the human mirror neuron system. The evidence for this assumption is identifying the brain areas involved in controlling the catching of approaching colored balls in the virtual environment of the RGS. The imagery of target catching was related to activation of frontal, parietal, temporal, cingulate and cerebella regions. These activations in relation to object processing, attention, mirror mechanisms, and motor intention. Active catching followed an anticipatory mode, and resulted in significantly less activity in the motor control areas [9].

5. Research discussion

The environment should help the patients, especially in the beginning of the rehabilitation process, when they fill nervous and unfamiliar with the procedure and space. It is able to create a friendly environment by analyzing the patients' heart-beat and breath rhythms and to help them in relaxation, shaping the rhythm with adjusted to each patient sound, light and temperature performance of the space. The

embedded computation system will analyze the reactions of the patient and changes in his or her conditions, in order to create the most suitable environment. In breath relaxation sessions a respiratory sensor can monitor, for example, the movement of the abdomen region of the patient, this way the system will have the needed data about the status of the relaxation by visualizing the biofeedback results, and to recognize the patients' current relaxation level in real-time during the procedure. The preferred settings can be saved for later when this patient comes back.

For some types of therapy full body and mind relaxation is crucial, in this case a virtual reality room is a perfect tool. The virtual reality rooms can help patients in achieving maximum level of relaxation. While relaxing narrations persuade the patient to imagine a virtual journey, the screens combined with sound and light effects show changing video of the relaxing places, a green loan, a warm sea or the sky, the couch or a special chair emulates the movement, helping a patient to dive deeply into this illusory reality. For example the journey can take place in the outer-space full of stars, which will reflect the patients' breathing rhythm. With the data derived from respiration sensors embedded in the equipment secretly, the stars will move according to the speed and depth of the patients' exhalation and inhalation. This interactive performance can help the patients to leave their fears and problems in the endless cosmic space. In the end of the session the patient will be brought back through a beautiful nebula, and

then taken back to earth eventually and safely grounding back to reality.

6. Conclusion

In interactive spaces designed by architects, technological development rise a discourse about the role of the architect, because now the space-responsive mechanisms allow people to choose a primary position and the configuration (the design) of their own space, taking into account the needs, allowing to change the color, texture, size, and transparency of the walls, offering a dialogue with the environment, making it clear that architects no longer obliged to constraint and limit boundaries of human movements and desires. A person becomes a co-author of a participant of development of architectural environment: on one hand, he transforms the state of the form, on the other hand – the response, the user now is largely responsible for the outward manifestation of the form. Such an environment interacts and responds to anyone who wishes to interact (the concept of "open source") from a child to a professor. There may be questions: what happens if the media is angry, what degree of freedom and independence it can have and what opportunities and limits of these possibilities belong to the user? [3]

Bertsky argues that our culture is supersaturated with effects, in other words, the entire production process is hidden from us. We are surrounded by effects. All magically appears from nowhere, only the result is exposed. Therefore, in this conditions the architecture should operate on the level of effects as well [12].

Ben van Berkel says that the role of architecture is to make us understand ourselves and the world around us in a new way, remain a mirror for the real world" [2; 6].

Using emerging images, light, sound, moving and changing its spatial configuration intelligent space makes the user sink into the atmosphere that is created for each of the activities taken within it and able to project information in the outer shell. Smart environment proposes the whole situation for the user to get involved into this conversation with the space, full of information, hidden or exposed possibilities, choice of activities, details, games and even jokes and allusions that the user is free to intemperate as his intelligence, experience and sense of humor lets him to [5].

Bibliography

1. Alyena Kereshun, Abilities of Interactive Architecture, Architecton: university news № 14, 2006.
2. Ben van Berkel, Caroline Bos, Move, Paperback 1999.
3. Dana Cuff, Architecture: the story of practice MIT Press 1991.
4. Dan Saffer, The Elements of Interaction Design, UXmatters, 05 2006.
5. Kristina Boychenko, Interactive Architecture: development and implementation into the built environment, European Journal of Technology and Design Vol. (15) March 2017.
6. Kristina Boychenko, Sences and Behavior of Interactive Environment, Vestnik Nauki i Obrazovaniya №2 (26) February 2017.
7. National Taiwan University, i-m-Space: Interactive Multimedia-Enhanced Space for Rehabilitation of Breast Cancer Patients" (Graduate Institute of Networking and Multimedia; Department of Computer Science and Information Engineering; College of Medical; Department of Psychology; National Taiwan University; Foundation of Breast Cancer Prevention and Treatment 2010.
8. Nikos A. Salingaros, Towards a Biological Understanding of Architecture and Urbanism: Lessons from Stephen Pinker, Katarxis 3 2004.
9. Prochnow D, Bermúdez I Badia S, Schmidt J, Duff A, Brunheim S, Kleiser R, Seitz RJ, Verschure PF, A functional magnetic resonance imaging study of visuomotor processing in a virtual reality-based paradigm: Rehabilitation Gaming System, Department of Neurology, University Hospital Düsseldorf, Düsseldorf, Germany 2009.
10. Robert Kronnenber, Transportable Environments 2, London, Spon Press 2003.
11. Transformable Architecture, Interview with Chuck Hoberman, PingMag, 07 2007.
12. Vladiir Belogolovskiy, Interview with Aaron Betsky, Architectural herald, №2 (89) 2006.

© *Boychenko K.*, 2017.

УДК 159.9

DOI: 10.24044/sph.2017.1.16

**ПРОВЕРКА ВАЛИДНОСТИ ПРОЕКТИВНОГО ТЕСТА
НА АГРЕССИЮ**
(на примере теста «Рисунок несуществующего животного»)

Ю. В. Щербатых

*Доктор биологических наук, профессор
Воронежский институт (филиал)
Московского гуманитарно-
экономического университета
г. Воронеж, Россия*

**CHECK THE VALIDITY OF THE PROJECTIVE TEST
OF AGGRESSION**
(for example, the test "Drawing a nonexistent animal")

Yu. V. Shcherbatykh

*Doctor of Biological Sciences, professor
Moscow Humanitarian Economic University
Voronezh Institute (branch)
Moscow Humanitarian Economic University
Voronezh, Russia*

Abstract. The article is devoted to the validity of projective tests. Comparing the results of tests on aggression Buss – Durkee Hostility Inventory (BDHI), test anxiety, Cattell’s 16 Personality Factors Test (16PF) and projective test "drawing a nonexistent animal". Studied the correlation between the parameters of drawing and personal characteristics of the subjects. Many interpretations of the test "nonexistent animal", which appear in the literature, was not confirmed. Not found a correlation between measures of anxiety and characteristics of the figure. It is established that the presence of teeth, horns and claws are not directly related to increased aggressiveness, defined according to the test BDHI. On the other hand, was discovered an interesting correlation of the personal characteristics of the subjects such details of design as tails, ears, and the size of the eye.

Keywords: projective techniques; validity; drawing of nonexistent animal; aggressive behavior; aggression; aggressiveness; hostility; anxiety; personal characteristics; test BDHI.

В своей работе практические психологи используют различные психодиагностические методики, включая «проективные тесты», которые, по замыслу их создателей, позволяют более глубоко заглянуть в подсознательную сферу испытуемого [1; 2; 3; 7]. Однако такие пси-

ходиагностические инструменты имеют ряд недостатков: большая субъективность, нечеткость критериев оценки, преобладание качественных показателей над количественными и т. д., что приводит к сильной зависимости результатов от личности интерпретатора, и в итоге – к низко валидности метода, что бывает особенно критично при профессиональном подборе работников [4; 6]. Поэтому целью данной работы было измерение корреляционных связей между проективной методикой и рядом бланковых тестов, обладающих высоким уровнем валидности.

К числу достаточно распространенных в России проективных методик, широко используемых в практической психологии, относится рисунок «несуществующее животное» (РНЖ) [1; 2; 3; 7]. Следует отметить, что, хотя данный рисунок очень широко применяется в работе психологов, степень его валидности пока остается предметом дискуссии, так как основная часть его трактовок остается весьма произвольной, базируясь в основном на понятии «здравого смысла» или образного мышления, и пока не прошла корректную статистическую проверку с участием бланковых тестов.

При этом следует понимать, что полной и исчерпывающей проверки проективной методики путем анализа ее отдельных компонентов сделать достаточно трудно, ибо проективные рисуночные методики относятся к «правополушарным»

инструментам, где рисунок воспринимается целиком и подвергается эмоционально-образному субъективному восприятию. Соответственно, целью нашей работы было проведение исследования, которое должно было оценить валидность теста РНЖ. Перед нами стояли две основные задачи: во-первых, сопоставить отдельные детали рисунка в тесте «Несуществующее животное» с показателями агрессивности и тревожности в бланковых тестах, и, во-вторых, подобрать те из параметров рисунка, которые являются наиболее информативными для оценки показателей вышеуказанных свойств личности.

По устоявшемуся в отечественной литературе мнению, ряд особенностей рисунка «несуществующего животного» являются априорными признаками агрессивности. К ним обычно относят зубы, когти, рога и т. д.

Методы исследования

В данной статье приводятся результаты исследования, включающего в себя четыре психодиагностических инструмента: тест на уровень агрессивности (враждебности) Басса-Дарки, тест на уровень личностной тревожности Спилбергера-Ханина, тест-опросник Кеттелла, и проективный тест «Рисунок несуществующего животного» [1]. В тесте на уровень агрессивности мы измеряли показатели всех восьми основных субшкал (физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение, негативизм, обида, подо-

зрительность, вербальная агрессия и чувство вины), а также двух интегральных – агрессивности и враждебности. Рисунок «несуществующего животного» изучался нами по большому числу показателей. Изменялся размер рисунка, количество зубов, когтей, глаз, крыльев, хвостов, конечностей животного, растительности на лице и пр. Некоторые признаки анализировались более детально. Так при наличии рогов оценивалось их направление (вверх, горизонтально или вниз), изображение рта анализировалось в соотношении с изображенными эмоциями, оценивалось положение плеч (опущенные или приподнятые) и т. д. Затем полученные результаты обрабатывались при помощи статистической программы и выявлялись показатели корреляции между параметрами рисунка животного и результатами остальных трех тестов – на тревожность, агрессивность и личностные качества. Рассматривались и обсуждались только показатели корреляции с уровнем значимости $p < 0,05$. Данная статья основана на обработке тестов 92 испытуемых обоего пола в возрасте от 18 до 45 лет.

Результаты исследования

Согласно нашим данным, количество зубов на рисунке значимо не коррелировало ни с одним из показателей валидных бланковых тестов. Обычно наличие зубов трактуется как защитная вербальная агрессия, но анализ результатов большого числа рисунков показал, что коэффициент корреляция между количеством зубов и показателем вер-

бальной агрессии был всего 0,14 при уровне значимости $p > 0,24$, а корреляция с индексом «Враждебности» была почти нулевой, со слабым отклонением в минус. С другой стороны нами была обнаружена интересная связь между количеством зубов и позитивным расположением уголков рта: чем более уголки губ были растянуты и подняты вверх, тем больше зубов рисовали испытуемые. Коэффициент корреляции между этими показателями был +0,31 ($p < 0,01$), и это означает, что наличие зубов, гораздо чаще выражает улыбку, а не агрессивный оскал. Наши исследования подтверждают сомнения А. Г. Шмелева по поводу необоснованной оценки наличия зубов в рисуночном тесте, который писал: «Вы читаете рекомендацию к интерпретации «Несуществующего животного»: «Если торчат зубы, значит, проявляется агрессия. Но... стоп! А как торчат? Может быть, это улыбка? Ведь при улыбке зубы тоже обнажаются, хотя по-другому, нежели в случае агрессивного оскала. А насколько должны быть растянуты и приподняты уголки рта при улыбке?» [4]. Другие «маркеры» агрессивности, широко используемые психологами в диагностической работе, также не прошли проверку корреляционного анализа. Коэффициент корреляции между интегральным показателем агрессии по тесту Басса-Дарки и рогами или с наличием клюва составлял всего +0,04, а с когтями вообще был отрицательным (-0,11). В то же время интегральный показатель

агрессии положительно коррелировал с числом глаз, и хотя коэффициент корреляции был невысоким (+0,23), но достоверным ($p < 0,05$). Мы не знаем, на чем основывался Д. Я. Райгородский, когда писал, что «глаза являются символом присущего человеку страха» [1], так как в нашем исследовании не была отмечена связь размера или числа глаз с уровнем личностной тревожности по Спилбергеру. Направленность вверх рогов значимо коррелировало только с индексом «подозрительности» +0,34 ($p < 0,01$) и несколько менее – с интегральным показателем враждебности, который складывается из обиды и подозрительности.

Из параметров рисунка, редко упоминаемых в руководствах, неожиданную информативность проявил размер всего рисунка в целом, который коррелировал с уровнем как вербальной агрессии +0,25 ($p < 0,05$), так и физической +0,24 ($p < 0,05$). Еще более значимая корреляция была отмечена между показателем вербальной агрессии и площадью, занимаемой самим животным на листе бумаги. Коэффициент корреляции между этими показателями составлял +0,35 ($p < 0,01$).

Очень интересными оказались выявленные нами в процессе данной работы связи между наличием хвоста (хвостов) и результатами теста Басса-Дарки. Наличие хвоста отрицательно коррелировало с показателем вербальной агрессии -0,24 ($p < 0,05$), с обидчивостью -0,24

($p < 0,05$), и чувством вины -0,24 ($p < 0,05$). При этом корреляция элемента с интегральным показателем «враждебности» составило -0,26 ($p < 0,05$). Все эти данные позволяют сделать вывод, что наличие хвоста в рисунке свидетельствует о пониженной агрессивности испытуемого. Еще один интересный показатель – наличие ушей у нарисованного животного. Эта деталь отрицательно коррелировала с общим индексом агрессивности и негативизмом -0,23 ($p < 0,05$). В литературе мы нашли следующую интерпретацию наличия ушей в рисунке несуществующего животного: «большие уши => «человек с большими ушами» => повышенная заинтересованность в информации о себе» [7]. Оценка уровня корреляции между личностными качествами испытуемого и параметрами его рисунка косвенно подтверждает данное априорное предположение, так как мы обнаружили отрицательную связь между наличием ушей на рисунке и фактором Q2 теста Кеттела. В целом это означает, что, если испытуемый рисует у животного уши, он, во-первых, менее агрессивен, во-вторых, позитивно воспринимает сказанное другими людьми, а, в-третьих, больше нацелен на коллективную деятельность, чем на одиночную работу.

Хотим также отметить, что показатель «Личностной тревожности» по тесту Спилбергера-Ханина не коррелировал ни с одним из восемнадцати параметров рисунка, кото-

рые мы использовали в данной работе, поэтому тест «Несуществующее животное» мало подходит для оценки тревожности по исследованным нами количественным параметрам рисунка.

Выводы

Многие трактовки рисунка «несуществующего животного», которые описываются в литературе, не подтвердились. В частности, не обнаружены корреляция между показателем тревожности, определяемой по опроснику Спилбергера и исследованными характеристиками рисунка. Также установлено, что наличие зубов, рогов и когтей не связано напрямую с интегральным показателем агрессивности, определяемому по тесту Басса-Дарки. С другой стороны, мы обнаружили важный показатель рисунка, свидетельствующий о пониженной подозрительности, обидчивости и чувстве вины – это оказалась такая деталь рисунка как хвост. Еще одним важным показателем, отражающим личностные особенности испытуемых, являются размеры глаз нарисованного животного, которые коррелировали с такими особенностями личности как замкнутость, эмоциональная нестабильность, робость и фрустрированность. Также показана важность учета наличия у рисунка ушей, которые оказались связанными с позитивным образом мысли, миролюбием, социальной ответственностью, организованностью и склонностью к тесному взаимодействию с другими людьми.

В итоге можно заключить, что точный количественный подсчет элементов рисунка «несуществующего животного» и сравнение их с показателями проверенных бланковых тестов позволяет повысить валидности данного психодиагностического инструмента.

Библиографический список

1. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учебное пособие. – Самара : Бахрах-М., 2000. – 672 с.
2. Тропина Л. Б. Психолого-педагогическая коррекция агрессивного поведения старших подростков // Концепт, 2015. – № S8. – С. 1–5.
3. Чеснокова О. Е. Диагностика агрессивности ВИЧ-инфицированных мужчин, осужденных к лишению свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2003. – № 2. – С. 102–104.
4. Шмелёв А. Г. Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. – М. : ООО «ИПЦ Маска», 2013. – 688 с.
5. Щербатых Ю. В., Ермоленко П. И. Проблема оценки валидности проективного теста «рисунок несуществующего животного» // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2016. – № 4 – С. 112–117.
6. Щербатых Ю. В. Психология труда и кадрового менеджмента в схемах и таблицах: справочное пособие. – 2 издание. – М. : КноРус, 2014. – 248 с.
7. Яньшин П. В. Клиническая психодиагностика личности. – СПб. : Речь, 2007. – 384 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Rajgorodskij D. Ja. Prakticheskaja psihodiagnostika. Metodiki i testy : uchebnoe posobie. – Samara : Bahrah-M., 2000. – 672 s.
2. Tropina L. B. Psihologo-pedagogicheskaja korekcija agressivnogo povedenija starshih podroستkov // Koncept, 2015. – № S8. – S. 1–5.
3. Chesnokova O. E. Diagnostika agressivnosti VICH-inficirovannyh muzhchin, osuzhdennyh k lisheniju svobody // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. – 2003. – № 2. – S. 102–104.
4. Shmel'jov A. G. Prakticheskaja testologija. Testirovanie v obrazovanii, prikladnoj psihologii i upravlenii personalom. – M. : ООО «IPC Mas-ka», 2013. – 688 s.
5. Shherbatyh Ju. V., Ermolenko P. I. Problema ocenki validnosti proektivnogo testa «risunok nesushhestvujushhego zhivotnogo» // Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoj Sibiri. – 2016. – № 4 – S. 112–117.
6. Shherbatyh Ju. V. Psihologija truda i kadrovogo menedzhmenta v shemah i tablicah: spravocnoe posobie. – 2 izdanie. – M. : KnoRus, 2014. – 248 s.
7. Jan'shin P. V. Klinicheskaja psihodiagnostika lichnosti. – SPb. : Rech', 2007. – 384 s.

© Щербатых Ю. В., 2017.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosphere@yandex.ru**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, од-

ному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид СФ-ФИО, например: **СФ-Петров ИВ** или **SF-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество
Ученая степень, специальность
Ученое звание
Место работы
Должность
ORCID
Домашний адрес с индексом
Сотовый телефон
E-mail
Необходимое количество печатных экземпляров

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDESKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2017 ГОДУ**

Дата	Название
5–6 апреля 2017 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2017 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2017 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2017 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2017 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2017 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2017 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2017 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2017 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2017 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2017 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2017 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2017 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2017 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2017 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2017 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2017 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2017 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2017 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2017 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2017 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2017 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2017 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования

25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • CrossRef (США)	• Global Impact Factor – 1,687, • Scientific Indexin Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • РИНЦ – 0,279.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor(Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • CrossRef (США)	• General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexin Services – 1,04, • Global Impact Factor – 0,844, • РИНЦ – 0,258
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,832,
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,725,
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,75,
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,742,

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- *doi* assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Главный редактор Б. А. Дорошин

№ 1, 2017

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

Opinions expressed in this publication are those of the authors and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.

Электронная версия номера размещена
на сайте журнала <http://sociosphere.com/sociosphere>

Редактор – Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 30.03.2017. Формат 60х84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 11,9. Тираж 100 экз. Заказ № 1/17.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440026, Россия, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-в.
Тел. (8412)21-68-14,
веб-сайт: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов,
ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У. Тел. (8452) 24-85-33